

МЕРА

Литературно-художественный журнал
Ярославской области

№ 1, 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ГАУ Ярославской области
«Информационное агентство
“Верхняя Волга”»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Г. В. Кемоклидзе,
член Союза писателей России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Е. А. Ермолин,
член Союза российских писателей;

В. Ю. Перцев,
член Союза российских писателей;

А. А. Серов,
член Союза писателей России;

О. Н. Скибинская
(зам. главного редактора),
член Союза писателей России

С. Ю. Сырцова,
директор ГАУ Ярославской
области «Информационное
агентство “Верхняя Волга”»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
150000, Ярославль,
ул. Собинова, д. 1

Рукописи на рассмотрение
принимаются в виде компьютерной
распечатки с соблюдением принятых
стандартов плюс электронный вариант
(дискеты не принимаются).

Редакция не имеет возможности
вступать в переписку, рецензировать
и возвращать неказанные
ей рукописи и иллюстрации,
а также предоставлять справочную
информацию.

Редакция оставляет за собой право
редактировать присланные материалы.
При перепечатке ссылка на журнал
«МЕРА» обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Александр КОНОПЛИН. **Флейта.** Повесть 3
Борис ФАРАФОНТОВ. **Музыкальные волки.** Рассказ 17
Алексей СЕРОВ. **Вавилон.** Повесть 41
Семен РАБОТНИКОВ. **Художник.** Рассказ 91
Ирина ГРИЦУК-ГАЛИЦКАЯ. **Начальник «Бухенвальда».**
Рассказ-быль 102
Юрий БОРОДКИН. **Третьего не миновать.** Повесть 127

ПОЭЗИЯ

- Сергей ХОМУТОВ. **Превыше молитвы** 21
Владимир ПЕРЦЕВ. **Стрела без цели** 27
Ольга КОРОБКОВА. **«Своими именами назовутся»** 33
Константин КРАВЦОВ. **Птичий человек.** Памяти поэта Ва-
силия Галюдкина 36
Александр БЕЛЯКОВ. **«Съезжались гости в черный ящик»** 62
Тамара РЫКОВА. **«Мой стих с крылатостью печальной»** 65
Эмма МАРЧЕНКО. **Нежданые стихи** 69
Леонид СОВЕТНИКОВ. **«И смысла не отбрасываю тень я»** 73
Любовь НОВИКОВА. **«Другой судьбы у птицы нет»** 76
Евгений КОНОВАЛОВ. **«По канату сплетенных стихотво-
рений»** 81
Тамара ПИРОГОВА. **«Во всем сквозит небес улыбка»** 114
Тамара РЫКОВА. **«Я выбегу — счастливей всех...»** Памяти
поэта Людмилы Николаевой 121
Людмила НИКОЛАЕВА. **«Мы смеемся сквозь слезы»** 124

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

- Юлия КОРОБОВА. **Третий путь.** Эмо-повесть 146
Алексей БОКАРЕВ. **Творя божество** 170
Надежда ПАПОРКОВА 173

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений ГУСЕВ. В творческом содружестве 176

ВЕРСИЯ

Альберт МАКСИМОВ. Святослав и Владимир: дядя и племянник? Князь Святослав погиб в Болгарии? 182

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Евгений ЕРМОЛИН. Первый в российской провинции 191

Ярослав СМИРНОВ. Неизвестный рассказ Леонида Трефолева 198

Леонид ТРЕФОЛЕВ. Рассказ о том, как даниловцы по канату ходили. Исторический анекдот 200

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай ПАЙКОВ. Событие и характеры в романе Г. В. Кемоклидзе «Салин» 205

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ 211

КНИЖНОЕ ДЕЛО

Новые книги 59

Ольга СКИБИНСКАЯ. Сначала было «Слово...». Книгоиздание Ярославской области в начале XXI века 211

На книжную полку 226

Ольга НИКОЛАЕВА. Вперед в прошлое 236

Корректор Т. В. Чупина
Верстка Н. Л. Гуляева

В оформлении номера использованы живописные и графические работы члена Союза художников России

И. А. Сакурова

1-я стр. обложки — «Яна»;

3-я стр. обложки — «Натюрморт

на черном фоне», «Апполон

и музы. Печальный взгляд

на город», «Ранняя весна»;

4-я стр. обложки — «Дом

Петражицкого»,

«Дом в стиле “модерн”», «Пруд возле

Петропавловки», «Тверицы»

«МЕРА» № 1 за 22 августа 2011 года

Отпечатано в ОАО «Полиграфия»,
Ярославль, ул. Республиканская, д. 61

Тираж 999 экз.

Объем 30 п.л. + 0,5 вкл.

Формат 60 × 84/8

Заказ № 0000.

Распространяется бесплатно

© ГАУ Ярославской области
«Информационное агентство
“Верхняя Волга”», 2011

П Р О З А

Александр КОНОПЛИН

Родился в 1926 г. в Ярославле. Стал писателем, пройдя войну, а затем все круги ада сталинских лагерей. Отправился на фронт семнадцатилетним юнцом, домой вернулся двадцативосьмилетним. Трудная судьба отложила отпечаток на его творчество и характер: Коноплин против показухи, литературных штампов; все написанное им носит печать искренности, мастерства и таланта. Большинство книг прозаика увидело свет в столичных издательствах. На телевидении экранизированы отдельные главы и рассказы, по его повести «Собака» снят фильм, рассказы звучали по радио. Книги переведены на немецкий и английский языки. Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Сурикова.

Флейта

Повесть

Они жили на чердаке того самого дома, который совсем недавно был известен как Дом Оркестра. Старинный, с колоннами, красивым портиком на втором этаже, широкой балюстрадой и мраморными ступенями приглянулся одному из новых русских. Полгода назад то же самое произошло с Домом Книги. Другой бизнесмен купил его у мэрии и разместил в нем зал игровых автоматов.

— Новым хозяевам жизни, — сказал бывший дирижёр оркестра Самсон Григорьевич Либерман, — не нужна классическая музыка, а из книг они уважают сборники анекдотов и рекламу средства от пота ног.

— Жаль, — сказала Флейта, — а я так люблю читать!

На чердаке она соорудила что-то вроде небольшой этажерки, куда перетащила найденные на свалке книги: когда ликвидировали библиотеку оркестра, вместе с мусором выбросили и классику.

А занять чердак им посоветовал Либерман.

— Позади здания есть черный ход, ведущий наверх, так что ваше существование никто не заметит. По крайней мере, пройдет немало времени.

— Но чердак один, а нас двое, — сказал Ударник, — неудобно как-то...

— Значит, вам надо пожениться, — сказал Самсон Григорьевич.

Так Ударник и Флейта стали мужем и женой. Вообще-то у них имелись настоящие имена, но Ударник ненавидел свое родное — Прохор, — оно ему казалось архаичным, Настя же стала называться именем своего инструмента из солидарности. В эту игру постепенно втянулись их друзья и коллеги — так было романтичней и короче.

После закрытия оркестра дружба не распалась, приобретенные ранее, в лучшие времена, клички остались. Тромбон, Виолончель и Саксофон уехали из города. Ходили слухи, что им предложили работу в Ашхабаде, там появилась своя филармония. Ее будущий директор Хусаинов частенько приезжал в Н., посещал и филармонию и оркестр и прекрасно знал, кто чего стоит.

Ударнику и Флейте и еще Фаготу он работу не предложил, но не потому, что они были плохими музыкантами, а потому, что в Ашхабад из Рязани успели перескочить несколько музыкантов, — в Рязани по непонятным причинам тоже закрылся областной оркестр.

Живя в Н., Ударник и Флейта часто встречали своих коллег. Фагот теперь работал бухгалтером на овощной базе. Альт, поскольку был совсем молодым человеком и только-только отслужил действительную, стал охранником в чьем-то офисе. Пианист Борман ушел на пенсию, старушка Труба учила детей в школе умственно-отсталых. Только Ударнику и Флейте не нашлось работы в этом городе. И еще жилья: комнату, в которой Ударник жил, отобрали — она оказалась казенной, у Флейты вообще никогда не было жилья — ни своего, ни казенного, она жила у подруги, пока та не вышла замуж.

На чердаке, кроме пустых коробок, ничего не было. Но зато имелось большое окно, во всю стену, окно, через которое виден город, его прямые улицы, площади и скверы, где Флейта любила гулять в свободное от репетиций время.

К удивлению Флейты, Ударник оказался не таким уж тюфяком, как о нем говорила Валторна — его бывшая любовница. Он искал и часто находил вполне приличную работу. Летом его нанимали разгружать баржи с фруктами, зимой он работал грузчиком в «Электротоварах» и однажды принес домой электроплитку в качестве заработной платы — до этого ему не платили два месяца. С этого дня хозяйство, которое вела Флейта, получило современное звучание: теперь, уходя утром на работу, ее муж завтракал горячей картошкой с салом.

Любил ли он свою Флейту? Кажется, любил. По крайней мере, ей очень этого хотелось. Но она была слишком неопытна в свои двадцать восемь и не могла определить точно — до Ударника у нее никого из мужчин не имелось. Говорили, что она красавица. Правильные черты несколько удлиненного лица, вьющиеся крупные локоны до плеч, красивая высокая грудь, лебединая шея... Только одна нога у нее короче другой. В этом причина, почему она не отвечала на записки поклонников, а букеты цветов передаривала коллегам. Подруги у нее имелись не только из числа музыкантов, они пытались познакомиться с солидным, неглупым человеком из отставных военных — почему-то только таких кандидатов ей предлагали. Она не обижалась: молодой мужчина вряд ли рискнет пройтись по улице с хромоножкой... Ударник покорила ее тем, что не замечал этого, как ей казалось, ужасного уродства, он ценил у ней ум, аккуратность, воспитанность — все,

что ему самому не доставало. Он был неплохим музыкантом, но имел неуживчивый характер, гордость, а из-за своей физической силы на остальных смотрел свысока. Когда друзья привезли им на новоселье кровать с полированными деревянными спинками, он взвалил ее на плечи и один поднялся на чердак. В компании, что тоже ей нравилось, никогда не напивался — знал меру, а пьяных всегда развозил по домам. Словом, если бы не отсутствие постоянного места работы и хотя бы крохотного жилья, на жизнь можно не жаловаться. Они еще достаточно молоды, если верить правительству, их благосостояние будет улучшаться, долгов у них нет, они никому не сделали ничего плохого. Лишь насчет детей у Флейты иногда мелькала мысль... Она даже прикидывала, где можно поставить детскую кроватку, и однажды притащила откуда-то ванночку, но пока замачивала в ней белье. Мужу о своих мечтах она не говорила — мужчины таких разговоров почему-то пугаются и часто уходят в себя.

* * *

Однажды — этот день она запомнила на всю жизнь — к ним на чердак поднялась Скрипка и сказала, что нашла работу для Флейты.

— Один новый русский затеял поставить у себя дома музыкальный спектакль из греческой мифологии. Кажется, что-то связанное с Афродитой, я сама пока точно не знаю, мне Валторна сказала.

— А помещения у него для этого хватит?

— Хватит, он теперь владеет зданием бывшего кукольного театра. Знаешь, на Андропова? Да ты не перебивай, а то забуду. Берут только молодых и красивых — это тоже Валторна сказала — и еще, чтобы была хорошая фигура.

— Но у меня... сама знаешь... — потупилась Флейта.

— Ногу твою никто не увидит, будешь сидеть где-нибудь под маслиной и играть на своей флейте, зато остальное у тебя — дай Бог каждой.

— А тебе уже дали роль?

— Роли пока не раздавали — до этого не дошло — пока проверяют на молодость и сексуальность. Ну, чего глаза вылупила? Теперь без этого даже в банк не поступишь, не то, что в театр. Хотя откуда тебе знать, ты же у нас — Нещечко!

Флейта не обиделась, так ее звали в оркестре за наивность и неумение жить.

— А что мы должны делать? Идти куда-то или за нами придут?

— Сама не знаю, — Скрипка, наконец, нашла свободный стул, сбросила с него чьи-то брюки и села. — У тебя сигарета найдется? Хотя что я спрашиваю... — Она порылась в сумочке. Нашла что-то отдаленно напоминающее сломанную сигарету, закурила. — Насчет моей сексуальности меня уже спрашивали, — она сильно затянулась, — один из его котов...

— Кто?

— Ну, так называют парней, которые у навороченного в шестерках ходят, могут бабу для него снять на бульваре, могут кому-нибудь рожу расквасить, а этому поручили узнать, кто из нас секс-баба, а кто ни рыба ни мясо. — Она снова сильно затянулась. — Ничего, смазливенький, только, по-моему, сильно потрепанный. Вадиком звать. О профессионализме не спрашивал, зато интересовался длиной моих ног. Я была в шубе, и он не понял...

Проводив ее, Флейта задумалась. Конечно, Скрипка — болтушка и высоко о себе мнит. Но то, что музыкантов набирают по длине ног, ее насторожило.

В половине восьмого вечера пришел Ударник, как всегда, усталый и голодный, и с жадностью набросился на картошку. Флейта смотрела, как он ест — она вообще любила наблюдать за ним, — и радовалась: в картошке было целых три ложки масла — удалось

купить на рынке дешево — и одна большая луковица, мелко искрошенная. Он ел, а она глотала слюнки: на двоих все равно бы не хватило. Поев, он, по обыкновению, опрокинулся на кровать и захрапел. Флейта сняла с него сапоги, потом уселась у него в ногах и снова смотрела, не отрываясь. За год он почти не изменился, разве что немного возмужал и почти перестал бриться. Она смирилась и с этим, мужчине идут борода и усы, голыми лица бывают у молодящихся холостяков и голубых. Последних в оркестре было трое. Владик Ростовцев ей сначала нравился, потом неожиданно нахамил без причины, и она о нем забыла. Второй — уже в годах — тромбонист Феклистов когда-то учился с ней в консерватории и даже был старостой курса, но потом за нетрадиционную половую ориентацию отчислен. Встретились они здесь, в Н., куда она попала по распределению, а он по благу. Третий, Шурик Бзыкин, — почти мальчик, и Флейта первая протянула ему руку дружбы. Она симпатизировала ему и после, уже зная, что он голубой, потому что не было в оркестре еще одного такого внимательного и незлобивого человечка. И еще он по-настоящему талантлив. Правда, не в музыке, а в поэзии. Его стихи она аккуратно переписывала в тетрадку и прятала в шкаф вместе с нотами. После ликвидации оркестра то и другое пропало. Уходя от нее, Скрипка сказала, что из мужчин хозяин пригласил только его, Шурочку Бзыкина — альта.

Вообще подбор музыкантов Флейту озадачил. В оркестре работало немало способных, например виолончелист Рассадин или кларнет Вешняков, но, по словам Скрипки, о них даже не вспомнили.

Первым желанием Флейты было обо всем рассказать Ударнику. Но в тот день он долго не приходил с работы, и намерение постепенно угасло. В конце концов, еще ни коня, ни воза, неизвестно, примут ли, а главное, не позвали его, лучшего ударника в области, и Флейта решила промолчать.

Ночь она не спала: радостные, светлые мысли роились в голове, она вспоминала лучшие спектакли и концерты со своим участием, сольные номера, которых набралось много, в ушах даже звучали восторженные крики слушателей, а на сцену летели букеты роз... Наверное, не все в этих воспоминаниях было правдой, за долгие годы набралось больше мечтаний, чем действительности, но каждая мечта, утроенная желанием, вращалась в сознание, становилась реальностью, и порой Флейта уже не могла с уверенностью сказать, что произошло на самом деле, а что — нет. Конечно, ее флейта не такой инструмент, чтобы солировать перед публикой, но все-таки два выступления у нее прошли, это она точно помнила: один в сопровождении гобоя, второй в дуэте с кларнетом, но раз состоялись два, почему бы не состояться еще несколькими? Ведь прошло столько лет, она набралась опыта, ее мастерство возросло!

Обнадежив себя таким образом, она разволновалась и, забыв, что рядом, на узкой кровати, спит муж, неловко повернулась и задела его плечом. Рано утром он уйдет на работу или на поиск ее, а она станет его ждать и, от нечего делать, перешивать старые платья. Хотя почему от нечего делать?

От волнения она даже приподнялась на локте. Почему бы ей, прямо с утра, не пойти в тот офис, где набирают музыкантов? В конце концов, это ее ни к чему не обязывает, она только зайдет и посмотрит... Скрипка сказала, что меценат расположился в бывшем кукольном театре, где Флейта не раз подрабатывала в детских спектаклях. Здание это старинное, отобранное большевиками у какого-то фабриканта — кстати, тоже любителя искусств и покровителя молодых артистов, — с мраморными лестницами, лепными потолками, массивными колоннами. Нынешний владелец, если не полный идиот, вряд ли станет все это разрушать, современные богачи стараются обставить свой офис стариной, намекая этим на свою родственную связь со знатными фамилиями города.

Когда забрезжил рассвет, Флейта уже точно знала, что будет делать сегодня, осталось ждать, когда проснется муж.

Он проснулся, как обычно, в шесть, потянулся, как кот, и одним прыжком вскочил с кровати. Флейта любила и это его потягивание — оно действительно напоминало движение кота, и этот хлесткий спортивный кульбит, от которого грозила развалиться деревянная кровать. Проводив его до дверей — это тоже было традицией, — она наспех выпила холодного чая — электроплитка второй день не работала, — привела себя в порядок, взяла футляр с флейтой и вышла на улицу. На ее счастье, зима стояла теплая, и вытертое демисезонное пальто ни у кого не вызвало удивления, вот только летние ботинки были явно не по сезону.

До бывшего кукольного театра можно было доехать общественным транспортом с пересадками, но в последнее время контролеры автобусов стали особенно придираться к безбилетникам и Флейту уже два раза хотели оштрафовать, но «на первый раз» простили. Она пошла пешком, испытывая ставшую привычной слабость. Знакомая медсестра сказала, что ей нужно лучше питаться, иначе эта слабость отзовется на каких-то важных органах, и тогда не миновать больничной койки и капельницы. Именно капельницы Флейта боялась больше всего, она стала причиной гибели ее двоюродного брата — единственного родного существа на этой земле.

Идя по улице, она раздумывала над тем, что же все-таки они хотят ставить на своей сцене. «Федру», «Саломею», «Эвридику» или, может быть, «Электру»? Во всех этих трагедиях есть партия флейты, поскольку инструмент рожден в Греции и лишь потом стал достоянием всего мира. Положим, в «Ипполите» или «Медее» может вообще не быть музыки — это самый легкий ход, но ведь Скрипка сказала, что они набирают музыкантов!

Почему-то боясь опоздать, она пошла быстрее и вскоре уже стояла у входа в знакомый дом. Прошла по коридору первого этажа, но не увидела того, без чего не бывает ни одной постановки — декораций. Может, они наверху? Она поднялась на второй этаж и, ориентируясь на людские голоса, отворила дверь в самую большую комнату — где, как не здесь, режиссер мог поместить декорации? Однако и здесь ничего похожего на театр не было. С десятков молодых девушек или женщин ходили взад и вперед, разговаривали, хохотали, курили, примеряли на себя какие-то одежды и парики, двое сидели в креслах перед зеркалами, и парикмахерши делали им прически, действительно напоминавшие греческие. Учась в консерватории, Флейта регулярно посещала драматический театр и некоторые самодеятельные коллективы, где иногда ставились музыкальные спектакли и Флейта принимала в них участие.

В драмтеатре города Н. имелся свой оркестр, но там не было флейты, и девушка из оркестра оказалась кстати. Играя, Флейта видела сам спектакль и завидовала артисткам, исполняющим роли богинь, вот почему после сообщения Скрипки она с таким желанием согласилась попробовать себя в спектакле.

Разглядывая девушек, она поняла, что это вовсе не актрисы, а, скорей всего, особы, набранные с улицы, с вульгарной внешностью, но безупречными формами. Среди них не имелось ни одной старше двадцати пяти, как не было и музыкантш — в комнате Флейта не увидела музыкальных инструментов.

Она повернулась, чтобы выйти, и в дверях столкнулась с первым и пока единственным мужчиной в этом царстве женщин, бывшим директором книготорга Ростиславом Евгеньевичем Рудницким, человеком старше ее лет на двадцать, но не потерявшим прежнего лоска. Когда-то их познакомили в одной маленькой компании друзья Флейты с намерением выдать ее замуж за приличного человека. Из знакомства ничего не получилось — Рудницкий ей не понравился, но в дальнейшем, встречаясь на улице, они це-

ремонтно раскланивались. В тот вечер Рудницкий играл роль жениха, теперь он, похоже, собирался предстать перед Флейтой в образе начальства.

— Здравствуйте, — сказал он, слегка грассируя, — рад видеть вас здесь. Где теперь изволите работать? Ваш оркестр, как я слышал, прикрыли.

— Прикрывают проворовавшихся торгашей, а мы ни у кого ничего не крали, поэтому нас не прикрыли, а расформировали по непонятным для нас причинам.

— Простите, если я вас обидел, — сказал Рудницкий, — честное слово, не хотел. Но раз уж вы здесь, то нам стоит обсудить некоторые вопросы. Дело в том, что наш уважаемый босс изъявил желание возродить в этом городе то ли оперный театр, то ли музыкальную эстраду — я сам пока точно не знаю, — для чего нам, в частности мне, поручено набрать труппу.

— Я пришла как раз по этому вопросу, — сказала Флейта. — А как зовут вашего босса?

— Его зовут Вольдемар Аполлонович Светозаров. Это для непосвященных. Вам, как старой знакомой, раскрою секрет: по паспорту он Пафнутий Ременько.

— Пафнутий?

— Да, Пафнутий. Имя, что и говорить, не театральное, фамилия тоже. Но ведь не всякий может похвастаться такой, как, например, Рудницкий! Шучу, конечно. Но к делу. Прекрасно, что в нашем городе появился человек, любитель искусства, поклонник талантов, могущий что-то сделать для города. Будем надеяться, что его благие начинания пойдут по нужному руслу. А теперь не пойти ли нам с вами в мой кабинет, где есть все, чтобы отдохнуть и расслабиться? — Он распахнул тяжелую дверь, и глазам Флейты предстала знакомая до мелочей комната — бывший кабинет главного режиссера кукольного театра Виктории Ивановны Галицкой. Сейчас он был наполнен мягкой мебелью и устлан коврами. Большой письменный стол посередине тоже принесен откуда-то — старинный купеческий стол с толстыми резными ножками, рустированными дверцами, покрытый зеленым сукном, на котором стоял богатый письменный прибор с двумя канделябрами и целым набором ненужных, но полагающихся к такому прибору безделушек. Как показалось Флейте, стол поставлен здесь, чтобы всяк сюда входящий проникался уважением и к этому кабинету, и ко всему старинному дому и верил, что этот стол и тяжелые зеркала в золоченых рамах, древний буфет и книжный шкаф красного дерева с инкрустацией — все здесь стоит с самого основания дома и нынешний его хозяин, кроме денежного, имеет еще и моральное право владеть этим домом и всем, что в нем есть, по праву своего непростого происхождения...

Нисколько не пораженная, а скорее удрученная, Флейта в нерешительности остановилась у порога. Рудницкий помог ей раздеться и предложил присесть на диван, обитый красным плюшем. Именно такой диван (а, может, тот самый) она видела недавно в фойе драматического театра возле дамского туалета.

— Скажу по секрету, — Рудницкий то прохаживался по кабинету, то садился на диван, — я здесь совсем недавно и не во всем разобрался.

— А что именно собирается ставить ваш патрон? — Флейте вдруг отчего-то стало скучно. — Какую именно из греческих трагедий? Я краем уха слышала...

Рудницкий рывком вскочил с кресла, в которое только что поместился надолго, и опять заходил по кабинету.

— Насколько я понял, здесь этого наверное не знает никто.

— Даже шеф?

— Даже он. Проводятся какие-то совещания, приглашаются драматурги, режиссеры, художники... Только, по-моему, все это для отвода глаз. Не решено главное: как он собирается ставить, в виде чего. Спектакля? Оперетты?

— Но греческие трагедии не могут ставиться в виде оперетты! Музыкальный спектакль — еще куда ни шло...

— Да, конечно, вы правы,— Рудницкий задумался. — Нужно ставить именно трагедию. Классическую трагедию!

— С участием музыкантов, надеюсь?

— Да. Да, конечно. С музыкой... Только у нас с композиторами плохо. Пока нет ни одного приличного.

— Но есть же ноты! — не сдавалась Флейта.— Эти трагедии ставят не одну сотню лет. Нужны только репетиции.

— Да, да, конечно... Репетиции... Слушайте, а давайте я вас познакомлю с нашими главными специалистами! Они сейчас как раз занимаются набором труппы.

Он помог ей надеть пальто, легонько придерживая под локоть, вывел из кабинета и отворил дверь в другую комнату, оказавшуюся довольно большим залом, где человек пять мужчин сидели возле длинного стола, покрытого красной бархатной скатертью. Впереди остальных, прямо перед входом, сидел, широко расставив ноги, краснолицый молодой человек в расстегнутой на груди рубашке, подпоясанный красным кушаком. Он только что закончил беседовать с одной из девиц и теперь бесцеремонно отодвигал ее одной рукой, в другой, волосатой и сильной, держал бокал с вином.

— Ну, Вадим Иваныч, миленький! — жалобно твердила девица.— Ну, неужели я Вам совсем-совсем не нравлюсь? Ну, взгляните же: у меня тут и тут — все как у семнадцатилетней. Да мне и семнадцати не дают!

— Сколько же тебе дают? — Вадим Иванович отвернулся от девицы. — За один раз?

Ничуть не смутившись, девица приподняла и так слишком короткую юбку и игриво ответила:

— Дают кому сколько не жалко. Вот Вы бы сколько дали?

Но Вадим Иванович не слушал. К нему подвели девушку, похожую на гимназистку-старшеклассницу, в коричневой форме и белом переднике.

— А это что за явление?

Пожилый человек с большой потной лысиной, которую он то и дело вытирал платком, поклонился и сказал:

— Очень верно заметили, Вадим Иванович: явление. Из ряда вон... Позвольте представить! Моя лучшая ученица Галя Трехперстова: тромбон, скрипка, виолончель. Курсы закончила в прошлом году, а уже участвовала в соревнованиях...

— А школу она закончила? — спросил Вадим.

Лысый захихикал, сказал с достоинством:

— Галя школу закончила два года назад, не извольте беспокоиться...

— А фартук?! — приподнялся в кресле Вадим.— Опять мне «чернилку» хочешь всучить, извращенец?

— Фартук — это так... — заторопился лысый. — Не извольте беспокоиться, она совершеннолетняя. Галенька, покажи паспорт.

— Не нужен мне ее паспорт, мне нужны данные.

— Данные — это само собой. Это у нее — как у лучшей модели.

— Ладно,— махнул рукой Вадим Иванович,— ведите за ширму, там проверят. Виолончель, говоришь? А не много ли у нас набралось этих самых виолончелей, нет ли чего другого?

— Есть, есть, Вадик! — Рудницкий вытолкнул к столу упирающуюся от смущения Флейту. — Как раз то, что тебе надо.

— А ты знаешь, что мне надо? — вблизи флейта увидела, что глаза у Вадима маленькие, красные и совсем пьяные.

— М... в общих чертах, — смутился Рудницкий. — Хочу сказать о профессионализме этой дамы. Он — выше всяческих похвал!

Рудницкий еще что-то говорил на ухо Вадиму, а он смотрел на Флейту, как смотрит хирург на будущего пациента, видя все его мышцы, кости, сухожилия...

— Ладно,— сказал он наконец, — пусть пройдет за ширму.

— А почему меня не заводили за ширму? — вдруг закричала первая девица. — Всех так всех...

— А тебя и заводить не надо, — не глядя на нее, сказал Вадим, — ты мочалка.

— Это я мочалка? — казалось, она сейчас кинется на Вадима с кулаками, но за его спиной стояли два борцовского вида парня, они подхватили девицу под руки, и Флейта ее больше не видела.

— Вот... Приходится иногда... — медленно проговорил Вадим и отпил глоток вина. Надеюсь, с вами такого не произойдет? — Красные веки его слегка приподнялись, и глаза скользнули по фигуре Флейты.

— Нет, нет, что ты! — вскричал Рудницкий.— Мы — народ понимающий... — Он сам провел ее в конец комнаты и завел за ширму, где пожилая женщина, чем-то удивительно напоминавшая тюремную надзирательницу, не глядя на Флейту, сказала:

— Раздевайся.

Несколько удивленная музыкантша сняла пальто и оглянулась, ища вешалку. И увидела Вадима. «Главный специалист» опять прощупывал ее всю своими красными глазками, которые Флейта решительно назвала «свиными», при этом губы его шевелились в улыбке.

— Раздевайтесь! — повторила женщина и, взяв за плечо, повернула Флейту лицом к себе. Флейта увидела еще одну женщину, сидевшую за столом, в которой не сразу узнала Валторну.

— Решилась? — спросила та, забыв поздороваться.— Ну и правильно. Чем голодать на своем чердаке, лучше здесь показать себя...

— Так ты будешь раздеваться или нет? — закричала женщина, но Валторна ее остановила:

— Не надо с ней так, Мария Ивановна, она не из тех...

— А из каких? — уже совсем зло крикнула женщина. — Из благородных, что ли?

— Можно и так сказать, — спокойно сказала Валторна и, обняв подругу за плечи, увела в дальний угол комнаты и усадила на кушетку. — Ты ее не бойся, она сегодня немного выпила — шеф угостил, а так нормальная баба... Так, значит, ты все-таки решилась? — И Валторна, как давеча «главный специалист», прошла взглядом по ее фигуре.

— Мне что, действительно раздеваться? — спросила Флейта.

— Да нет, я тебя и так знаю.— Она достала сигареты, закурила. Немного поколебавшись, сказала: — Понимаешь, здесь все не совсем то, что ты себе представляла. Кстати, я тоже не сразу поняла... В общем, наша классика тут не нужна.

— Как? — воскликнула Флейта.— Значит, никто не собирается ставить музыкальные спектакли? Но мне Скрипка сказала...

— Не суетись. — Валторна придержала ее за плечо, поскольку подруга хотела встать. — Да, мы все говорили... И теперь говорим, ставить они будут. Но не то, что мы вначале ожидали.

— Не понимаю, объясни.

— Что тут объяснять... На классику шеф не тянет — это и ежу понятно, не тот уровень, да и спецов у него таких нет. Чтобы поставить греческую трагедию, ему надо из Москвы кого-то вызывать, а они себе цену знают, это не Рудницкий... Вот он и пошел по линии наименьшего сопротивления: набрал местной швали — ты всех видела: алкоголика

Громжинского в качестве хореографа, дурака Протезова на роль постановщика, Вадима с его мордovorотами... Еще голубых — не знаю для чего...

— Так что же он все-таки хочет делать? — Флейта заинтересовалась. — Голубых-то для чего?

Валторна долго молчала, курила.

— Как мне кажется, он хочет создать что-то вроде еще не виданной в наших краях порнухи. Теперь все можно, были бы деньги, а о морали теперь никто не вспоминает. Думаю, это спектакли не для всех.

— Как, не для всех? А для кого?

— Для особенной публики, которая в драмтеатр не ходит. А желает совсем других зрелищ. Вход по пригласительным билетам, цены офигенные. Ну, там, конечно, не только спектакли с голыми бабами, а шикарный ресторан, бар со всякими напитками, номера на втором этаже — ремонт уже идет.

— Подожди, ты сказала, что в спектакле будут голые. Кто голый? Артисты?

— Ну не осветители же!

— Выходит, меня пригласили, чтобы я вышла на сцену в костюме Евы? Ну, знаешь... — Она вскочила.

Валторна неожиданно возмутилась.

— Тогда сиди на своем чердаке и грызи сухари. Подумаешь, фифа! Трудно ей один раз за вечер в полутьме выйти на сцену голой. Да это и не совсем так, что-то все-таки на тебе будет, какая-то тряпочка вокруг бедер, насколько я знаю.

— Да не бывает этому! — вскричала Флейта и стала надевать пальто, но никак не могла попасть в рукава.

— Ну, что тут у вас? Конфликт? — В дверях стоял и улыбался Вадим Иванович.

— Да вот, не хочет раздеваться, — сказала Мария Ивановна. — Вы велели, а она не хочет.

— Как это, не хочет? Она что, и работать у нас не хочет? Тогда какого хрена Рудницкий...

— Да хочет, хочет! — Валторна снова обняла подругу. — Стесняется только, но это пройдет.

— Стесняется? — «Главный специалист» шагнул вперед и неожиданно взял Флейту за подбородок. — В самом деле, красавица.

— Уберите руку! — приказала она низким от волнения голосом.

— А если не уберу? Если я хочу взглянуть и на другие твои прелести? — Его рука скользнула вниз, подол платья Флейты поднялся, показалась нижняя рубашка.

В тот же миг футляр с флейтой, описав дугу, с силой опустился на голову Вадима, от удара футляр раскрылся, инструмент выпал и, перевернувшись в воздухе, ударил мужчину в глаз. Вадим взвыл и двинул Флейту кулаком в лицо. Она упала на спину, раскинув руки, но Вадим, забыв, с кем имеет дело, стал пинать ее ногами. На шум прибежали два охранника и повисли на плечах начальника — они знали, чем может кончиться его приступ ярости, но Вадим сбросил их и продолжал пинать. Только вмешательство еще нескольких человек спасло женщину. Вадима увели, Флейту подняли и уложили на диван.

* * *

Домой ее привела Валторна. Над городом стыла промозглая ноябрьская ночь. Валторна долго искала ключ от входной двери в карманах Флейты и при этом уговаривала подругу:

— Самое главное, не говори ничего мужу, он же бешеный, ты знаешь. Скажи, поскольку ты упала, разбила лицо... — Она нашла ключ, открыла дверь, но на чердак не пошла, только довела подругу до верха лестницы и сбежала вниз, крикнув напоследок:

— Это страшные люди! Бандиты! А Вадим у них главный, с ним не справится никто, даже милиция, так что сиди дома и лечи синяки.

Словно в полусне, Флейта толкнула дверь и вошла. За столом сидели двое, перед ними стояла пустая бутылка и еще одна ополовиненная. В качестве закуски они съели банку соленых огурцов, которые Флейта заготовила на зиму. Стараясь не поворачивать к свету разбитое лицо, Флейта прошла мимо мужчин, почти без чувств упала на кровать. Либерман и Ударник смотрели на нее с немym удивлением.

Ее разбудил не слишком вежливый толчок в спину.

Одним глазом — другой почему-то не раскрывался — Флейта увидела стоящего над ней мужа с брючным ремнем в руке.

— Вставай, голубушка, — сказал он спокойно, — я тебя буду учить уму-разуму. Надо же так нахлестаться! А ну, вставай!

Она попыталась подняться, но не смогла, голова кружилась, левый бок болел, на руку нельзя было опереться. Ударник заметил неладное, к тому же не услышал запаха винного перегара.

— Ты где была?

Она не ответила. Он хотел снять с нее пальто, но она закричала от боли и потеряла сознание.

Придя в себя через какое-то время, увидела возле кровати человека в белом халате и медсестру, держащую шприц и клочок ваты. Потом ощутила холод пониже спины и острую боль в ягодице — ей сделали укол. Голова кружилась, но стало легче дышать, Флейта хотела спросить, что с ней, но тут вошли еще двое, разложили на полу носилки, взяли Флейту за плечи и за ноги, уложили на носилки и понесли вниз по лестнице. Последнее, что она увидела, это испуганное лицо Валторны, прижавшейся в углу возле двери.

В больнице она пролежала больше месяца. Каждый день ее навещали коллеги: мужчины приносили коробки с конфетами, женщины — домашние пирожки с капустой и яблоки, а она ждала своего Прохора. Те, кого она о нем спрашивала, говорили что-то о его новой работе, загруженности, еще о чем-то и заверяли, что очень скоро он ее навестит.

Все прояснилось, когда она вернулась домой. Чердак был прибран, на столе лежала белая скатерть, кровать застелена новым атласным одеялом, вместо двух подушек теперь лежало четыре, в импровизированном шкафчике заметно прибавилось посуды. «Неужели Ударник обратил, наконец, внимание на наше хозяйство? Или здесь появилась женщина? Еще женщина?» — с тревогой подумала она и услышала торопливые шаги на лестнице. Флейта бросилась к двери, но навстречу ей через порог шагнул не ее муж, а почему-то очень растерянная Валторна с букетом цветов, хозяйственной сумкой и судком, в которых больным на дом приносят обеды.

— А я поехала в больницу, а там говорят, уже выписалась, все в порядке, езжайте к ней домой.

Валторна поставила судок на стол, по-хозяйски слазила в шкафчик, вынула две тарелки, две ложки, а из своей сумки достала хлеб и два соленых огурца.

— Садись к столу, будем тебя кормить. Небось, надоели больничные разносолы?

Флейта села к столу, но едва Валторна разлила суп, от которого исходил божественный запах умело сваренного мяса, как на лестнице снова послышались шаги и на чердак, не стучась, вошел Самсон Григорьевич — тоже с букетом цветов и полиэтиленовым пакетом, в котором угадывались красные помидоры и зеленые огурцы. Поздоровавшись, Либерман повторил слово в слово все только что сказанное Валторной насчет того, что съездил в больницу, а теперь вот здесь нашел, кого искал...

Когда на стол было выложено все, что можно съесть только за неделю, он полез в карман и вынул главное — бутылку коньяка.

— Такую победу полагается отметить.

— Какую победу? — спросила Флейта. Либерман и Валторна переглянулись.

— А разве то, что вы, моя милая, выжили после того, что с вами сделали, не победа? Самая настоящая, вот за нее и выпьем.

— А разве не будем ждать Прохора Ивановича? — Флейта впервые назвала мужа настоящим именем. — Наверное, он скоро придет.

Либерман замер с бутылкой над столом. Подумав, все-таки разлил коньяк по рюмкам и только тогда сказал:

— Когда Прохор придет, мы встретим его иначе. По-мужски. Только вот, думаю, это будет не скоро, так что давайте пока за нашу милую Настю...

— А почему не скоро? Разве он не на работе?

Так и не пригубив, Либерман поставил рюмку и сказал:

— А разве Зинаида (это было настоящее имя Валторны) вам ничего не рассказала? — и, когда Зина отрицательно покачала головой, закончил: — Тогда позвольте мне внести ясность в произошедшее с вами.

С сожалением посмотрев на рюмку — Либерман любил как раз этот сорт коньяка, — он закурил и начал рассказывать:

— Все началось с того вечера, точнее ночи, когда вы, голубушка, пришли сюда едва живая, избитая негодяем или несколькими. Вы ничего не могли сообщить, поскольку сразу отключились. Потом приехали медики, вас увезли, а мы с Прохором просидели до утра. Я уговаривал, а он молча слушал и кивал головой. Тогда я не понял, что, слушая, он не слышал, и спокойно ушел домой. Утром, около восьми, снова поднялся к нему, но его уже не было. Так мы не договаривались, и я понял, что он пошел туда... — Он взглянул на полную рюмку и виновато сказал: — Я должен выпить, потому что хочу рассказать о таком... — Он одним глотком осушил рюмку и секунду сидел, не шевелясь.

— Конечно, я его не догнал — он был уже там... Простите, я еще полрюмочки... А почему я это понял... по той панике, которая царила в вертепе. Во-первых, ко мне подбежал Шурочка Бзыкин, алыт, в очень странном одеянии, я бы сказал, во всем женском, и посоветовал немедленно удалиться. Для моей же пользы, как он сказал. Я, конечно, не удалился, а сразу побежал по лестнице на второй этаж. Оттуда доносились крики, звон стекол, грохот мебели. Вы будете смеяться, но первое, о чем я подумал, это о том, что такой шум не может производить один человек. Оказалось, может. Настя, вы находились как раз в той большой комнате с красными стульями и диваном?

— Да, еще там было что-то вроде «хельги» с хрусталем, и еще какой-то шкаф, и китайская ширма с райскими птицами.

— «Хельга» уцелела, а хрусталь к моему приходу — нет. Ширма тоже валялась на полу, и по ней топтались ногами. Впрочем, мне наблюдать долго не пришлось: какой-то подонок из охраны шефа толкнул меня кулаком в грудь, отчего я покотился в угол и там, простите, лежал, наблюдая. Скажу прямо: Прохору Ивановичу приходилось туго, каждый дрался, как мог. Не знаю, почему они сразу не вызвали милицию, наверное, хотели справиться своими силами. Но это же Прохор! Наш Прохор по кличке Ударник! Видели бы вы, как он их разбрасывал! Кстати, мне кажется, он дрался в полсилы. Бросавшемуся на него Вадику — так, кажется, зовут начальника личной охраны хозяина — он просто слегка махнул ручкой — вот так! — и тот уполз, зажимая обеими руками нос.

— Сколько их было? — спросила Флейта.

Она слушала так внимательно, что Валторна, обняв за плечи, не смогла оттащить ее от Либермана.

— Шестеро. Это вначале, когда я пришел. Через минуту Прохор вырубил двоих. Эти «вырубленные» оказались рядом со мной, на полу, и вот что я от них услышал. Один сказал другому, явно оправдывая свою беспомощность: « Это же Прошка Гуляев! Я не сразу его узнал, а потом он мне врезал, и тут я понял: наш, спецназовский, из третьей роты! Как бы раньше сообразить, я бы не то что драться с ним, я бы ему помог...» — «Чего ж сейчас не поможешь? Один он...» — «Ногу он мне сломал. Прием у него есть такой: один удар, и ты без ноги. Инструктор наш Папанов еще тогда сказал: “Деритесь с кем хотите, но опасайтесь Гуляя, у него особый дар”». — «Чего?» — «Дар. Эх, понесла меня нелегкая не в ту степь! Дружить бы с Гуляем, а я тут, вместе с тобой...»

— Вот, девушки, что я услышал, лежа в холодке под пальмой. Прошенька-то наш не просто Гуляев, а Гуляй! Спецназовец! И ведь хоть бы раз обмолвился, хитрец!

Уже не стесняясь, Самсон налил себе полстакана и залпом выпил.

— Что было дальше? — спросила Флейта. — Самсон Григорьевич, миленький, не томите!

— Дальше — неинтересно.

Он вздохнул:

— Милицию они все-таки вызвали. Человек десять ворвались с дубинками. Я думаю, Прохор Иванович и с ними бы справился, но, к счастью, у него кроме громадной силы еще и разум. Не стал он с дураками спорить, а сразу сдался. Надели на него наручники и увели. Меня и тех двоих «вырубленных» хотели привлечь как свидетелей, но я сказал, что уснул тут, под пальмой, пьяный и ничего не видел, а у тех двоих, наверное, совесть проснулась: послали они всю милицию подалее... Ну, что было на суде... О Прохоре судья говорил как о злостном хулигане, дебошире, устроившем погром в логове мирных овечек. Сто тысяч с хвостиком насчитали ему за сломанную мебель и разбитый хрусталь. Конечно, семь лет строгого режима — не шуточки, но, я думаю, Прохор перенесет и это. Когда я его навестил в Коровниках, он улыбался из-за решетки. Видимо, грело то, что отомстил за жену. Немногие мужья способны на такое.

— Я поеду к нему! — Флейта вскочила и стала одеваться. Валторна удержала ее, а Либерман сказал:

— Вы опоздали на двое суток. Увезли с этапом. На Север.

— Куда увезли?! — Флейта кричала, лицо ее побелело, глаза готовы были вылезти из орбит.

Либерман достал из кармана клочок бумаги и протянул ее Флейте.

— Вам, милая, остается сидеть и ждать письма. Или открытки. Думаю, недельки через две получите.

Флейта странно обмякла, съежилась, согнулась над столом.

Все молчали.

Затем тихо спросила:

— Почему его никто не защитил? Ведь осудили за благородство! Он — рыцарь! Неужели судья ничего не понял? Ведь у него имелось мое письмо...

— Какое письмо? — Либерман и Валторна удивленно взглянули на Флейту.

— Ко мне в больницу пришли какие-то люди, — сказала она, — попросили подробно обо всем происшедшем рассказать. Я рассказала. Неужели суду этого оказалось мало?

Либерман пожал плечами.

— Простите, Настя, но судья зачитал только одно ваше заявление, где вы пишете, что Вас никто не бил, а синяки и ссадины вы получили, когда оступились и упали на лестнице. Вот Зина подтвердит, она тоже была на суде.

— Да, — сказала Валторна, — я сама видела твою подпись. Кстати, ведь это я тебе советовала не возбуждать дела против Вадика — ты помнишь? Ну, и решила, что ты послушалась моего совета. Там, в зале суда, были четверо из его шайки, так что ты поступила правильно.

— Значит, — сказал Либерман, сильно взволнованный, — имелось и другое письмо, и оно должно было лежать у судьи на столе! — В волнении он откинулся на спинку стула, вытер пот со лба.— Непостижимо! И это наше правосудие! Непостижимо! Теперь я понимаю: все куплено! Недаром адвокат, мой старый знакомый, прятал от меня глаза, когда я говорил, что ничего сделать нельзя, поскольку нет свидетелей в защиту обвиняемого.

— Как же? — воскликнула Флейта. — А Зина? Она же все видела!

— Она промолчала,— сказал Либерман.— Так же, как и я... Простите нас, если можете.

Общее молчание длилось минут десять, потом Флейта сказала тихо:

— Уходите! Мне... надо побыть одной. Завтра я еду к нему.

Они ушли, неслышно ступая, как нашкодившие собаки. И так же неслышно прикрыли за собой дверь.

А Флейта немедленно стала собираться в дорогу. Еще не совсем оправившаяся от потрясения, она плохо соображала, что именно надо взять с собой, и пихала в сумку все, что попадало под руку. Получилась тяжелая кладь и еще одна, поменьше. С теми продуктами, которые она собрала со стола. Почему-то она торопилась и даже не подумала, что все можно купить на следующий день, не торопясь. Какая-то неведомая сила толкала ее в спину, заставляла все делать быстро и непродуманно.

Только к ночи она немного пришла в себя, спустилась вниз и попросила у дежурного охранника разрешения позвонить по телефону. Он разрешил. Справочное вокзала ответило, что скорый поезд на Воркуту ушел уже четыре часа назад, а следующий будет в восемь часов утра. Она поблагодарила дежурного и поднялась к себе.

Больше часа сидела, не шевелясь, слегка раскачиваясь, как кукла-неваляшка, только без музыки, тихо.

Иногда ей приходила в голову здравая мысль: до поезда еще часов шесть-семь, и можно бы немного поспать. Но она отгоняла эту мысль, ей казалось, что если она опоздает сегодня, то не соберется к нему никогда.

В семь утра она оделась, взяла вещи, зачем-то заперла дверь ключом и, проверив, на месте ли паспорт, стала спускаться по лестнице. У нее не было сомнений в правильности своих действий, даже то, что она едет в неведомое, ее не пугало. Что ж, подумала она, в конце концов, всюду живут люди. У нее есть профессия, она хороший музыкант, и на Севере, наверное, есть школа, и там нужен учитель музыки... Да, несомненно, нужен! И она будет работать там, а жить устроится в чьем-нибудь доме и в качестве платы за квартиру станет учить детей музыке. Есть же у них дети! А жилье подыщет как можно ближе к тому месту, где будут содержать ЕГО, и будет помогать ему всем, чем сможет...

Так думала она, спускаясь по лестнице, и далее, пока ехала в троллейбусе на вокзал, и на самом вокзале, пока ждала поезда.

Утро выдалось холодное, ветер задувал ей за воротник пригоршни колких, жалящих ледышек, она ежилась и, склонив голову, упрямо шла вперед.

Воркутинский поезд останавливался на восьмом пути, поэтому Флейте пришлось пройти семь, перешагивая через рельсы, стараясь не поскользнуться на обледенелых шпалах, недолеченное сотрясение мозга давало о себе знать тупой болью в голове.

На восьмой путь она пришла, когда вдали показались огни электровоза. Под фонарем стояли кучкой люди, в которых Флейта не сразу признала своих — они прятали лица в поднятые воротники. Увидев ее, они бросились к ней, стали тискать в объятиях. Здесь были все, кто не уехал из города после разгрома оркестра, женщины плакали, мужчины угрюмо молчали. Подошел Либерман и сунул ей в карман пачку денег, сказав «пригодится», и затем, но уже тише: «Прости нас, Настя!».

Валторна ткнулась мокрым лицом ей в шею — совсем как щенок, и Флейта тотчас простила их обоих и с чувством обняла Зинаиду. Потом музыканты вынули из чехлов инструменты и заиграли, а Либерман, как раньше, дирижировал. Когда подошел поезд, они подняли Настю на руки, на глазах изумленных проводников внесли в вагон, усадили на скамейку, а ящик забили продуктами — от батонов белого хлеба шел пьянящий аромат пекарни. Флейту опять обнимали, и кто-то громко кричал, что она не просто Анастасия Волохова из их оркестра, а самая настоящая княгиня Волконская, совершающая свой незабываемый подвиг... Потом они гурьбой высыпали из вагона и долго бежали рядом с поездом, а Настя смотрела на них сквозь стекло и плакала.

.. Поезд прибавил скорость, метель усилилась, и в ней, как призраки в театре, пропали родные для нее люди в стареньких драповых пальто.

Борис ФАРАФОНТОВ

Ярославский прозаик, член Союза российских писателей. Имеет высшее юридическое образование. Главная тема его рассказов и повестей — жизнь русской природы, которую он хорошо знает и любит. Много ездил по стране, а потому каждый раз старается оттолкнуться от факта, как документальной основы повествования, полагая, что мудрее жизни ничего на свете быть не может.

Печатался в ярославских периодических изданиях, коллективных сборниках. Автор книги рассказов и очерков «Соловьиные дороги» (1999).

Музыкальные волки

Рассказ

Шел уже первый час ночи. Встреча молодой парочки, вопреки желанию девушки, затянулась. На улице стоял приличный мороз, в тесовой веранде, где они сидели, было чуть теплее, но Галина и Саша холода не замечали.

Когда часы в избе за стеной пробили час ночи, девушка решительно встала.

— Пора домой, Саша! Пожалей себя и меня. Тебе еще три километра топтать, а мне от матери каждый раз упреки выслушивать.

Она вышла со своим спутником на улицу и ахнула:

— Хрустальная ночь! Такой покой, такое умиротворение...

По деревне раскинулась редкая по красоте тихая лунная ночь, щедро разбросав серебро инея по деревьям, домам, огородам. Александр попытался привлечь девушку к себе, но та мягко и настойчиво отстранилась.

— Пора по домам. Когда теперь ждать тебя?

— В субботу, наверное.

— Гармошку, может, оставишь, чтоб не таскать её туда и обратно?

— А кто по дороге зайцев будет развлекать? — пошутил он. — В прошлый раз прохожу мимо скирды, что возле моста, смотрю: два косых кормятся оброненным клевером. Поравнялся с ними — отскочили в сторону, застыли столбиками, ждут, когда уйду. — При этих словах Александр привычно взял аккорд на тальянке, но Галина, схватив руками за гармошку, опередила его:

— Ночь ведь — всю деревню переполошишь!

Звучание, не набрав силы, резко оборвалось. Александр послушно застегнул меха и перекинул гармошку за плечо. Галина шутливо развернула его на пол-оборота, подтолкнула вперед и скомандовала:

— Шагом марш!

Он отчеканил несколько шагов с солдатской выправкой, развернулся, весело помахал на прощанье и споро зашагал по освещенной луной дороге.

Мысли его сами собой покатались вспять, он думал о только что проведенном вечере, о Галине. «Молодец она, мягкая в обращении, но требовательная. Другая раскисла бы, когда ласкаешь, к таким постепенно интерес пропадает, а у нее все по-другому. На людях держится в тени, а какая-то притягательная, со своим почерком».

Ему невольно вспомнились слова известной песенки:

*Я смотрю ей вслед —
Ничего в ней нет.
А я все гляжу,
Глаз не отвожусь.*

Прямо-таки о Галине написано. Не зря мама о ней сказала:

— Галина — девушка с «изюминкой».

— Это как понимать? Умная, что ли, или с характером?

— Ты с ней время проводишь, вот и разгадай, — уклончиво ответила мать.

Сближение Александра и Галины началось с новогоднего вечера в колхозном клубе в прошлом году. В тот вечер девчата, выступая на сцене, были в ударе: плясали, песни пели, хоровод водили. Там Александр и заметил свою будущую подругу. Девчата на сцене преобразились до неузнаваемости, но Галя более всех — она показалась Александру особенной. Скромная в быту, на сцене — огонь: задорная, гибкая, четкая в движениях. Пела, как ему показалось, тоже как-то по-своему, душевно, с «выражением на лице», подперев щеку кулачком. Где-то он читал: «Умные люди держатся скромно» — это тоже о ней. Девчат зрители долго не отпускали со сцены, заставляя повторять почти все номера.

В тот вечер после концерта Александр прошел за сцену и простодушно выпалил:

— Галя, у тебя лучше всех получалось!

Она посмотрела на него молча. Тут Саша понял, что дал маху: ведь все девушки хорошо выступали.

— Девчата, вы такие молодцы, развлекли народ от души! — Он выхватил гармошку у штатного гармониста и сыграл туш — рассмешил всех, исправив тем свою оплошность.

За приятными воспоминаниями Александр прошел половину пути. Дорогу он знал наизусть, как говорится, прошел бы и с завязанными глазами. Помнил каждый кустик, пень, ухабину. Однако темному пятну на белом фоне у той самой скирды, что у моста, вначале не придавал значения. Может, охалка сена с воза свалилась или те же зайцы опять пожировать прискакали. Приблизившись к скирде еще, он различил уже два предмета, непохожих на охалки сена и тем более на зайцев. Сомнения длились недолго: «Волки!»

Он приостановился. Первую мысль — бежать назад — отбросил сразу: от волков не убежишь! Лоси и те не всегда убегают. А чем обороняться? Он иногда брал с собой охотничий нож, но на этот раз даже палки у него при себе не было.

Армейскую службу Александр проходил в горах Киргизстана и о проделках тамошних серых хищников слышал много. Волки — умные, смелые и осторожные животные. Пищу могут успешно добывать и поодиночке, и группой, на охоте прекрасно понимают друг друга. По рассказам киргизских пастухов, они без особого труда одолевают даже лошадь. Подобраться к лошади непросто, удар копытом для волка смертельно опасен. Поэтому самый матерый из них делает к лошади молниеносный рывок, наносит по животу скользящий удар клыками и мгновенно отскакивает. После этого кинжального удара лошадь чаще всего обречена, если рядом не окажется человека. Жеребенка волк сбивает с ног в одиночку. Роль других хищников — отвлечь кобылу. Загадка: человека волк щадит! Нападает в исключительных случаях, и, как правило, виной тому сам человек. Об этом Александр тоже знал. Но знать — одно, а оказаться с волками в чистом поле и с голыми руками — совсем другое.

Сашей овладело чувство, подобное тому, какое испытывает человек, оказавшийся в закрытой клетке с хищниками. Маленькими шагами он продвигался вперед. Страх сковал способность рассуждать, он действовал интуитивно. Мелькнула мысль: «Иди, не показывая страха! Волки боятся шума, попробуй отпугнуть гармошкой».

Он заиграл самое привычное — «Семеновну», механически двигаясь к роковому месту. Оказалось, волки сидели не у самой дороги, а метрах в двенадцати в стороне.

«Как раз дистанция для разбега», — мелькнула мысль.

Гармонист поравнялся с волками, наявивая на тальянке. Для большего шума он пытался что-то подпеть, но от страха и волнения голос перехватило. Вот уже волки остались позади. Но Александр не выпускал их из бокового зрения. И вдруг хищники двинулись за ним. Он горячо зашептал: «Хана мне! О, Господи, пронеси!»

И вдруг завопил прорезавшимся голосом, продолжая играть и уже ни на что не надеясь: «Помогите!!!»

Александр чувствовал всем своим существом, как сейчас звери собьют его с ног. Голову защитят шапка и воротник, тогда волки вцепятся мертвой хваткой в ноги, разорвут живот и начнут растаскивать внутренности. Он будет корчиться от боли, еще живой и способный видеть. Такого растерзанного его увидят Галя, родные и вся деревня.

— Ну уж нет!!! — Страх как не бывало. — В гроб вашу волчью мать! Не поддамся! — заорал он страшным чужим голосом и рванул гармошку, а она в ответ с такой остревелой силой рывкнула, что хищники отскочили в сторону на несколько метров.

«Боятся или выбирают момент для нападения?..»

Александр продолжал что-то «пилить» и двигаться в сторону своей деревни. Волки трусили стороной, не отставая и не приближаясь. От обиды на нелепость ситуации у него по лицу текли слезы вперемешку с потом. Перепуганному гармонисту пришлось идти, повернув голову влево, чтобы видеть преследователей. От неестественного положения головы заломило шею.

«Задрал голову, как на параде, — с горечью подумал Александр, пробуя пятиться задом, но чуть не упал. Дорога после заносов была еще плохо наезжена. — Упаду, а им только этого и надо!» — И он перешел на нормальный шаг.

Волки по-прежнему трусили параллельным курсом, выдерживая дистанцию.

«Может, это бродячие собаки? — усомнился Александр, пытаясь получше разглядеть в лунном свете своих преследователей. — Нет, слабая надежда, хвост трубой и шея какая-то... не собачья. По ночам собаки в поле не шляются. Порядок у волков, что ли, такой: вначале поиграть с жертвой...»

От отчаяния у гармониста появился прилив энергии и потребность орать, как от нестерпимой боли. Начал петь частушки. Сколько их прокричал, неизвестно: горланил, пока не охрип. Волки продолжали трусить за ним на прежней дистанции, как на длинном поводке. «А может, им нравятся звуки гармошки?» — осенило его. Где-то Александр слышал, что волки под музыку могут подвывать. Для разнообразия заиграл вальс «Амурские волны».

Уже показалась родная деревня. Подмывало бежать, однако Александр себя урезонил: «Нет, только не беги! Собаки и те за убегающим бросаются».

Боковым зрением заметил, что «любители музыки» остановились. Один из них, задрав голову кверху, завыл, а другой хищник начал ему вторить. Саша тоже остановился. Жуткие волчьи песнопения ему приходилось слышать и раньше, но так близко — впервые.

«На вой может прибежать стая!» — Он спешно двинулся в сторону дома, не прекращая играть.

Волки оставались на месте. До деревни еще полкилометра. Саша перешел на бег трусцой, но так владеть гармоникой было трудно, и он прекратил играть вовсе. От провожатых его отделяло теперь метров двести, но вой продолжал резать уши. Александр побежал, то и дело оглядываясь. Душераздирающий дуэт продолжался. Вот гармонист уже посередине между волками и деревней. И он рванул!.. Никогда так быстро не бегал! Вся ярость и радость спасения были вложены в этот рывок! Спринтер поневоле даже не почувствовал, в какой момент с него свалилась шапка, в каком сугробе оставил один валенок.

Александр взбежал на свое крыльцо (к счастью, оно до его прихода не запиралось), быстро задвинул за собой засов и, еще не веря в свое спасение, посмотрел в окно. Вокруг было пусто и тихо. Он радостно забарабанил в дверь сеней. Мать, включив свет, открыла дверь и ахнула. Перед ней стоял взъерошенный и мокрый, возбужденный и радостный сын: без шапки, в одном валенке, но с гармошкой!

— Господи, сыне Божий!

П О Э З И Я

Сергей ХОМУТОВ

Родился в 1950 г. в Рыбинске и всю свою жизнь биографически и творчески связал с родным краем. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Стихи печатались в журналах: «Новый мир», «Наш современник», «Октябрь», «Огонек», «Молодая гвардия», «Юность», «Север», «Волга», «День и ночь», «Всерусский собор», «Россияне», «Русь», «Сельская новь» и других, а также в коллективных сборниках и альманахах, всероссийском «Дне поэзии», «Антологии русского лиризма».

За сорок лет творческой работы на счету члена Союза писателей России Сергея Хомутова более двадцати книг, вышедших в Москве, Ярославле и Рыбинске. Семь лет был главным редактором регионального литературно-исторического журнала «Русь». Заслуженный работник культуры РФ.

Превыше молитвы

* * *

В дни паденья разума и духа
Происходит роковая драма —
Совесьь,
 как бездомная старуха,
Что сидит на паперти у храма.
Даже не затем, чтобы монету
Бросили в расстеленный платочек
Здесь она,
 а чтобы звать к ответу
Сыновей потерянных и дочек.
Те — идут к иконам и причастью,
А другие — в мир выходят снова,
Да какой-то непонятной властью
Душ людских порушена основа.

Подают,
но как-то мимоходом,
С некою поспешностью глумливой, —
Мало ли подобных год за годом
К ним с мольбой взывают
молчаливой?
Значит, и причастье тоже мнимо,
Ничего молитвы не венчают.
...Всё идут, идут,
проходят мимо,
Скорбный взгляд вослед не замечают.

* * *

У всех известных конституций
Есть недостаток — длиннота,
А смысл вам обозначат
куцый,
Мол, жизнь у нас еще — не та.
Не доросли до постиженья
И обретенья разных прав,
Поэтому смири броженья
Претензий,
укроти свой нрав.
И объяснят, что — неподсудно,
Что — сложно, смогут разжевать.
...Но десять заповедей трудно
По-разному истолковать.

Поющая

Отметая над миром сомкнувшийся холод
И тревогу, что жизнь засосала на треть,
Этот голос приходит ко мне, словно голод,
И его не услышать — равно умереть.

Я не знаю — откуда, зачем, — я не знаю,
Чем за это блаженство еще заплачу,
В этот миг всё забытое припоминаю
И, дыханье стиснув, влюбленно молчу.

Утихают словесные жалкие битвы
С пониманьем, как надо любить и страдать...
Если что-то бывает превыше молитвы, —
Только то, что способно молитву создать.

* * *

Век переполнен катаклизмами,
Но сознаю с недоумением:
Бутылки помнятся не письмами, —
Другим, банальным, наполнением.

Кому писать, зачем — неведомо,
Уж лучше насладиться праздностью,
О, сколько же ее отведано
Со страстностью и безобразностью!

Всё явственнее одержимое
Безумий наших недержание,
И всё наглее содержимое
Теснит сегодня содержание.

А расслабленью всемогущему
Не надо вечного и сущего...
Коль нет послания грядущему,
То, значит, нет его, грядущего.

Знакомая картинка

Всё, как должно, в городе моем, —
На Преображенском и Бульварной;
Пусто ночью, и толкучка днем —
Рядом с территорией базарной.

Строят здесь, а рушится везде, —
Потому что подступило время,
И его не удержать в узде,
И не натянуть потуже стремя.

Улица Стоялая ведет
К Волге много лет уже привычно,
Увядает к сроку и цветет,
И, пожалуй, выглядит прилично.

Свой уклад на явленном веку, —
Принимай иль нет картину эту:
Каланча пожарная — вверху,
А в низинке — памятник поэту.

* * *

Сегодня считаю не дни я уже, а минуты.
Чтоб выбрать с десятков,
 родной побродить стороной.
Паденье листвы — это вам не паденье валюты,
Бульвары — не баррели,
 иней — не индекс дурной.

Забито сознание скоплением разного хлама,
А здесь отступает безумного мира возня.
Пусть гонятся вслед мне
 «события», «вести», «реклама»,
Всё реже и реже они настигают меня.

Дано ли укрыться от чуждого сердцу набега
Там,
 где обретет затаенный во мне человек
Паденье листвы и падение первого снега, —
С чего начинался...
 да чем и закончится век?..

* * *

Нет уже путей простых,
Легкого решения —
Книга жития святых
Ищет продолжения.
На великие слова
Отзываюсь искренно,
Русь без святости мертва, —
Это нынче истинно.

Где искать богатырей
Духа и свершения —
В глубине монастырей,
На полях сражения?
Или в дьявольской возне
Места нет небесному,
Погорело всё в огне,
Поглотилось бездною?

Только верить не хочу
В это невезение,
Перед Образом свечу
Ставлю во спасение.
Чтобы святость бытия —
Чистую, заветную —
Собрала земля моя,
Как росу рассветную.

Переделкино. Кладбище

И дышит почва и судьба.

Б. Пастернак

Идешь и ждешь таинственного знака, —
Что молнии над самой головой...
Аллея до могилы Пастернака
Покрыта увядающей травой.

Неторопливо стелется тропинка,
А может, я не тороплю шаги,
И этот миг — подобье поединка
Загробной воли и живой строки.

И, словно пламенеющие листья,
Опять нисходят на душу слова,
И вижу пред собой другую высь я,
И рядом не деревья — деревья.

Но вот она, тяжелая могила
На серой переделкинской земле, —
Нет, никакая не откроет сила
Того, что скрыто навсегда во мгле.

...Я ухожу, воображеньем выжат,
В иные строки, сроки и края,
И чувствую, что вправду почва дышит,
Да вот судьба у каждого — своя.

* * *

Бабочка, твой путь замысловат,
Ты грустна скорее, чем беспечна,
Кто в твоей печали виноват? —
Может, жизнь,
 что слишком быстротечна.
В чем-то мы, наверное, близки,
Наслаждаясь нашим кратким летом, —
Твой полет,
 он, как полет строки,
Трудно предсказуем в мире этом.
Вечное желанье горячо —
Красоту открыть в цветах
 и звездах
И хотя б на миг один еще
Зацепиться крылышком за воздух.

* * *

Дождь, и девочка, и свет,
И несбыточное что-то
Из далеких, юных лет
Проступает, как на фото.
Пахнут волосы листвой
Майской молодой березки,
Радуга над головой,
На ресницах влажных блески.
...Ветер бросил мне в лицо
Пригоршню листвы холодной.
Луж унылое кольцо.
Солнце скрылось в туче плотной.
Те же садик и скамья, —
Неужели это было,
Где ты, девочка моя?
Дождиком осенним смыло.

* * *

Зачем порывы, откровения
И жажда постиженья мне?
Быть может,
поумерив рвения,
Жить потихоньку в стороне.

Но, вопреки скупому возрасту,
Тянусь на отдаленный свет.
Не попусту,
совсем не попусту —
Все обретенья поздних лет.

Стихи, да музыка,
да Пушкина
Открытый наугад листок...
Не хочется,
чтоб век отпущенный
Я отбыл, как тюремный срок.

Владимир ПЕРЦЕВ

Родился в г. Гаврилов-Ям Ярославской области в 1963 году. Окончил Ярославское художественное училище. Член Союза российских писателей.

Лауреат областной премии им. Сурикова (2000). Автор четырех книг: «В затонах золотых» (1996), «Очнуться в сумерках зимы» (2000), «На вселенском сквозняке» (2007), «Камень немоты» (2011).

Стрела без цели

* * *

Нищим, калекой, странником в дождь,
изгнанным, пытанным, битым нещадно,
что я тебе, отпусти меня, вождь,
я только вошь, отпусти меня, ладно?!

Не ладаном пахнут, а порохом и
кровью запекшейся, потом, махоркой
эти холеные пальцы твои.
С горечью хлеб твой, вода твоя с хлоркой.

Я, как хорек, и напуган и худ,
но предпочту лизоблюдству мытарства.
Сорок Христов, Моисеев и Будд
не просветят твое сонное царство.

Все бесполезно в этой дыре.
После покойника — скромная запись.
Мрачен Спаситель в своей конуре,
распни его тело, пока он не запил.

* * *

Купите дом, вспашите целину,
разбейте парники на огороде.
Накормите себя и всю страну
и все-таки России не вернете.

Вертинского поставьте под иглу,
смакуйте Пастернака, Гумилева,
но, как хорошую актерскую игру,
Россию не вернете снова.

Она ушла в иные времена,
над ней бурьян разросся и крапива.
Мальчишки тащат с высохшего дна
оклад и проржавевшее кадило.

Морозных игрищ искристый азарт
и в сенокос звенящий шелест сена,
не сетуйте, опять не повторят.
Все кончено, идет другая смена!

Все кончено! Обмана больше нет.
Как проигравшийся в пылу азарта,
я выйду на крыльцо. Меня облепит снег.
Шестерка черных птиц в глазах стоит, как карта.

Стрела без цели

Меня пустили не всерьез.
И перья пели.
Диалектический курьез —
стрела без цели.

Свести к мишени кругозор
легко, как дунуть.
Но мой пускатель был позер,
пустил не думав.

Я в небе птицы не настиг,
не срезал лани.
Меня обставил дробовик
на поле брани.

Пропев бессмысленное «бжень»
в пространстве жизни,
войду по задницу в мишень
болотной жижи.

* * *

Надо мною висит в зените
что не взять никакой зенитке:
в своем круговом скольжении
нацеленный ангел слежения.
Я хожу, как чеченец в бурке,
отливаю под домом бункер,
маскируюсь в толпе, в народе.
Не спеша он прицел наводит.
Ни к чему всемирная перепись,
он лучом копается в черепе.
Знает точно, знает наверное
все мысли мои сокровенные.
Достает меня сквозь бетоны.
Я в списке его многотомном
помечен крестиком, знаком.
Поставлен, как фишка, на кон.
Не проклят и не наказан,
а просто кем-то заказан.

* * *

Нам тесно вместе, нам душно в комнатах,
в доме просторном, как в катакомбах.

Мы спорим, тычем друг другу фактики.
Мы посинели, как два инфартника.

Вот на крылечко, как в воду, сунемся.
Цветут сирени и грозы в сумерках.

Шумит березами, свистит беспечно
июнь сиреневый, скоротечный.

Промчится скоро веселым поездом,
тогда опомнимся.

* * *

Пережидаю дни. Нагие
мальчишки бродят у воды.
И ослепительны пруды.
И все желания благие.

Безвременье, затишье. Сонно.
Еще не определено
судьбы суконное руно
моей под этим жгучим солнцем.

Швыряю камешки наотмашь.
Мы оба были дураки!
Соскочат в воду рыбаки
и лодку вытянут на отмель.

Всплеск оглушительный, как бубен.
Нырнуть и мне, пустить круги?
Июль, стрекозы, рыбаки.
Проходят дни, других не будет.

Старая пластинка

Бархатный голос с трещинкой скола,
шум проливной
падает в полночь, как бешеный скорый
из жизни иной.

Кто закрутил эту черную память
с дыркой внутри?
К дальнему центру падать и падать,
слезы утри.

Прошлого распри ничем не исправить,
врать не с руки.
Кружит, как коршун, черная память,
уже круги!

* * *

Ведро кидаю я в колодец.
Но, прорывая толщу вод,
оно уходит, словно лот,
лишь ворот крыльями колотит.

Лечу, я брошен сам куда-то.
Собою измеряю путь.
Господь, освободи от пут!
Господь, не отпусти каната!

Камень немоты

Когда взывает плоть
и толпы вечно правы,
немотствует Господь
и затихают травы.

И кто же виноват,
что вижу лишь одно —
космический квадрат
в раскрытое окно?!

Темны мои скиты
и сам я как калека,
осколок немоты
от каменного века.

Как вытоптаный плац —
бесплоден и беспорен.
Как пытанный паяц —
навекі успокоен.

Несется монолит
в космическую ночь.
И некого молить.
И некому помочь.

Я — камень немоты,
я сам себе основа,
когда из темноты
вымучиваю слово.

* * *

Такая глушь, что хлеба не достать.
Но тихо, хорошо. Печаль такая,
переходящая порою в благодать,
что плакать хочется; часов не замечая,
томиться неизбывной красотой
пустынейшего в мире поселения,
ненужнейшего, на краю забвенья,
где сложность чувства с внешней простотой
соединил июль и маревом укрыл.

Ольга КОРОБКОВА

Родилась в 1975 году в Рыбинске. Работала корреспондентом, диктором на радио. Поэт, член Союза российских писателей. Публикуется в периодических изданиях «Дети Ра», «День и ночь», «Пролог» и др. Автор книги стихов «После игры» (2002).

«Своими именами назовутся»

* * *

Мне снилось наше нежное прощанье —
доверчивое, полное печали, —
всё то, что не случилось наяву...
Во сне всё открывается иначе —
в ином регистре, зазеркально-ясно,
с последней и прекрасной прямоюй.
Своими именами назовутся
все таинства, все дружбы и любви,
сияние усилится — и вот
мы снова рядом, нам пора прощаться —
без яда, без обиды, без надежды,
с улыбками на высохших губах.
Сквозь сон я знаю: самое большое,
что Бог даёт участникам разлуки, —
светлейшее прощанье навсегда.

* * *

Как хорошо быть гостьей на вокзале:
не провожать, не ехать, не встречать,
не торопиться, не сбивать дыханье,
минуты не считать, потом — секунды,
до хруста рук прощального объятия,
до горечи слепого поцелуя...

Смотреть с весельем на чужую радость
и с грустью — на чужое горе, но —
но не участвовать ни в чем, ни в чем,
а в ком-то — если только посторонне...

И налегке, вертя ключи на пальце,
стоять, читать про легкость бытия,
которую нести не тяжелее,
чем летнюю дорожную суму...

И на своих двоих на все четыре
идти, когда захочется уйти,
беречь свою свободу-безбилетность
и не желать счастливого пути
ни близким, ни себе, ни alter ego...

Немного стыдно добрых пассажиров,
которых я немного предаю
своей непринадлежностью к их братству,
и сестринству, и прочему родству...

Но кто же я сейчас?.. Я просто вещь,
что Бог оставил в камере хранения.
Я не забыта, я в Его руке —
вот-вот...

* * *

Тоненькие побеги
родительской яблони.
Маленькие человеки,
смиранные чудеса.
Глазенки чистой воды,
проточной голубизны,
нездешние. Хотя все по местам...

Дом священника. Стол в саду,
скамейка. Собрались вокруг,
изучают, глядят нестерпимо-ясно.

На коленках — пятна зеленки:
зеленый свет в светофоре времени...
Перемигнет не скоро.
Старшему — десять лет.
Четыре девочки и мальчик Андрейка.
Дети батюшки Дионисия.
Июльский зной, ледяное ведро, железная кружка.
Какой там век за калиткой сада?..
У батюшки звонит сотовый.
Что ж — свои дела, все нормально...

Здесь светло и в тени.
Дети медленно улыбаются,
подбираются ближе, рассказывают,
как играли в прятки под яблоней...
...А завтра — гуськом придут в храм,
станут поближе к налою,
кто-то взберется на лестницу,
что ведет к церковному хору...
Вот они — домовята
Божьего дома.

Птичий человек

Памяти поэта Василия Галюдкина

«Птичий человек» — назвала его моя жена после того как Вася в первый раз провел несколько часов на нашей ярославской кухне. Помните, у Тарковского: говорили, что в обличье у поэта нечто птичье? Это о Мандельштаме. Но «птица», каким виделся поэт-мученик современникам, и «птичий человек» — не совсем одно и то же. Да и много ли общего у Галюдкина с Мандельштамом? Сами собой напрашиваются параллели с Есениным и крестьянскими поэтами, с Рубцовым — именно в русле этой традиции и

жил — не только писал, но и жил — Галюдкин; и его стихи, и его жизнь — раскрытие того же мифа о русском поэте из глубинки, непременно пьющем и неблагополучном, заканчивающем, как правило, трагически.

*Поминаю братьев в вином,
Поднимаю последнюю кружку.
Жизнь Васильева — собственный дом.
Лукина — областная психушка.
Костя, Костя, распятый Сергей
Не видал свои книжки при жизни.
Вы погибли — и рыночный зверь
Вашей кровью торгует в Отчизне.
Что сказать тебе, бедная Родина?
Чтоб поэтом читаемым стать,
Надо пьяным, голодным, чуть тронутым
Прописаться в эфир и печать.*

Но вот что любопытно: заносчивый Мандельштам, тосковавший по мировой культуре и презиравший литературный официоз, называвший его не иначе как мразью, дружил с очень немногими, и среди

этих очень немногих был Сергей Клычков. Последний как-то заметил: «Мозги у вас, Осип Эмильевич, все-таки еврейские». Мандельштам согласился: «Да, но стихи — русские». И Клычков это с радостью подтвердил.

Так вот о сходстве-различии: во всех поэтах, какими бы разными они ни были, есть «нечто птичье»: легкость на подъем, хрупкость какая-то, неотмирность. Дети неба. Все они, какими бы ни были и как бы ни выстраивались их отношения с «большими системами», государством и его институциями, — все они «не от мира» сего. Даже старик Державин, дослужившийся до министра, сделавший блистательную карьеру, начав с подавления Пугачевского бунта. Пегас — крылатый конь и потому тоже скорее птица, чем конь. Поэты не столько ходят по земле, сколько парят, за что и расплачиваются в полной мере.

*Грех к душе, а грязь к подошвам липнет.
Заболит душа, подошва скрипнет! —
Это я к святым местам России
От дорог накатанных бреду...
Не цветы — а стрелянные гильзы.
Не трава — лишь стрелы на беду.
Прохоровка, поле Куликово,
Кабаки, базары, монастырь,
Обелиск, сарайчик пустяковый,
Памятники, площади, пустырь —
Это все, чем я неизлечимо
Болен так, что не простят мой грех,
Грех бродяги — нет почетной чина
Для моих владык — дорожных вех...*

Самый запомнившийся эпизод: везу как-то Василия на такси в наркологическую больницу (других вариантов нет); подъезжаем, и тут он вдруг начинает упираться: не пойду и все! Пришлось вытаскивать силой, что было сделать легко, даже слишком легко. Эта-то легкость и поразила: я сгреб не человека — птичье тельце... Он был почти бесплотен, невесом: маленький, худющий, в больших очках... Да и сам себя он, похоже, ощущал птицей:

*Скоро, скоро грачи до рассвета проснутся,
Голоса их сольются с молитвой...
Господь,
Горсть монет положу я в церковное блюдо...
И уйду! И проснется крылатая плоть!*

Одно время Вася жил при монастыре, а еще — при каком-то из сельских приходов, но — уходил, улетал на волю: золотая, а клетка...

Пересказывать стихи — дело бессмысленное, ненужное и неблагодарное, но, вероятно, кто-то из присутствующих вспомнит, а еще лучше прочитает стихотворение про таракана, с которым поэт, лежа в наркологии, делится хлебом — подкармливает, видя родство. Рефреном звучит строка «Всякое дыханье хвалит Бога». Найдите, прочтите. Поэт и таракан... Платон предлагал гнать стихотворцев из своего идеально соответствующего мирозданию Полиса — современный Город решил «птичий вопрос» ци-

визованно: никто никого никуда не гонит; приспособляйся, адаптируйся к дусту идеологии успеха или — или прав у тебя не больше, чем у таракана, и перспективы — те же. В современном социуме «заслуженные деятели культуры» могут, например, проливать слезы об участи бездомных собак, но не «птичьих людей». О государстве и говорить не приходится: какие там поэты, когда не нужны ни русский балет, ни виртуозы-исполнители, ни художники — никто и ничто живое? Мутировавшему царству хама нужно лишь бабло и только бабло — сегодня, сейчас. А после нас — хоть потоп; только бабки — как желуди роющей корни дуба свинье из басни, но это — другая тема.

*Хорошо, что тут ветки шиповника.
Хорошо, что тут капли дождей.
Хорошо, что тут нету чиновников,
И господ, и рабов, и вождей.*

Одно время я устроил Васю на работу в «Ярославские епархиальные ведомости» — из этой благотворительной акции по понятным причинам ничего не получилось, но какое-то время Вася держался. Писать он, насколько помню, так ничего и не написал — писать он мог только стихи, — но как-то помогал, числился, всегда был в костюме и при галстукке. Когда запивал и вдруг видел издали меня идущим навстречу, переходил на другую сторону улицы и нырял в первую подвернувшуюся подворотню. При этом — те же костюм и галстук, вообще никогда я не видел его неопрятным. Достоинство. «Пускай я умру под забором как пес», но — при галстукке.

В моем ярославском архиве («не надо заводить архивов» — сами заведутся) есть несколько его писем, написанных из психушки — его почти постоянного места жительства. Другим была рабочая общага неподалеку от моей квартиры: это соседство было, что называется, промыслительным — несколько раз удалось вытянуть Васю из непростых ситуаций, чреватых вызовом санитаров и / или милиции.

*С потолка штукатурка слетает на кожу,
И ржавеют головки гвоздей на стене!
Криминальное время. Бандитские рожки.
Воровские набеги. Отчизна в дерьме.
Я живу в комнатухе губернской общаги.
Я в обносках брожу по российской земле.
Пью вино от тоски. На листочках бумаги
Я стихи болевые слагаю во мгле.
Я бы умер давно: стихолюбцы России,
Как мышонка от кошки, спасают мой дар.
Штукатурка летит. Пол трещит...
И косые
Облысевшие стены общаги, кошмар...*

С моим переездом в Москву наше общение прервалось, но Ярославль для меня неизменно связан с «птичьим человеком» — птичкой-невеличкой в очках, особенно огромных на его исхудалом лице. Общались мы в основном на ходу, на бегу, на лету, делая посадки в парках (обычно — осенних) с бутылкой или банкой пива — двумя или одной на двоих, иногда — в дешевых кафе. Литинститут, где он учился в семинаре Юрия Куз-

нецова, «наши бараны», русская классика, ну и, конечно, Россия — обычный набор тем провинциальных «русских мальчиков» (одному под, другому за сорок), потершихся в столице, но не прижившихся в ней. Новой эпохе такие «птицы» были не нужны, мы это знали; точкой опоры была Церковь и поэзия — и для меня, и для него, но в разных пропорциях.

*И башни монастырские, и речка,
И храм пророка твоего, Господь!
Умру — душа моя вольется в вечность.
Умру — войдет в суглинок моя плоть.
Там не увижу ржавого железа,
Творцов помойных ям, тюремных крыш,
Печатей, паспортов, квитанций ДЭЗа...
Умру, Господь, и Ты меня простишь?*

Последняя наша встреча — в декабре 2003-го: ко мне приехал Иван Жданов, живой классик авангарда последнего двадцатилетия канувшего в Лету века; три, как минимум, дня читали стихи, скажем так. Запомнилось из тех дней утро в продуктовом магазине — утро моего дня: нищий Вася решил сделать мне подарок — фляжку коньяка, и — сделал, как я ни протестовал, убедив меня, что так надо, что не такой уж горький он пропойца, чтобы не купить другу коньяк на день рожденья.

И вот Васи нет — нет здесь, что не значит — нет среди нас (сейчас, когда пишу эти строки, ощущаю его присутствие, вижу его, птичьего человека, в очках и в костюме). Останется ли он в истории русской изящной словесности — вопрос праздный и в данном случае неуместный, но отвечу: останется. Евтушенко, когда-то покровительствовавший Васе, включил его стихи в свои «Строфы века», что-то о нем написав (нет под рукой, а то бы процитировал). Будет ли востребован «племенем младым, незнакомым» — не берусь судить, кто его знает, это племя, на что оно западет, на какие раритеты, какого воздуха захочет, устав от отравленного и отравляемого все больше... Да и не суть важно — особенно ему теперь.

*Горит звезда над Заполярным пирсом.
В заливе Кольском дремлют корабли.
Зачем я жил? Писал стихи? Родился?
И ждал добра от горестной земли?*

Не могу отделаться от мысли, что там, куда он ушел, все поэты видят друг друга и, естественно, что-то друг другу читают, не исключено, что и выпивают точно так же, как здесь, на земле, но что и сколько — загадка. Вообще что мы знаем о том, что там? Одни намеки, аллегории, иносказания... Тропы. Но почему-то не возникает сомнения, что все птицы — там, на зимовье, — собраны в одну стаю и ждут весны, когда вернуться — на новую землю под новым небом.

У Васи в одном из самых, а может, самом пронзительно-исповедальном его стихотворении есть такая строка:

Отобрали перо и бумагу— вот ад.

Там у него перо и бумагу — единственное, что было у него в здешней жизни, — уверен, не отобрали. Не посмели. Не попустил Господь. Ведь как Василию без пера и бумаги?

Господь — милосерд. А значит, если есть перо и бумага, ты — в своем птичьем раю, птичий человек, птичья душа. Остальное — так ли уж важно?

*Стихи и звезды остаются,
А остальное — все равно, —*

сказал другой поэт, пивший горькую в «лучезарном небе над Ниццей», в «богомерзском Йере» и умерший в доме для престарелых (роскошном по сравнению с нашими). Остается то, что над временем, над его все уносящей в своем течении рекой. Стихи и звезды. Любовь, что их зажигает и движет. И все остальное живо лишь этой любовью, причастностью ей. А значит — тоже остается. В стихах, в музыке, в красках, камне, в той памяти, которая не скудеет, не истощается, как наша человеческая память. Вечная тебе память, птичий человек.

Константин КРАВЦОВ,
член Союза российских писателей

П Р О З А

Алексей СЕРОВ

Закончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал электромонтером, газосварщиком, корреспондентом в редакциях местных газет.

Автор книг «Семь стрел» (2001) и «Мужчины своих женщин» (2006). Заканчивает работу над третьей книгой. Рассказы, повести, статьи публикует в региональной прессе, «Литературной газете», в коллективных сборниках. В центре его прозы — городские лирические сюжеты.

«...Я пишу о поступках, определяющих жизнь людей, — говорит Алексей Серов. — Это могут быть и вовсе не героические поступки. Главное, чтобы они были настоящими, не фальшивыми. И я должен рассказать о них без фальши...». Член Союза писателей России. Живет и работает в Ярославле.

Вавилон

Повесть

1.

На день рождения коллеги засыпали меня подарками. Мелкими, бессмысленными. Перечислять их долго, да и не нужно. Важно лишь, что среди прочих артефактов оказалась вот эта записная книжка — плоская, бездарная в своей убогой рациональности, голодная до чернил. Однако, увидев книжку впервые, я сразу решил, что страницы ее навсегда останутся нетронутыми, ненасытными. Существует такая категория подарков — они изначально не годятся для серьезного дела.

Я стал носить ее в кармане случайно: сунул и забыл. Она настолько мала и скромна, что никак не напоминает о своем существовании. Хотя при моем-то мелком и аккуратном почерке, думаю, в этой книжке могла бы уместиться приличная повесть.

2.

В наших карманах, между прочим, постоянно живут вещи, которые там не должны находиться,— и живут, бывает, годами. В кармане моей старой джинсовой куртки долго квартировал грецкий орех, свивший гнездо среди потрепанных троллейбусных талонов, до того иссохший, что напоминал уже какой-то каменный уголек. И еще рядом с ним лежал, Бог знает для какой надобности, небольшой обрезок медной трубки. Каждый раз, влезая рукой в карман, я напоминал себе, что барахло нужно поскорее выкинуть, но не решался сделать это немедленно. Да и жалко было — привык.

Вот и с книжкой такая история... не думал, что она пригодится когда-нибудь. Однако недавно мне потребовалось записать адрес и телефон объявившегося через много лет старого знакомого; столкнулись на улице глаза в глаза, не уклониться... Он-то, смотрю, седенький уже, хромой, с палочкой... а ведь ровесники! Пришлось стоять на солнцепеке и произносить ненужные слова, совершать фальшивые бодрые движения. За пивом выяснилось: Жора служил по горячим точкам, воевал, теперь на пенсии. Скучает. Не прочь бы заняться настоящим делом, но такого дела пока не видит.

— Обращайся,— сказал Жора с улыбкой,— если надо кого-то взорвать.

Конечно, именно такая надобность обязательно появится у меня в самое ближайшее время. Я кивнул и демонстративно полез в карманы в поисках клочка, на котором можно было бы сохранить информацию — хотелось поскорее отделаться от этой протухшей дружбы, — и вдруг наткнулся на записную книжку. Не сразу и сообразил, что такое там лежит в заднем кармане брюк.

3.

«Не следи за временем — следи за собой!»

Сегодня на улице придумал эту фразу, жаль было забывать ее. Себя я знаю хорошо: память у меня не железная, а скорее, глиняная. Здесь и сейчас помню, а там и потом уже нет, развалилось яркое видение, рассыпалось, слилось пылью по ветру. Поэтому все, что придумывается интересного, нужно обязательно сразу фиксировать. Опять нашел эту потайную книжку, обрадовался ей.

Завелся в кармане и небольшой карандаш для полного удобства. Он женился на записной книжке — не исключая, ради ее жилплощади. Но осуждать его вряд ли стоит. Браки по расчету обычно крепки.

И теперь я оказался вроде бы во всеоружии перед миром, который ежедневно и ежесекундно водопадом льется на меня со всех сторон. Вздохнуть невозможно без того, чтобы не проглотить какое-то количество грязной воды. Маленькая записная книжка дает возможность противостоять миру... нет, это неправильно — не противостоять, а осваивать его.

4.

Накануне дня рождения был в церкви — хотел точно выяснить, можно ли отмечать сорок лет, устраивать праздник. Многие считают, что нельзя. Плохая, дескать, примета.

Отстоял службу. Молодой попик крестился щегольски, так, словно ордена себе на грудь привешивал. После я подошел к нему со своим вопросом, и он сразу начал наседавать на меня, чуть ли не ругать, словно я в чем провинился. Учить стал, хотя самому-то, может, лет двадцать семь всего. В Библии, мол, ничего на сей счет не сказано, это просто суеверия, которым поддаются одни глупцы...

Вскоре попик немного остыл, мы поговорили с ним уже спокойно. Оказался нормальный мужик, зовут Глеб, бывший военно-морской офицер. Просто к службе своей нынешней он относился не менее ревностно, чем к той, прошлой. Ценю таких людей. Только бы не разочаровался он опять...

Я сам не то чтобы потерял веру в какие-то светлые идеалы или убедился, что нами руководят подлецы. Нет. Просто за годы своей работы я сумел почувствовать: все люди, независимо от пола или возраста, желают друг другу смерти. Это, конечно, происходит не напрямую, но подспудно чувствуется постоянно: в том, например, какими бывают лица наилучших подруг, сидящих за аперитивом, едва одна из них отвернется чуть в сторону; в том, с какой мягкой улыбкой товарищ выслушает твой рассказ о достигнутых успехах; в проклятиях, которые начальник шлет своему подчиненному, завалившему, казалось бы, верное дело... Взгляните на мать, тискающую своего ребенка в шуточных объятиях. Что-то слишком крепки эти объятия. Малютка уже посинел. Вот мать испуганно вскрикивает, если малыш удалится от нее на опасное расстояние — мне тут ясно слышен восторг человека, заглянувшего за край пропасти. Влюбленный юноша часто представляет себе свою девушку лежащей в гробу, и тогда сердце его сладко замирает: как я буду без нее? С кем? А она — мечтающая надеть красивое черное платье на его похороны, поставить на могиле любимого изящный памятник с ангелочками и долго предаваться медовой скорби, потом уехать, безутешной, в дом отдыха и в первый же вечер познакомиться с кем-нибудь?..

Ну а сами-то вы, признайтесь, разве никогда не рисовали в своем воображении почувствованную, взволнованную речь на похоронах друга, не хотели спровадить его на тот свет раньше, чем сами туда попадете? Э, да что говорить! Я, разумеется, привык к этому порядку вещей, не собираюсь ничего менять, но не собираюсь и делать вид, будто мне все нравится. Я верю только в одно — в долг, который следует выполнять неукоснительно.

5.

...И ведь неплохой получился праздник! Коллеги поздравили меня, а начальство намекнуло: скоро предстоят большие перемены, повышение. Как же, ведь я ценный кадр. Понимаю, что незаменимых людей нет, но все-таки в нашей клинике я в какой-то степени незаменим. Иногда, конечно, за глаза и за углом слышится завистливое «жлоб», но обращать на это внимание — ниже моего достоинства.

Вначале, когда все уже расселись, главврач долго тискал мое плечо и шевелил растопыренными лепешками толстых губ, пытаюсь высказать нечто значительное, но, ужасно милый в этом речевом ступоре, он так ничего и не рожал, а лишь заглядывал мне в глаза и просительно улыбался. Ему, конечно, быстро помогли, подхватили, развили его несуществующую мысль, и в конце он добавил еще пару трогательных междометий, сразу почувствовав себя новым Цицероном. Он у нас настолько глуп, что считает себя умным человеком. Его нельзя не любить. В общем, я остался доволен.

Потом я ушел в отпуск и первую неделю просто лежал целыми днями в ванной, задавшись целью вытравить из себя вьевшийся до печенок больничный запах. Отключил телефон, чтобы, не дай Бог, начальству не взбрело в голову срочно вызвать меня на работу. На редкие и, видимо, случайные звонки дверь не открывал (а кто там мог быть? у меня нет друзей), пил минеральную воду, ничего не ел. Наконец, решил, что, пожалуй, неплохо бы куда-нибудь съездить.

Я включил телефон, и тут же раздался звонок — словно поджидал меня в засаде. Звонил коллега. Он собирался на юг и предлагал мне в полное распоряжение свою дачу на три недели с тем, чтобы я там за всем присмотрел и не дал местным деревенским жителям порушить хозяйство, растащить накопленные материальные ценности.

Поначалу я отказал, но, хорошенько обдумав предложение, уже через пятнадцать минут перезвонил коллеге и согласился. Погода стояла волшебная, тропическая; бесплатно и бесхлопотно в моем распоряжении оказывались несколько дней сельской тишины. Только тут я понял, что давно уже мечтал именно об этом.

6.

Коллега в подробностях изобразил мне дорогу, само строение и окружающий ландшафт. Я записал все приметы, сказал: «Хорошо, можешь ни о чем не беспокоиться», — и уже через день, набив сумку необходимыми вещами, отправился в путешествие.

Хотя я встал рано, чтобы не быть застигнутым жарой и не оказаться придавленным толпами пенсионеров, все же просчитался. Почти против воли меня внесло людской волной в нужный пригородный автобус и прижало к потной спине какой-то спортивного вида женщины с перехваченными резинкой пепельными волосами. Форточки на окнах заклинены раз и навсегда, люки в потолке тоже не открываются. Пошевелиться невозможно, сдвинуться в сторону некуда. Так я и стоял, почти неприлично колеблясь вместе с женщиной в такт автобусной качке.

Мне показалось, это не вызвало у женщины возражений. Пару раз она оборачивалась, чтобы искоса, словно бы невзначай взглянуть на мое лицо. И вскоре наши движения вперед-назад и вправо-влево стали удивительно согласованными, ритмичными. Видимо, я прошел фейс-контроль...

Как всякий дачный роман, и этот очень быстро закончился — женщина через несколько остановок вышла, напоследок тягуче и страстно одарив меня всем, что имелось у нее сзади. Ехать стало неинтересно.

Потихоньку-полегоньку, с кочки на кочку, с горки на горку добрались мы до места назначения. Автобус сделал тяжелый разворот и причалил возле заржавленной железной будки. Я сошел последним.

Номинально это еще считался город, но уклад жизни здесь соблюдался почти деревенский. В две стороны тянулась улица одноэтажных деревянных домов, пыльная дорога не асфальтирована, покосившиеся гнилые заборы наводили уныние и, как ни странно, одновременно несли в себе очарование, открытое лишь сердцу человека, родившегося в России.

Коллега объяснил мне, что от остановки следует двигаться налево, в сторону высокого кирпичного дома с красной крышей (далее следовал еще целый перечень примет). Похожий дом я обнаружил довольно быстро ...

Навстречу мне по пыльной деревенской дороге ехала на небольшом велосипеде девочка лет четырнадцати-пятнадцати в линялых голубых шортах из грубо обрезанных широких джинсов, сандалиях и легкой майке. Девочка или девушка? Судя по физическому развитию, хотя бы по той же самой пресловутой округлости форм, которую так любили упоминать великие писатели девятнадцатого века и плохие — двадцатого, это была молодая женщина. В то же время в лице ее проглядывало нечто такое наивное и простецкое, что становилось ясно: девочка еще не распрощалась с любимыми куклами. Я понимал, что этот велосипед — словно ненастоящий, эта поездка — всего лишь игра, и самое главное сейчас: ее высоко и радостно взлетающие колени, которым очень мешал руль, так что ноги приходилось даже несколько разводять в стороны. Самое главное — ее колени, трудолюбиво пахтающие воздух, словно на тренировке...

Девочка, проезжая мимо, внимательно посмотрела на меня. Рыжая, курносая, веснушчатая. В общем, довольно миленькая. Рот широкий... Да, миленькая, не более того. Мы разминулись.

Преодолев метров пятьсот, я вдруг понял, что не знаю, куда идти дальше. Верные приметы кончились. Меня окружала теперь сплошная «зеленка»; правда, сквозь листья проглядывали крыши дачных домиков, к которым ответвлялись дорожки. Слишком много дорожек. Слово подавая мне тревожный сигнал, возле самой дороги в железной бочке горели старые доски. Огонь рвался из железного горла печи к небу нетерпеливо и даже с каким-то остервенением. Слово там, наверху, он не рассеется бесполезным дымком, а вечно будет плясать и радостно хлопать в горячие ладоши...

Дорога пошла в гору. Это меня обрадовало, ибо соответствовало описанию. Правда, дорога теперь почему-то покрылась растительностью. Сначала свежая зеленая травка, потом огромные зонтичные пальмы борщевика и, наконец, густые ивовые побеги. Видно, здесь давно не ездили на машинах. Странно. И вдруг я уперся в глухой деревянный забор.

Пришлось возвращаться. На спуске меня охватила усталость, навалилось чувство бессмысленности происходящего. Я успел уже пропотеть, натер в паху, мои ботинки и брюки снизу покрыл густой слой дорожной пыли. Солнце поднималось все выше. А на даче у коллеги, помнится, есть колодец с чистой ледяной водой...

Я ступил два шага в сторону, сразу надежно затерявшись в кустах, и тяжело осел на какое-то трухлявое бревно. Благоденствие тень!.. Не думал, что так быстро устану. Я снял ботинки, носки и так сидел некоторое время, пошевеливая спекшимися пальцами. Это и есть цель твоего сегодняшнего путешествия?.. Выпил захваченную из дому бутылку пива, достал книжку. Фиксировать недавнее прошлое стало для меня уже навязчивой потребностью.

7.

Я поднял голову и посмотрел в небо. Там не было ничего, кроме широко растянутого, выгоревшего до бесцветности ситца. Победитель бросил на нас сверху старый пыльный флаг, и мы тонем и задыхаемся в его тяжелых складках, без всякой надежды выпутаться.

Жарит — наверное, к грозе. Хорошо бы до нее найти какой-нибудь дом, крышу над головой. .. С дороги донеслась хрипая музыка, а потом голоса — мужской и детский.

— Пап, а мы когда уже придем?

— Скоро, сын. Потерпи немного.

— Я пить хочу.

— Вот придем — и напьемся вволю. А сейчас воды у нас нет.

Родитель, видимо, крутил ручку настройки радио, скользя с одной частоты на другую. Прием везде был неважный.

— Пап, смотри — забор.

— Вижу, сын. Куда же мы это с тобой зашли? Куда-то не туда.

— Пойдем назад?

— Сейчас. Надо подумать.

Скольжение по радиоволнам продолжалось. И тут на косогоре кнутом ударил Джеймс Ласт, его одинокий пастух погнав своих коров, а громкость приемника сразу увеличилась до предела. И я подумал: да, пусть не удалось быстро прийти к цели, и неизвестно, удастся ли вообще прийти. Но я здесь. И значит, могу быть где угодно, присутствовать во всех мыслимых местах.

Торопиться смешно. Желать ускорения времени глупо. Время на самом деле есть один очень сильно растянутый момент существования. И нет ни прошлого, ни будущего, а ты существуешь всегда, пока существуешь. Да, мир довольно равнодушен ко мне и ко всем вообще людям, но он равнодушен не зло. И ждет от меня и ото всех вообще только

одного — действия! Это и есть наш долг. Мне даже отчего-то хотелось заплакать, хоть я и понимал, что все это чрезвычайно глупо. Да... Так и в самом деле из врачей можно в пастухи уйти.

Наконец флейты и трубы отвыли, отстонали и принялись утирать свои слезы очередным клочком гигиенической рекламы.

— Ну как, сын, понравилась тебе эта музыка?

— Ага, красивая. Пап, теперь мы пойдем нашу дачу искать?

— Конечно. А смотри, как здесь, на горке, хорошо. И видно далеко...

В самом деле — далеко, красиво... Неожиданно я совсем успокоился и почувствовал себя гораздо лучше.

— Пап, ну я пить хочу!

— Идем, идем. Я, кажется, понял, где мы свернули не туда. Не бойся, через пятнадцать минут будем дома.

Я почти физически почувствовал руку, властно вмешавшуюся в события; рука эта нарушила мои планы, она повела меня к какой-то неведомой цели, и не подчиниться сейчас этому диктату невозможно.

Мне показалось, что стоит только пойти за этими двумя ребятами и я тоже скоро отыщу «свою» дачу. Я выждал пару минут, натянул ботинки и осторожно вышел из кустов. Две небольшие фигурки удалились уже на порядочное расстояние. Я двинулся следом.

Вскоре отец с сыном свернули возле малоприметной развилки. Когда я добрался до нее, то опять увидел рыжую девочку на велосипеде, мчавшуюся мне навстречу. Снова она внимательно, как-то выжидающе осмотрела меня. И повернула в ту же сторону, что и мои проводники. Это меня немного озадачило. Идти вслед за ней? Но я собирался вовсе не за ней, а за теми двумя... Впрочем, дорога общая. Я решительно свернул...

Ну, вроде бы нашел. Вот он, щитовой летний дом светло-зеленого цвета, три его окна, пристроенная терраса... Правда, цвет дома скорее светло-синий. Зато калитка закрыта только на вертушку. Все верно. Я открыл калитку и шагнул на участок.

Никаких насаждений, за исключением трех старых корявых яблонь, сильно запущенных и, видимо, бесплодных. Участок давно не кошен, я едва смог пройти к крыльцу. К счастью, дверь охранялась лишь откидным гвоздиком. Слава Богу, есть крыша над головой. Теперь гроза не страшна.

8.

Я бросил сумку на пыльный красный диван и пошел искать колодец.

Колодец, ворот, цепь... а ведра на цепи не оказалось. Может, в доме. Нет, в доме вообще почти ничего не было, только голые стены, диван, стол и два разошедшихся деревянных стула при нем. На столе несколько запыленных стаканов. Зато очень много свободного места в этом пыльном и светлом строении. Я побродил по комнате, посидел в кресле на веранде. Свет бил в окна. Хорошее место для человека, которому нечего скрывать.

Я вернулся к колодцу и опять бесцельно заглянул туда, словно это могло помочь. Дрожащее, живое окно глубоко в земле. Черное, яркое, как нефть. И оттуда, снизу, я гляжу — маленький, смутный, — безмятежно опершись локтями о подоконник. Капля со лба вниз сорвалась, тут же исказив всю картину мира: лоб у меня, того, который внизу, стал вдруг вытягиваться вверх и в сторону, активно прибавляя в уме, а потом резко метнулся обратно, отбросив меня во времена неандертальцев. Придется просить ведро у соседей, ввязываться в ненужный контакт.

Продравшись через траву, я подошел к низенькому заборчику, разделявшему участки, и моему взору предстала следующая картина. Мужик, наверняка порядочно пьяный, хра-

пел под навесом в кресле-качалке, далеко откатнувшись назад и запрокинув голову. Его ноги в плетеных шлепанцах торчали выше носа. Правая рука с синей наколкой свешивалась до полу и упиралась в доски веранды костяшками пальцев. Рядом стояла пивная бутылка, почти пустая.

Его, очевидно, жена — кудрявая, лет тридцати пяти, в чрезвычайно открытом купальнике — неумело ковырялась лопатой в грядке. Третьей была девочка-велосипедистка. Она сидела на своем железном жеребенке, одной ногой упираясь в крыльцо, другая ее нога покоилась на педали, готовая, в случае чего, резко надавить. Девочка первая заметила, что я подошел к забору.

— Ма-ам! — хмуро протянула она и кивнула распрямившейся женщине в мою сторону. Женщина обернулась и ойкнула, проведя ладонями по своим голым ягодицам.

— Здравствуйте,— сказал я как мог приветливо.— У вас ведро можно попросить на десять минут?

— Ведерко? — переспросила женщина каким-то ласково-испуганным тоном и тут же метнулась к дому, но с полдороги вернулась и, просительно кивая в такт своим словам, предложила: — Вам водички достать, да? А может, вы пивка хотите? У нас есть пивко холодное!

— Не откажусь.

— Я сейчас!

Она снова метнулась к дому.

Вот это дрессировка! Ее муж был достоин восхищения и самых добрых слов.

— Васенька, вставай, к нам сосед приехал! — донеслось с веранды.

Но Васенька вставать и не подумал, даже глаз не открыл, он лишь поднял руку с пола и почесал нос, а потом опять вяло уронил конечность на прежнее место. Вожак стаи на отдыхе.

Я стоял возле забора и от нечего делать мял в руках бархатный смородиновый лист. Девочка по-прежнему сидела на велосипеде и рассматривала меня в упор. Как расстреливала.

9.

Женщина принесла почти до краев наполненный высокий бокал.

— Вот, пожалуйста!

— Спасибо.

Я медленно тянул пиво и интеллигентно общался с соседкой через забор.

— Давненько вас не было, — сказала женщина.

Что бы это ни значило, я кивнул головой и сделал хороший глоток. У женщины была привычка — после каждой произнесенной фразы она первая начинала смеяться: «хня-хня-хня!..» Как-то в нос. Отвратительно и в то же время возбуждающе.

— Будете сегодня ночевать?

— Скорее всего — да,— сказал я, отдышавшись.— Если, конечно, у вас найдется еще пиво...

— Ой! — она снова всплеснула руками. — У нас его столько!.. Васенька запасся!

— Отпуск? — спросил я понимающе.

— Да, маемся тут уже почти три недели. Скучно... никого рядом нет, одни старички... но Васенька говорит: погода-то какая — грех в городе сидеть... по полдня на пляже валяемся... вот вы приехали — может, повеселее будет. Оставайтесь, вечером костерок разведем, шашлычки жарить будем... как вас?..

— Борис.

— А я Валентина, очень приятно. Можно просто Валя. Мужа моего Вася зовут, а дочка — Илона, Илоночка... А ваша семья где?

— Я один, — сказал я. — И давно вы купили эту дачу?

— А мы ее не покупали. Арендуем на время отпуска...

Все мне стало ясно. Ну что ж, сосед так сосед.

— Валя, спасибо вам огромное. Просто спасли меня, правда. Это я вам как врач говорю. Но только все равно хочу попросить ведро на пять минут. Вода ведь может понадобиться — сами понимаете...

— Да, да...

Я прицепил ведро к цепи и раскрутил ворот. Вода оказалась действительно замечательной на вкус, как и расхваливал коллега. Я перемыл стаканы, наполнил две пластиковые бутылки.

Отдохнул часок с дороги. На старом диване спалось отлично. Никто не мешал. Потом опять мучил записную книжку. Пристала она ко мне, словно зараза. Наверное, ничего нет смешнее и печальнее человека, к старости впадающего в графоманию... И тут в окно ко мне постучали. Валентина.

— Можно?

В тот момент я был меньше всего расположен принимать гостей, но куда денешься — пиво пил, ведром пользовался. Натянул простыню до пояса, поскольку спал голым.

— Да-да, войдите.

Она была все в том же купальнике и босиком. О, дача отменяет многие условности! Вот если бы она пришла ко мне в таком виде в городскую квартиру... Я удобно лежал на диване, пристроив сбоку записную книжку.

— А я вам еще пивка принесла.

— Вот спасибо! Очень кстати. Вы извините, разморило меня сегодня с дороги...

Чувствовал я себя пошлым деревенским барином. Говорил этак лениво, словно с прислугой. Халата с кистями только и не хватало.

— Да, конечно! Ведь сейчас самое жаркое время дня! Отдыхайте. Я тут просто посижу, ладно? Я совсем не буду мешать!

— Пожалуйста.

Валентина открыла пиво и подала мне бутылку, а потом опустила свои сочные ягодички на пыльный стул, положила руки на колени. Я против воли почувствовал возбуждение. Здорово все-таки отдрессировал ее муженек!

Я медленно тянул пиво и перелистывал книжку, на страницах которой, кстати, шла речь о Валентине, сидевшей тут же рядом. Да, время не бывает прошедшим или будущим, оно всегда едино и неделимо.

— Пустовато тут, — сказала Валентина. — Места много.

— Не люблю я помещение загромождать. Красиво, когда свободно.

— Я вот тоже у себя дома все хочу старую мебель выбросить, а жалко. Да и Васенька против...

Мы помолчали несколько минут. У меня было занятие, и я, спокойно перелистывая книжку, ждал, когда же Валентина откроет свои карты. Первым начинать не хотелось.

— Борис, а где вы работаете?

— В поликлинике. Я врач.

— Вы говорили, что врач, но я думала: шутите просто... Вот повезло. Знаете, у меня...

Ну, кажется, нашли благодатную тему для беседы. Сейчас я узнаю о ее болячках. Начнется бесплатная женская консультация на дому.

— ...дочка себя очень странно ведет. Не слушается. Слова говорит какие-то... ужасные.

— Вообще-то, знаете, я не психолог. Но... сколько ей лет? Пятнадцать? Шестнадцать?

— Семнадцатый уже.

Я понимающе кивнул.

— Семнадцатый годок. Ничего удивительного. Возраст такой. Это пройдет. Надо только взять себя в руки, потерпеть... и не выпускать ее из виду. Вот это очень важно — не выпускать из виду, чтобы, не дай Бог, чего-то не случилось, — скучным голосом усталого лектора я произносил принятые в таких случаях банальности.

— Ну а если... уже случилось? Что тогда делать?

— Что вы имеете в виду?

— Вдруг она... беременна?

Я только руками развел.

— Тут уж я вам не советчик. Решайте сами. С ней поговорите.

— Да с нами она говорить не хочет! Вот, может быть, вы...

Я решительно поставил бутылку с пивом на пол и подтянул колени к груди.

— Валя, я ведь совершенно случайный человек. Сегодня здесь, а завтра... Почему вы думаете, что я смогу чем-то помочь? Почему думаете, что она станет говорить со мной?

Валентина вскочила и быстро прошлась по комнате, взволнованно потряхивая кудряшками.

— Ну, все равно ведь вы понимаете больше! Я не хочу обращаться к психиатрам... мне бы предварительную консультацию получить от умного человека. Поговорите с ней, я о большем и не прошу! Я должна знать, что мне делать. Или это действительно переходный возраст... или что другое... А уж я так отблагодарю!

Мое возбуждение при этих словах достигло высшей точки. Надо было срочно что-то делать. Рискнуть?

— Валя... вы не могли бы мне помочь? — сказал я сквозь зубы. — Мне очень неловко, но...

Лишь секунду она смотрела на меня вопросительно, а потом подошла и опустилась на колени возле дивана, мазнув взглядом по окнам — нет ли там кого. Сунула руку под простыню. Так буднично, словно я попросил в долг сто рублей до полочки и она дала, не задумываясь. Правда, улыбалась слегка фальшиво, словно медсестра у койки больного старика. Но с какой стати ей было радоваться?

...Потом она тщательно вытерла пальцы о простыню, легко поднялась с колен и деловито:

— Так я на вас рассчитываю?

— Да... конечно...

Теперь куда же денешься.

Здесь, разумеется, не было никакой измены Васеньке с ее стороны. Я до Валентины и пальцем не дотронулся, все произошло настолько быстро и естественно... Но теперь получалось, что я взял на себя малоприятные обязательства, влез все-таки в ненужный контакт. Впрочем, ладно, что тут особенного: поговорить с подростком.

Я остался один. Отдохну еще немного и пойду ополоснусь. Видел тут неподалеку личный ручей с запрудой.

10.

Около запруды купались дети, и в самом глубоком месте небольшого омута двенадцатилетний мальчик скрывался «с ручками». Я отошел от детей подальше, к самодельной плотине, через которую вода падала широким прозрачным полотном, и стал намыливаться. Потом лег под прозрачный душ. Вот где было привольно! Отсюда никуда не хотелось уходить.

Дети очень скоро выбрались из воды и убежали. Я повернулся на спину, лег на мелководье, так что над водой оставалось лишь лицо, и задремал. И как не задремать, если в ушах стоял легкий металлический звон воды, а солнце не позволяло открыть глаза. Снилось мне быстрая и нелепая чертовщина, которая обычно и видится усталому человеку, задремавшему посреди дня.

Проснулся оттого, что привычный звук окружающего пространства изменился. Я был уже не один, кто-то шлепал по мелководью рядом со мной.

Неподалеку по щиколотку в воде бродила рыжая Илона в тех же майке и шортах. Своими длинными кузнечиковыми ногами она чертила на поверхности воды быстро исчезающие круги и овалы. А может, буквы. Водяные знаки. Она еще и стопу вытягивала, и пальцем большим доставала уж не знаю как далеко. Будто писала кому-то капризное, с закидонами, письмо. И буквы эти, письма, подхватывало течение.

Я встал, плеснул в лицо несколько горстей воды и вышел на берег. Растер полотенцем лицо, а потом и все тело и вскоре немного очнулся, опаматовался. Полуденный сон был тяжек и долго не хотел ослаблять своей хватки.

Илона дописала письмо и тоже вышла на берег.

— Закурить не найдется?

Голос густой, не детский и не женский.словно совсем другой человек сидел в ней — старик, много повидавший на своем веку, уже мало чего боящийся и бесстыдный.

Я покачал головой.

— Что, здоровье бережете?

Я не ответил, продолжая растирать ноги. Замерз порядочно. Вода в ручье была не такая уж теплая, да еще и течение...

Она сбросила на траву возле моих вещей майку, потом шорты. Провела ладонями по длинным бокам, привстала на цыпочки, вытянулась вся вверх, вверх... Рыжие волосы упали на спину. Огненные кольца на подкопченных ребрышках... кожа тонкой выделки, испещрена пригоршнями ярких веснушек, словно стразами...

Дева и ящер.

Я начал собирать вещи в пакет. Илона стояла рядом. Она молчала, и лицо ее выражало только презрение, но тело словно кричало в открытую: «Куда же ты идешь? Зачем тебе идти куда-то туда, когда я — смотри, какая! — здесь?»

— Не знаешь, тут где-нибудь есть водоем поприличнее? — спросил я напоследок.

— Да есть озеро одно... — неохотно и хрипло, врасстяжку.

— Далеко?

— Нет. Только там вода холодная. Озеро-то бездонное.

— Да ну! Покажешь?

— Ладно. Слушай, а ты правда доктор? — спросила она меня уже в спину.

— И что дальше? — Я чуть задержался.

— Я тест на беременность делала — там палочка такая... там две полоски. Значит, я правда?..

— Да, — хмуро сказал я через плечо. Почему-то мне было неприятно слышать об этом.

— Блин! Дак я же еще ни с кем... то есть я никому не...

Я быстро прервал, не желая слушать:

— Значит, одно из двух: ветром надуло или случилось непорочное зачатие.

— Непорочное? Это как?.. И че мне делать-то теперь?

— Да че хочешь. А после обеда отведи меня на это озеро. Хочу посмотреть.

— Ладно, — сказала она.

На том мы и расстались.

11.

Знаю, Он — там.

Миновало уже несколько дней с тех легендарных, трогательных, невинных времен, когда я делал последнюю запись в книжке. А ведь ничто не предвещало... Думал ли я

когда-нибудь?.. Судьба, оказывается, сорок лет вела меня к бездонному озеру, водила-водила по пустыням людским и вывела в эту реликтовую болотистую местность. А тут я брошен был, словно щенок за борт лодки. Хочешь жить дальше — плыви. Хочешь жить вечно — плыви, зараза!.. Плыву, Господи, изо всех сил гребу, барахтаюсь.

Если по порядку.. Озеро было небольшое, метров семьдесят в поперечнике, почти круглое. Одна-единственная тропинка вела через болото к маленькому деревянному мосточку, который просто лежал на воде. Когда я встал на него, он наполовину утонул. Не мосток вовсе, а плот — сваи в болотину без толку втыкать... Чахлые тростники под ветром нагибаются чутко: все разом, все вдруг, как толпа людей, внимающих своему вождю, что неистовствует на трибуне. По другую сторону открытой воды — вновь болото. И дальше только кусты, кусты и над ними сразу небо, ветер, и больше уж нет ничего.

А вода в озере как темна! Мои босые ноги, на плоту по щиколотку ею скрытые, приобрели болезненно-желтоватый цвет. Я пошевелил пальцами. Мимо них, жадно загребая мохнатыми лапами, стремительно пролетел огромный жирный плавунец. Истребитель! Нырнул в глубину — и нет его! Через секунду, отсидевшись, пошел обратно вверх. Казалось, атакует меня, словно камикадзе, словно разлапистая крылатая ракета... но легко свернул в сторону и под плот. Вода, хоть и темная, а прозрачная.

Тут только я понял, что берегов у этого озера нет, безбрежное оно, и глубина началась здесь прямо и отвесно. Я сел на плоту, чтобы не прыгать сразу дуриком: привыкнуть к озеру и дать ему привыкнуть к себе. И все смотрел в темную воду за краем доски.

Никакой живности, кроме того плавунца. Лягушек нет, водомеров даже нет. И утки, наверное, не садятся, делать им тут нечего...

Поверхность воды рябится, хмурится под ветром. Да, место открытое, продуваемое. Холодно. И вода совсем не та, что в ручье. Я опустил ногу за край доски, болтанул ею там, в плотном теле озера, — лед!

Ау!.. это что еще такое?! Кто-то укусил меня за ляжку. Подскочив на плоту, я увидел, как от меня отваливается огромный жук-плавунец. Он тут, сволочь, в засаде сидел, охотился на меня! Хотел я затоптать его на досках, но он легко обрулил мои ступни и мигом ушел во тьму.

Не знал, что плавунцы кусаются. Теперь и не присядешь — хозяин объявился. Впрочем, я сюда не для того пришел... Быстро лег на живот, оттолкнулся от досок руками и, словно крейсер из дока, вышел на оперативный простор. Старался не взбалтывать воду, не перемешивать ее зря. Ведь мне тем же путем возвращаться.

Раздвигая шейю ветровую рябь, скользил над дырой в земле. Какая тут, в самом деле, высота? Страшно... Да нет, удивительно — летать теперь умею. Добрался до середины, легко перевернулся на спину. Небо, нависая, придвигаясь все ближе, смотрело на меня с каким-то ожиданием, хмурило перистые свои брови, в которых прятался единственный красный и пьяный глаз. Небо, старый слепой циклоп, чего тебе надо от меня?..

Задержав дыхание, опустил лицо в воду. Раскинул руки. Вода внизу прозрачная и темная. Надо мной солнечное сияние, подо мной тьма. Я на границе. Моя крестообразная тень, очень четко обрисованная, уходит вниз и быстро растворяется, сливаясь с одной общей темнотой. Лежу так, сколько хватает дыхания. Потом поднимаю лицо из воды, делаю несколько глубоких вдохов. Как хорошо! Подо мной — ничего, надо мной — ничего. Опустить лицо в воду, висеть бесчувственно и не знаешь точно, сам ты есть ли, нет... Вот опустил голову — и не знаю... Лишь крестообразная тень вниз упорно стремится. А вдруг там и правда дна нет и эта древняя скважина ведет в иные миры?..

Провисел так, наверное, с полминуты. Тут все и произошло.

12.

Там, в глубине, во тьме — зрак распахнулся! Зеленый, фосфорный, огромный зрачок вертикальный змеиный задрожал! И ко мне — ко мне быстро стал приближаться, стремительно увеличиваясь в размерах! И плотная темная вода от этого быстрого движения-приближения больно толкнула меня в живот!

Я закричал туда, вниз, забыв обо всем, пузыри рванулись вдоль моего лица, ослепляя и оглушая. Руки окаменели. Но только я опять этот зрак увидел, перестав кричать — а воздуха больше и не было совсем, — как в мое тело влилась могучая пружина, каждую мышцу сделав стальной. И я полетел над водой, словно полузабытый «Метеор» моего детства. На подводных крыльях шел уверенно, мощно. Плавающий мостик перелетел, не заметив. Только на берегу, в болоте, в травянистой теплой луже, понял, что больше нет смысла плыть, а пора бежать ногами. Оглянулся, прежде чем покинуть это место навсегда, и еще увидеть успел, как там, на середине, вода вздыбилась темной сверкающей горой и опять улеглась. Осталось лишь гладкое пятно посреди мертвой озерной ряби, а волны разбежались в стороны и умерли, да пузырь огромный лопнул напоследок.

Я побежал, не разбирая дороги. У меня было солнечное затмение, вот что это было такое!..

Ветки хлещут по лицу, хвойные и лиственные. Я бегу быстро и уверенно. Дороги нет, но она мне ни к чему. Тело пробивает кустарник, ноги не замечают кочек и коряг, унося меня прочь от проклятого места. Я уже и далеко. Вот болотина кончилась, бегу по пыльной летней дороге, проселочной дороге. Миновал забор. Ноги мои грязны. Кто омоет мне их, Господи?.. Мимо едет автомобиль, оттуда люди смотрят удивленно — люди, которые ничего в своей жизни не знают... Как медленно они двигаются и думают!

Сворачиваю к «своей» даче. Красный глаз в небе пропал. Да и вокруг все переменялось: тени бегут по земле, обгоняют меня, поднялся шум и треск, листья стонут, ветки ломаются, в грудь ударил сильный порыв ветра. А потом лицо начал сечь тугой дождь. Прикрываю глаза руками, бегу уже из последних сил. Вот... последний поворот.

На размокшей земле меня заносит, продолжаю скользить уже по траве, спиной вперед. Ослепительная молния бьет совсем рядом! Ноги на что-то натываются, отрываюсь, лечу, словно прыгун, преодолевающий планку немыслимой высоты. Плыть долго. Потом падаю, затылком найдя в траве твердую, неподатливую вещь. Простое поле-но мгновенно выключает мое сознание и все, что вокруг, — уверенная точка в долгом сложносочиненном предложении. Но я еще успеваю услышать первый страшный раскат грома.

13.

Гроза тогда налетела жуткая. Валентина, углядевшая меня возле домика, рассказывала, что в первую минуту ей показалось, будто в меня попала молния. Вместе с Василием они затащили меня к себе, нахлопали по щекам, сунули в нос нашатырь, кое-как привели в чувство. Я долго не понимал, где нахожусь, что вообще происходит. Наконец вспомнил и затрясся.

— Вася, налей ему водки, — приказала Валентина.

Я проглотил стакан жидкости, почти и не заметив, но это простейшее средство очень скоро начало действовать. И дрожь унялась, и мышцы перенапряженные стали понемногу расслабляться, так что я почувствовал во всем теле адскую боль — впрочем, ненадол-

го. Помог второй стакан. Потянуло в сон, и мои добрые соседи, спасители мои, оставили меня, заботливо прикрыв простынкой. А я опять полетел. И где уж там летал пару-тройку часов, не ведаю. Только вдруг подскочил на кровати, весь в поту, со встрепанными волосами, колотящимся сердцем, — и один только вопрос выкрикнул в пространство:

— А где она? Девчонка где?!

Почему, зачем? И что привиделось мне там, в иных пересечениях? Слава Богу, соседи не слышали. Валя и Вася прибежали с грядок, захопотали — вот удивительно, зачем я им сдался?.. За окном снова было солнце, но уже закатное, с улицы тянуло дымом костра и жареным мясом.

— Где Илона? — спросил я нетерпеливо.

— Куда-то уехала. Любит на велике гонять, — равнодушно пожал плечами Василий. — Хорошее дело — польза организму. Растет девка.

— Потом, потом, — Валя мотнула кудряшками. — Сегодня вам с ней уже не надо разговаривать. Сегодня мы все отдыхать будем.

— Ладно, — прохрипел я. Откашлялся. — Ладно.

— А что с тобой случилось? — спросил некстати Василий, но был уязвлен жениным локтем в бок. Видно, к вечеру, к ночи роли супругов начинали меняться, Лилит брала верх над Адамом.

Я с трудом вылез из дома, кутаясь в какую-то старую тряпку, уселся возле соседского костра.

К вечеру посвежело. Отгремевшая гроза и дождь унесли нас своими обильными водами из середины лета назад, в конец весны. Но мне сейчас того и надо было — это лучше, чем июльская духота и пыль. Я чувствовал себя неважно: старым, больным, беспомощным. Отвратительно. Или дальше водку пить, или прекращать все это как можно быстрее.

Ни в чем, ни в чем на свете нету смысла!..

Мне показалось, я забыл что-то очень важное — то, что понял, вися над кромешной бездной, когда в глубине ее распахнулся зеленый змеиный зрак. Тогда знал это что-то, а сейчас, после полена и водки, напрочь забыл. Память глиняная.

14.

Соседи готовили шашлык так целеустремленно и трепетно, словно это же самое не случилось у них здесь каждый вечер, а происходило впервые. Но к тому времени, когда мясо поспело, Васенька уже был бесчувствен и возлежал на кресле-качалке в любимой своей позе: ноги выше головы, руки разбросаны в стороны по всей веранде. Мы с Валентиной остались вдвоем. Девочка по-прежнему каталась неизвестно где.

Меня удивляло спокойствие Валентины. То она переживает за моральный облик дочери, привлекает к этому делу в качестве эксперта случайного заезжего доктора, а то не торопится загнать девочку домой на ночь глядя.

— Илоны долго нет, — уронил я, пытаюсь удержаться на чурбачке: свергнутый император по-прежнему кутался в какую-то драную тогу и следил за пляской огня на углях.

— Вы ешьте, ешьте, — Валентина подложила мне на тарелку еще мяса. — Илона на танцы ездит в местную школу. Дискотека до одиннадцати, потом провозажаются.

— Не боитесь? Все-таки скоро ночь...

— Нет, здесь хорошие мальчишки, спокойные. Мы их видели, знаем.

Я представил себе, что происходит после дискотеки в ближайших к деревенскому клубу кустах... Мотнул головой и стал сосредоточенно пережевывать кусок мяса с кетчупом. Мое какое дело. О другом думать надо: завтра пораньше убраться отсюда, пока все спят. Это соседство не по-хорошему затягивало меня. К тому же...

— Давайте, Боря, выпьем на брудершафт!

Тут только я заметил, что давно стемнело, а Валентина по-прежнему как ходила днем в своем почти отсутствующем купальнике, так и сейчас. Наклонилась плеснуть водки мне в стакан: груди качнулись заманчиво, выпукло в мерцающем свете костра; каждая — словно язык медного колокола, в который звонить и звонить. Интересно, Васенька каждый вечер так нажирается?.. Экое тело пропадает зря! Соскучилось по ласке...

Мы переплелись локтями, выпили, поцеловались влажно. Мне виден был только ее правый глаз, блестящий жарко и пьяновато. Поцелуй перешел стадию дружеской невинности, и зрачок Валентины подернулся легкой сизой дымкой: катаракта страсти в начальной стадии.

— Ты, — сказал я ей.

— Ты, — сказала мне она. Оглянулась на веранду, откуда доносился мощный Васин храп. — Хочешь еще?..

Не составило никакого труда догадаться, о чем она говорит. Я по-хозяйски запустил руку ей в лифчик.

15.

Опустошенный, но в то же время полный сил и планов, я двигался к озеру, небрежно посвечивая на дорогу фонарем. Впрочем, луница в небе круглая скалилась еще ярче, ухмылялась злорадно. Иди, мол, иди, дружок...

Плевать на эти бледные ухмылки! Я чувствовал себя прекрасно: только что женщина доставила мне удовольствие, и теперь, как положено настоящему мужику, я шел на охоту... нет, на рыбалку... в общем, приключений искать. А может, мне суждено вступить в смертельную схватку с мировым злом и выйти из нее победителем?! Водка гнала меня, бесстрашного, вперед.

Захлюпало под ногами! Размытый круг света по-обезьяньи прыгал впереди с кочки на кочку. Тьма по сторонам сгущалась, но тропа знакомая. Вон прогал, где я сегодня днем осторожно лез к плавучему мостку. Не больше метров тридцати осталось. Луна светила все ярче.

Наконец нога ощутила зыбкий деревянный настил. Я утвердился на нем, как мог, — в стороны по мертвой глади озера разбежалась мелкая волна. Камыш закланялся обрадованно, словно хитрый китаец, умышляющий недоброе. Луч фонаря облапал тьму. Пусто.

Я подошел к краю плота и заглянул в бездну, направил туда луч фонаря. Зверь был? Был. Нет его? Нет. Но он явится? И как только я об этом подумал...

Справа от меня, там, где только что ничего не было — словно не на берегу маленького озерца я находился, а плыл, как жалкая щепка, в открытом бурном море, — открылась кулиса, и Он появился вдруг во всей своей красе. Бесшумно и в полный рост. Луница засияла безумно, прямо прожектор ударил сверху, чтоб я все лучше видел, и фонарик у меня в руке на время сделался ненужным.

Ждал Он меня, ждал.

Вот багряная башка Его нависает надо мною этакой бородатой кувалдой... Нет, огромным сапожным молотком с двумя загнутыми рогами... Острые костяные выросты по бокам мощных челюстей — дерни он слегка шеей и располовинит меня, даже не заметив... Глаза Его сияют зеленым неонам; если бы не их величина, не вертикальный щелеобразный зрачок — совершенно человечески глаза, осмысленные. Под белыми шелковыми бровками глаза древнего старика. Мудрые, холодные, безжалостные... Раздвоенный ядовитый язык выстреливает меж клыков. В нескольких сантиметрах от моего лица... Словно ощупывает так, не прикасаясь, обнюхивает, пробует... Я тоже принялся. От

Него исходил тонкий аромат ландыша. А сами клыки — сталактиты и сталагмиты в пещере, подсвеченной изнутри, из зева, темным вулканическим пламенем.

На Его верблюжьем островерхом горбе с закрытыми глазами, в экстазе восседала нагая Дева... Шкура Его покрыта мелкой багряной чешуей, а раскраска — непонятные рисунки, иероглифы ли. И из-под каждой чешуйки сочится даже на вид клейкая жидкость, так что Дева перемазана вся с головы до ног...

Тело у Него змеиное, а по бокам мощные, словно у кузнечика, лапы. Э, да Он, пожалуй, и по земле бегать умеет лучше страуса. Нет, от Него спасения не будет! В ответ Он медленно кивнул. Прочитать мои жалкие мыслишки — разве это для Него сложно... И, словно ставя точку, Он ударил по озеру хвостом, расчленил, разрезал его пополам, так что в воде образовалась длинная траншея, и через миг смачно схлопнулась. Яростные волны ринулись от этого места в стороны, и мой хлипкий плотик отбросило на берег.

Он посунулся башкой ко мне ближе, и по Его могучей шее, как по эскалатору, в мои испуганные объятия осторожно соскользнула Дева. Вся еще безмозглая и словно стеклянная, от наркоза не отошедшая, хрупкая, пальцем ткни — упадет, разобьется. Доверил... доверил.

Он подал голос: рокотнул нежно за ее спиной, потом чуть громче и басовитей. Мягко толкнул Деву в упругую попу. Ясно. Время нам уходить. Он какое-то свое дело сделал. Теперь я должен что-то?..

Он напоследок глянул мне в глаза — и одним мгновенным неуловимым движением развернулся и ушел в воду. На сей раз ни волн, ни плеска самомалейшего не было, громадина исчезла в бездне беззвучно, только слегка шлепнула в сторону стрела на конце длинного хвоста: еще одно, последнее напоминание — тебе ничего не приснилось! Иди и действуй! Иначе... По темной воде прошла мощная дрожь, придушенный утробный рев раздался, и два неоновых фонаря возникли на середине озера, вспыхнули фосфорно еще раз — и устремились вглубь, медленно там угасая.

Доверил мне, почти не сомневаясь. За что же так?.. Но ведь и я уверен был: не сожрет. Внутри себя, подспудно, ни капельки этого не боялся. Словно пришел в гости к доброму старому знакомцу...

Взял Илону за плечи, слегка потряс:

— Ну, ну, девочка моя, очнись,— сам-то еще толком не очнувшись.

Она медленно разлепила глаза. Лицо, рыжие волосы вымазаны слизью зверя, из носу течет... Чуть не упала, я удержал. Где ее одежда? Не пришла ведь она сюда совсем без ничего?

— Слышишь, Илона?

Тут только вспомнил про фонарь — уже несколько минут, позабытый и бесполезный, он лежал у меня в кармане. Щелкнул кнопкой, пошарил лучом по кустам. Ага, аккуратненький целлофановый пакетик на ветке — штаны, майка, полотенце. Умница! Только знает ли она, умница, что случается здесь, на озере, каждый раз, как она приходит купаться ночью? Вряд ли, судя по ее теперешнему состоянию.

Вот, значит, от кого она беременна.

Обтер ее полотенцем с головы до ног, отчистил, сколько можно. Она не помогала, но, спасибо, и не сопротивлялась. Кое-как на ногах держалась уже. Надел на нее длинную, по колено, майку. Видел бы эту картину ее папаша... Я взял Илону за руку, повлек через хляби к твердой земле.

16.

Остается рассказать самую малость. Илона вернулась в дом к своим родителям — уже в здравом уме, но при несколько замутненной памяти,— а я в свой. Кажется, она так и не

поняла, что же мы делали вдвоем посреди реликтовых болот. Видимо, о существовании зверя она и не подозревала. А может, истолковала всю эту историю превратно; во всяком случае, она снова начала одаривать меня вздорными, высокомерными, глупейшими взглядами. Спасибо — молчала.

Проще всего в такой ситуации: уходить, бежать как можно дальше. И пускай сами тут разбираются. Но дело-то в чем... ее ведь мне Он доверил... Он сам. И я теперь понимаю, точно знаю, чего Он хотел.

Нужно Ему было, чтоб я за ней приглядел, не давал в обиду, стал другом, наставником. Кем-то вроде телохранителя... да, именно телохранителя. В теле-то девичьем пребывал сейчас Его отпрыск.

Может, жениться на Илоне для полноты картины? Буду как старый Иосиф... все на выворот. А подойдет ей время рожать — кто появится на свет в результате этого чудовищного соития? К такому исходу я был подготовлен всей предыдущей жизнью. Допрыгался, козлик, доигрался... Я должен стать лжепророком, предтечей этого зверя из бездны? Не того зверя, который в бездне, а того, кто должен явиться в результате полупорочного... нет! сверхпорочного зачатия на озере. Тот ящер сожрать только тело может — этот же, я чувствую, будет души пожирать без остатка. Но папа его уже твердо знал, к кому обратиться и кого выбрать на роль помощника, друга сердешного.

Я сам поражен был, до чего просто и естественно согласился принять предложенное. Я — как сбившийся компас, уверенно показывающий не то направление. Попадаешь в место, где под ногами много железа — например, когда-то здесь упал древний метеорит, — и без зазрения совести начинаешь действовать вкривь и вкось, а уверен при этом, что так и надо, что так хорошо.

Наверное, внешне человек более всего открыт для соглашения со злом, а не с добром. Примером здесь послужит тот момент, когда Гламисский тан Кавдорским таном стал. И вот нам кажется, будто оно, зло, все время побеждает. Но это лишь первое инстинктивное движение человека. Ему полностью нельзя верить. Ибо человек слаб, и в том-то и его спасение.

Поищи себе кого другого!..

Меня очень привлекает явившаяся возможность: не то чтобы бросить открытый вызов многократно превосходящей силе, но встать перед ней открыто и честно и посмотреть этой силе в древние ее глаза под белыми шелковыми бровками без страха, даже весело. Посмотреть на превосходящую сию силу, как на свою законную добычу. И чтобы она, тварь, это ясно ощутила!

Конечно, дачные дела были позабыты. Я мгновенно стал близким другом семьи, помог Валентине пережить ответственный момент, когда Васенька узнал о беременности своей дочери. Что там было, подробно рассказывать не стану, да это и понятно. Ругань, беготня по участку с топором — сначала за Илоной, потом за Валентиной. «Убью! Убью!» Васенька и на меня накинулся, вырвал записную книжку и пытался ее затолкать мне в рот. Пришлось дать ему легонечко под дых. Потом длинные пьяные сопли повисли на щетинистом подбородке. Горестно размахивая ими, Василий сидел на крыльце и клялся, что теперь у него нет дочери... пусть убирается туда, где... Я топтался сбоку, чувствуя себя детсадовским воспитателем, у которого группа малышей на прогулке всерьез передрались и ноет. Но в конце концов примирение состоялось.

Я уговорил родителей Илоны как можно быстрее отвезти ее на обследование. Валентина возражала: мол, срок совсем небольшой, что может показать УЗИ? Непонятно будет даже — мальчик или девочка? Васенька тоже возражал. Милые, наивные, трогательные люди. Боже, как я их люблю.

Было трудно, но я справился.

Специалист, проводивший исследование, не удержался от приглушенного возгласа: — Господи, что за урод.. А сердце у него где?! Как он вообще дышит?..

На экране ритмично сокращалась зубастая амеба с прищуренными злыми глазками. Плод был уже очень большой, несмотря на крошечный срок пребывания в утробе. Илона ни за что не смогла бы родить — наливающийся темной силой бессердечный младенец разорвал бы ее. Консилиум твердо решил, что срочного аборта не избежать. Валентина с Васей в коридоре упали друг другу в объятия. Они рыдали — оба уже всерьез настроились на скорых внуков...

Проводивший операцию коллега почувствовал, как кто-то укусил его *оттуда* за руку. Потом место укуса воспалилось и долго болело.

17.

Прошло полгода, на дворе январь, крещенские морозы.

Я по-прежнему знаю: Он — там. И страшно представить, что, когда я начну шуметь своим буром, пробивая лунку, эта тварь может взметнуться из-под льда, каким бы крепким он ни был.

Отец Глеб — бывший военно-морской офицер. Единственный человек, которому я смог рассказать все. Единственный поверивший мне и без колебаний предложивший свою помощь. Он знал, где взять взрывчатку (сохранились старые связи), и знал технологию изготовления глубинных бомб.

Мы сделали несколько штук — чрезвычайно примитивных и мощных — и завтра едем на озеро. Сейчас позвоню Жоре, его телефон записан в книжке на первой странице. Вряд ли он откажется поехать с нами. Третий, думаю, не будет здесь лишним. Славная у нас команда: поп, костоправ да отставной военный инвалид. То-то дадим мы прикурить окаянному вселенскому злу! А что делать? Есть только этот путь, все другие пути уже рассыпались пылью по ветру. Прошу не считать мои записи бредом сумасшедшего. Оставляю книжку на краю стола, на самом видном месте. Если что...

Помолитесь за нас, поставьте в храме свечки в память рабов Божьих Бориса, Глеба и Георгия. Слава Тебе, Господи, за все! Аминь.

18.

Думал, больше ничего не смогу здесь написать. Перечитал предыдущее... Не стесняться ж мне теперь себя, не предавать же. Ведь твердо был уверен — не вернусь.

...Шли на лыжах. Тащили на себе тяжелые рюкзаки с боеприпасами и бур. Умаялись страшно. И потом еще часа полтора отыскивали окаянное озеро. Не такое уж оно большое, а там ведь сейчас все под снегом. Поди догадайся, где оно. Прوماхнуться же нам было никак нельзя.

Наконец нашли вмерзший плот. Лунок просверлили две, одну возле другой. Пробили их быстро. Захотелось тут же присесть и отдохнуть перед главным делом — но, понятно, нельзя. Все делали молча, старались не шуметь, не стукнуть, не брякнуть лишний раз.

Теперь представьте такую картину... Гигантская тварь бесшумно движется подо льдом, тянется мордой к двум только что появившимся отверстиям... Мы спокойно ходим наверху, даже не догадываясь, что зверь засек нас давно по одному только скрипу снега. И теперь ему надо увидеть, кто это там шумит.

Мы все трое одновременно заметили в каждой лунке по огромному желтому глазу со змеиным зрачком. Я окаменел. Да и отец Глеб тоже стоял, не шевелясь. Лишь упоенно смотрел в живой трепещущий зрак и что-то тихо шептал ему. Не растерялся только Жора.

Как будто всю жизнь ждал этого момента. У него не было никакого оружия, кроме лыжной палки. Ее-то он и всадил в змеиный глаз по самую рукоять: на колени упал, воздел две руки к небу, а после, искривив рот, охнул и ударил. Словно кол вонзил в грудь вампира. Да после еще додавливал и проворачивал палку там, под водой. В податливой мякоти глаза. Внутри-то он, зверь, был, оказывается, мягкий, нежный...

Из проруби вверх выхлестнул тугой фонтан черной крови. Окаатило нас с головы до ног. Мы стояли обалдевшие, перепачканные, как буровики, добывшие первую нефть. Лед завибрировал от звериного рева, и тогда мы отскочили в сторону. Палка медленно скрылась подо льдом. Не знаю, как ребята, а я перепугался до ужаса, до икоты. Они-то хоть не представляли, с кем имеют дело. А у меня сомнений насчет нашей дальнейшей судьбы не было. Я ждал, что сейчас зверь явится во всей красе. Мощный, словно атомный ледокол, злой, как голодная гиена. И теперь навсегда одноглазый.

Но Георгий точно знал, что крупного подраненного зверя надо быстро добивать, пока тот в шоке и не опомнился, иначе будет плохо. Жора кинулся обратно к проруби и заорал мне через плечо:

— Хлопушки давай, хлопушки!

Я схватил рюкзак, метнулся следом. Второй рюкзак подхватил отец Глеб. И мы стали быстро вытаскивать заранее подготовленные бомбы, взводить их и швырять в обе лунки. Старались туда, вниз, не заглядывать. Этаким бильярд, в котором нельзя дать ни одного промаха. Не дай Бог...

И вот последний шар лег в лузу. Побросав вещи, мы со всей возможной скоростью понеслись обратно к берегу. Глеб первый, я посередине, а Жора хромал сзади, но очень бодренько хромал. Не отставал. В нашем распоряжении было полминуты.

Озеро взлетело на воздух. Как будто в него через миллион лет врезался еще один метеорит. Мы попадали на землю, а с неба начали валиться глыбы толстого льда. В который уже раз за этот день мы оказались насквозь мокрыми: сверху вода, снизу вода, да плюс змеиная кровь...

Наплевать, только бы все получилось...

— Вот такое крещение, — задумчиво сказал Глеб, когда мы отошли от озера уже достаточно далеко.

— Боевое! — поднял палец Георгий.

— Пора причащаться, — сказал я. И достал из кармана запасенную бутылочку коньяку.

Мы шли по широкому чистому полю и по очереди глотали обжигающий коньяк. На душе вскипала радость. Какой простор! Могу теперь творить, что хочу! С чего начать?.. Не навесить ли Илону? Как она себя чувствует, бедняжка?.. Да и Валентина мне наверняка обрадуется.

— Ты что? — спросил вдруг Глеб.

— А?

— Что у тебя с лицом?

— Не знаю. Кровь?

— Грех у тебя на лице. Думай о чем-нибудь другом.

Мне стало стыдно до красноты.

— Прости.

— Ты сделал большое дело — значит, тебя нынче вдвое больше искушать будут. Терпи.

— ...Понял.

Стрелка компаса снова твердо указывала на север.

Новые книги

Грицук-Галицкая И. А. СТОЯЛ НОЯБРЫШ У ДВОРА. КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ. Рыбинск: ОАО «Рыбинский Дом печати», 2011. 48 с.

Книга Ирины Грицук-Галицкой «Стоял Ноябрьрш у двора» адресована детям и взрослым. Это небольшие рассказы о мальчишке Алеше, его домашних и друзьях. Есть в этих рассказах и фантастические персонажи, которые возникают из детской фантазии путем своеобразной интерпретации, например, стихотворения Пушкина («Стоял Ноябрьрш у двора») или названия должности бабушкиной подруги («Упал намоченный»).

Коновалов Е. В. СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ. Москва: Водолей, 2011. 136 с.

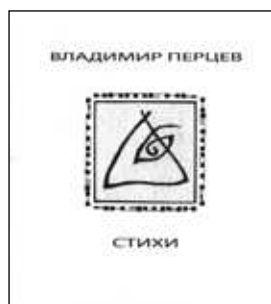
Это вторая книга ярославского поэта Евгения Коновалова. В нее вошли новые редакции некоторых стихотворений из первого сборника автора «Беглость речи» (2005), а также новые произведения, написанные в 2001—2010 годах: поэмы «Соната праха» и «Протей», стихотворные циклы «Времена года» и «Античный дневник». Отдельные стихотворения были опубликованы ранее в периодических изданиях, но большая часть творчества впервые представлена на суд читателей. Книга удостоена первой независимой ярославской премии им. А. Клещенко.

Малинина-Фоменко Л. К. ПОД МУЗЫКУ РАЗЛУК: Стихотворения. Ярославль: ИД «Печать», 2011. 116 с.

Лирическая героиня новой книги переславской поэтессы Любви Малининой-Фоменко соткана из эмоций: она любит, страдает, сомневается. Отвергает близкого человека, любит вновь... Каждый поступок этой сильной, волевой и одновременно мятущейся натуры продиктован желанием быть предельно искренней по отношению к любимым людям и к самой себе.

Любовь Константиновна — автор текстов к более чем 200 песням. С своих стихах и песнях поэтесса умеет передать словом тончайшие оттенки движений женской души, а потому ее творчество исповедально и музыкально.

Перцев В. Ю. КАМЕНЬ НЕМОТЫ: Стихи. Ярославль: ИПК «Индиго», 2011. 176 с.

Поэтический сборник Владимира Перцева «Камень немоты» включает в себя стихи разных лет. В него вошли вещи, написанные и изданные в период с 1996 по 2000 годы и составившие в свое время книги «В затонах золотых», «Очнуться в сумерках зимы», «На вселенском сквозняке». Около трети книги занимают стихи 2000 — 2010 годов. Книга разбита на небольшие циклы, имеющие каждый свое название, до некоторой степени отражающее если не содержание, то общий настрой цикла. Эскизы обложки и титульного листа исполнены самим автором.

Пирогова Т. А. СВЕТ В КОНЦЕ ДОРОГ: Стихи разных лет. Ярославль: ИД «Печать», 2011. 124 с.

Член Союза писателей России Тамара Пирогова — автор восьми поэтических сборников и многочисленных публикаций в региональных и столичных периодических изданиях. Новая книга поэтессы является сборником ее избранных произведений, подводящим итоги на определенном этапе творческого и жизненного пути. Разделы «Я буду мечтать о весне», «Молитвы неба и земли», «Еще не отзвучали голоса» включают стихи разных лет. В своих стихах Т. А. Пирогова верна вечным темам — природы, любви, взаимосвязи всего сущего на земле. В центре ее поэтического бытия — наш хрупкий мир с его спасительной верой в добро и красоту, а потому автор каждой своей строчкой молится о том, чтобы этот мир устоял на ветру истории.

СКЛОНИЛА МУЗА ЛИК ПЕЧАЛЬНЫЙ... Памяти Николая Николаевича Пайкова: в 2 т. Т. 1. Сборник научных статей. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011.

Это издание посвящено памяти литературоведа, ученого, педагога Н. Н. Пайкова. И хотя за пределами Ярославской области он известен прежде всего как некрасовед, его исследовательский талант был намного шире и многограннее. Тематика последних научных статей Николая Николаевича весьма широка: философия, изучение творческой индивидуальности, художественного мира, современного литературного процесса...

Столь же широка и тематика статей сборника, авторами которых являются бывшие коллеги и единомышленники Н. Н. Пайкова.

Составитель сборника кандидат филологических наук, зав. кафедрой книжного дела М. Г. Пономарева.

Смирнов Н. В. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ. Ярославль: Канцлер, 2011. 394 с.

В книгу писателя Николая Смирнова «Повести и рассказы» вошли повести и рассказы разных лет. Детство Николая Смирнова прошло на Колыме, где отбывал срок по 58-й статье его отец, после освобождения выписавший туда семью. Эти колымские впечатления детства легли в основу его повестей и рассказов («Василий Нос и Баба Яга», «Лихо» и др.). В небольших рассказах Николая Смирнова перед читателями предстает полноцветная панорама современной уездной жизни и умирающей деревни с трагическими судьбами русских людей, где бы они ни жили.

В цикле «Распавшееся ожерелье» предметом внимания автора стали детские судьбы, в которых и за которыми просматривается будущее России.

ЯРОСЛАВСКАЯ КНИГА — 2010: каталог книг местной печати. Ярославль, 2011. 113 с.

Каталог включает печатные издания и аудиовизуальные материалы, вышедшие в свет в 2010 году на территории Ярославской области, а также краеведческие книги, изданные за пределами региона. Составитель — Т. В. Дементьева, заведующая отделом краеведения Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова.

Все документы сгруппированы в разделы по отраслям знаний. Раздел «Художественная литература. Фольклор» состоит из более полусотни названий книг ярославских прозаиков и поэтов. Издание завершают указатели, включая именной, географический, указатели заглавий и издающих организаций, что облегчает поиск необходимой информации.

Выпуск каталога осуществлен в рамках ведомственной целевой программы Департамента культуры Ярославской области на 2011 год.

*В оформлении рубрики использованы материалы
ЯОУНБ им. Н. А. Некрасова*

П О Э З И Я

Александр БЕЛЯКОВ

Родился в 1962 г. в Ярославле. Окончил математический факультет Ярославского государственного университета. Работал программистом, журналистом, сотрудником издательства, книготорговцем, бухгалтером, копирайтером, чиновником, РК-менеджером. Сейчас — редактор на телевидении. Выпустил шесть книг стихов: «Ковчег неуютно» (1992), «Зимовье» (1995), «Эра аэра» (1998, шорт-лист премии «Антибукер»), «Книга стихотворений» (2001), «Бесследные марши» (2006), «Углекислые сны» (2010). Живет в Ярославле.

«Съезжались гости в черный ящик»

* * *

святой зорге воскрес на зорьке
то ли в мороке то ли в морге
пальцы воздуха холодны
предаваясь светскому дзэну
можно снова гулять сквозь стену
только нет никакой стены

можно в рай ломануть из ада
но зачем мертвецу награда
он и сам человек-музей
в лихорадке неистребимой
спал со всеми кроме любимой
пил со всеми кроме друзей

вот стоит он гол и взъерошен
на чужбине своими брошен
прогоревший дотла брюнет
опознав бытие двойное
сердце скачет как заводное
но дыханию хода нет

сентябрь 2010

* * *

заплутал в лабиринте лета
призрак оперы и балета
шелестит за каждым углом
по делам ему поделом
ветряные его скрижали
обещания не сдержали
где воздушная та мука
мука душная велика
и кому теперь строят козни
крылья сдвоенные стрекозы
обожженные золотой
муравьиною кислотой

сентябрь 2010

* * *

доктор привез водку патроны саван
чайка двуглавая пала к ногам стрелка
для красоты звездами разрисован
полог небесный как будто истлел слегка

этой зимой в доме не ждут посыльных
новости дня зашифрованы в общем сне
млечные волки плывут в берегах кисельных
еле видны в ослепительной белизне

декабрь 2010

* * *

анненский крест одышливый
тихий мороз введенский
из оборота вышли мы
стертыми не по-детски

кто опознает призраков
после мирской атаки
вместо первичных признаков
лишь водяные знаки

март 2010

* * *

съезжались гости в черный ящик
подмигивали входы-выходы
взрывался кислородный смех
и тени двигались для выгоды
буквально всех

о жар пещер живородящих
механику самозабвенья
в тугую музыку облек
мгновенный гений единенья
потусторонний мотылек

январь 2010

* * *

березняк особняк сквозняк
перебранка дверей и рам
бельэтаж выкликает числа
тени сели играть в лото
кто здесь кричит неизвестно кто
день иссяк
тишина провисла
и по траектории винтовой
раздвигая сумерки головой
как дрейфующая эскадра
гость уходит за рамку кадра
там по крайности что-то есть
тихий ужас
благая весть
неделимый остаток смысла

февраль 2010

Тамара РЫКОВА

После первой публикации в 1976 году в ярославской областной газете «Юность» Тамара Рыкова начала активно печататься в областных газетах и коллективных сборниках. Принимала участие в организации Первого всероссийского совещания молодых авторов в 1996 году в Ярославле. Работала в отделе поэзии литературной газеты «Очарованный странник». Автор сборника стихов и прозы «Не суетись, душа» (2003). Около пяти лет возглавляла ЯО Союза российских писателей. Заместитель председателя Комиссии по литературному наследию Константина Васильева, член Рабочей группы Васильевских чтений. С 2009 года — председатель ярославского городского клуба любителей словесности «Тысячелетие».

«Мой стих с крылатостью печальной»

Элегия

Ах, не кори меня, мой друг,
за нежность слов, за живость боли.
Она, вошедшая в наш круг,
лишь призрак света,
но не боле...

И нет ей имени, поверь,
прогнать её не в нашей воле.
Так в сумерки открыта дверь...

Но только в сумерки,
не боле!..

А мы живём при свете дня.
У нас прописанные роли.
И отсвет прежнего огня
лишь призрак света,
но не боле...

* * *

Покой мне вреден изначально.
Приходит смертная тоска.
Мой стих с крылатостью печальной
слетает с белого листка.

Не поддаваться смерти — драться,
а умереть, так уж в борьбе.
Не стану странником скитаться
по страхом выжженной судьбе.

А сердцу, полному печали,
ты преднамеренно не верь.
Не отворяй еще в начале
в конце затерянную дверь.

* * *

Стихи не пишутся.
Не просятся слова
в тугую вязь,
в распахнутые крылья.
То явное свидетельство бессилья,
и тяжела седая голова.

Хочу молчать...
Ах, сколько наплела, напела,
невпопад наворожила.
Но стынет кровь в непроходимых жилах,
и к сердцу словно лава прилила.

Мир рушится?
Все — дружбы на песке?
Любовь, что дым,
глаза слепит и душит...
Но согревает зябнущую душу
лишь тоненькая жилка на виске.

Детство

Пахну́ло той зимой,
в соломинках и санках,
с гортанным криком птиц
и запахом углей.

Там бабушки рука,
с иголкой и картошкой.
И мамин день рожденья
в январе.

Все тихо и светло.
Душа еще не знает,
что ждет ее весной,
она спокойно спит.

И ласка, и тепло
повсюду здесь витают,
и дверцу тербит, пылая,
наша печь.

Все живы.
Ничего не знаю я о жизни.
И нашего кота
не пересёк трамвай,
он рядом, здесь, со мной,
мурлыкает и дремлет.

Весь мир спокойно спит,
застигнутый зимой.

* * *

Покрыла инеем зима
деревья, крыши, провода,
не схорониться никуда.
Звенят серебряные нити.
О чем, о чем вы там звените?
Зима. Зима.

Алебастровые сугробы, отполированные ветром,
искрятся в лучах невысокого солнца.
Угольно-пепельная ворона тяжело шагает,
оставляя на снежном листе
глубокий когтистый узор.

Лохматая собака выкарабкалась из снега
и, отряхиваясь, вздымает вокруг себя
алмазный туман.
Печальный кот медленно идет по расчищенной дорожке,
осторожно обходя рассыпанные хвойные веточки.

Звенят серебряные нити...
О чем, о чем вы так звените?
Зима... Зима...

Памятник

Глубоко вросла, что камень,
в замшелую древнюю землю.
И мглистая стужа и пламень
во мне притаились и дремлют.

Могучим гранитным срубом
стою на оставленном месте.
Застыла в величии грубом.
Стою по велению чести.

Шагну я — не каменным гостем,
а маткой медвежьей стати.
Осталась на старом погосте,
ах, мамочка, мама, мати...

Эмма МАРЧЕНКО

Родилась в 1932 г. в Воронежской области. Окончила Московский историко-архивный институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Работала в Ярославском областном архиве, в редакции газеты «Советский танкер». Руководила литературным объединением при редакции газеты «Юность». Ее поэтические подборки выходили на страницах журналов «Москва», «Волга», «Юность», «Молодая гвардия». Автор восьми книг стихов, вышедших в Ярославле и Москве. Член Союза писателей России.

Нежданные стихи

Туманная комета

Пока не слишком поздно,
Пока не ярки звезды
И пятна фонарей,
Над крышами комета
Особенно заметна,
Особенно доступна
Вниманию людей.

Какой-то из прохожих,
На остальных похожий,
Глядел с открытым ртом.
Я и сама сначала
С восторгом различала
Туманную комету
С расплывчатым хвостом.

Но в сутолоке вечной
Отстала через вечер
От межпланетных тем.
Она ж меж тем исчезла,
И спорить бесполезно —
Зачем она являлась?
Наверное, ни за чем.

Ее туманной маске
Нейдут земные краски
И четкие штрихи...
Как ни давно все было,
Ее не разлюбила
И даже написала
Нежданные стихи.

* * *

Весенние деревья —
Зеленую толпой,
Не знаю разделенья
Меж вами и собой.

Да как бы я узнала,
Что началась весна,
Когда бы не застала
Вас около окна?

Вчера всего лишь почки
Набухли на ветвях.
И вот уже листочки
Проклюнулись и — ах!

Ах, до чего ж отрадно
Взглянуть на вас весной!
Взгляну лишь — и не надо
Мне радости иной.

Расправа

Где на углу обычного дома
Еще хрущевской рухнувшей эпохи
В июне расцветал высокий тополь,
Роня пух легчайший, словно вздохи,

Я здесь всегда сворачивала к дому,
К другому, к своему, но тут же рядом.
Приверженный пространству городскому,
Огромный тополь отмечала взглядом.
А на углу толпились и кричали,
Себе противоречили вначале:
— Какой здоровый!.. Вечно пух роняет...
Он у кого-то окна заслоняет!..
Торчит у дома, как в бутылке штопор... —
И вот спилили негодный тополь.
И возвращаюсь я в свою квартиру,
Прекрасного лишась ориентира.
Я медлю здесь, где тополь цвел когда-то,
Лишь затаенным вздохом виновата.

* * *

С годами меняются лица,
Да так, что порой не узнать...
Мне видится снова столица,
Едва лишь начну вспоминать.

Москва не в кромешном угаре,
А та, где в студенческий срок
Я с кем-то размашистым в паре
Кружила в сиянье дорог.

А нынче я дома и дома,
Живу в областной стороне.
И жизнь продолжается долго,
И старость наскучила мне.

А ныне куда-то направлюсь —
И кругом идет голова.
Спокой изменил Ярославлю,
Как будто бы это Москва...

Машина мелькнула, как пуля,
Несутся опять и опять...
Сидела бы дома, бабуля,
Чем жизнью своей рисковать!

* * *

Я до страсти любила грачей.
Не люблю, говорю, а — любила.
Срок пришел, и во мраке ночей
Злая немочь на грудь наступила.

Оттого, что хвораю давно
И устала валяться в постели,
На рассвете взглянула в окно —
Поняла, что они улетели.

И такая нахлынула грусть
От осеннего опустошенья,
Что решила: уже не дождусь
Улетевших грачей возвращенья.

Но коснулось видение глаз —
Ни конца у него, ни начала:
Не сама ли я множество раз
Этих радостных птиц привечала!

Коль дожить до весны суждено,
Протянуть удивительно долго —
Их на ветках увижу в окно
И — душа расцветет от восторга.

Леонид СОВЕТНИКОВ

Родился в 1955 году в Рыбинске.
Учился в Рыбинском полиграфическом техникуме. Член Союза российских писателей.
Автор сборника стихотворений «Спящий куст. Избранное» (2006).

«И смысла не отбрасываю тень я»

* * *

Д. С.

Я сижу в своей дыре, на поселенье.
Снегу много. Денег мало. Толку нету.
На душе — как на реке — оледененье,
Может быть, оно исчезнет ближе к лету.

Знаешь, Дмитрий, лишь на море — перемены:
Лед трещит, на местной ГЭС спустили воду.
Да и жизни тает лед — растут лишь цены,
Невзирая на реформы и погоду.

Помнишь девочку, робевшую меж нами,
Худосочную, со взглядом грустно-странным?
Стала смелой, со стройными ногами,
Ныне с Кушнером общается как с равным.

Что останется? Весенних дней наплывы,
Нежность сумерек, закатов акварели...
Чтоб лучи едва касались веток ивы
И чтоб ветви ив сквозь сумрак чуть белели.

Возвращение Казанской

Были вбиты крюки, и один — прямо в сердце печальное Девы,
Два других — в облака, и еще один — в руку, подъятую строго...
Чтоб держать стеллажи с документами мертвых. О где вы,
Прежде жившие, память хранившие и распинавшие Бога?

Я один из вас, люди, я помню, как плакали фрески, оттаяв,
Как снимали коробки и доски, из стен вынимали крюки...
Как металась под куполом темная и леденящая стая,
И под мартовской резью я долго страдал от звенящей тоски...

Рыбинск, 1980 — 2008

* * *

«Я буду камню сострадать...»

Ирина Перунова

Я не буду камню сострадать,
Потому что быть отрадней камнем,
Чем живым изгоем. Благодать
Не дана мне нынче, не дана мне...

И не буду девочке вон той,
Некрасивой, сострадать... Эпоха
Разберется прежде с красотой,
С формой, что для прочего — неплохо.

Может, буду сострадать мечте
За вчерашнее невоплощенье
Иль словам, которые не те,
Хоть о состраданье, о прощенье.

* * *

И смысла не отбрасываю тень я —
Глухой сорняк неполютой гряды;
Сон для меня — что дождик для растенья,
Как будто в уши налило воды.

И бабочка порхает над теплицей,
И зайчик света прячется в дресве.
Боярышник, как истинный патриций,
Надежно сон мой приютил в листве.

* * *

Вот маки — цветущие бабочки сна,
Вот сны — золотые соцветия сада,
Что щедрую прелесть дарили сполна.
Но сад обнищал, покосилась ограда.

Вот сухость гремушки на месте цветка,
И вызревший сон может быть смертоносен.
Вот выпуклость яблока чует рука,
И дрожь пробегает по саду, где осень.

И дрожь пробегает по телу. Старик,
Я вижу, как мы, то есть прежние дети,
Смеемся с тобой вне аллея и столетий,
Встревожив, как бабочку, солнечный блик.

Любовь НОВИКОВА

Родилась в селе Надежда Ставропольского края в 1959 году. По окончании ставропольского строительного техникума приехала в Ярославль. В 1988 году заочно окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор четырех поэтических сборников — «Сирени цвет» (1988), «Лицом в ладони» (2000), «Молитесь обо мне» (2004), «Я зажгу свечу» (2009). Стихи печатались в журналах «Наш современник», «Звезда», «Волга», «Русь», «Русский путь на рубеже веков», в коллективных сборниках, в современных поэтических антологиях, в местной периодике.

«Другой судьбы у птицы нет»

Слову

Всему, что не Оно, я отвечаю: нет.
И словно прорвалось молчанье долгих лет,
Не знающее речь лукавых средин.
Из глуби всех глубин.
Сквозь щели всех плотин.

Оно мне и под рост. Оно мне и под стать.
Мне с ним ночей не спать.
Пиров не пировать.
Разгадчицею стать небесных теорем.
Оно подскажет мне — откуда и зачем.

Оно мне — по душе. Оно мне — по рукам.
Мне без Него весь мир — не более чем хлам.
Пусть изношусь до дыр. Пусть проиграюсь в прах.
Пока Оно со мной — я — князем во князьях.

Оно мне Бог и Дух. И мой насущный хлеб.
За то, что, как в чертог, Оно в мой душный склеп
Доверчиво летит синицею в ладонь.
Меня хоть разорви. Ну а Его — не тронь.

Я сроду не была ходящей в поводу.
А перед Ним при всех я в ноги упаду:
Благодарю за честь — сгореть в Твоем огне.
Спасибо, что ко мне. Спасибо, что по мне.

* * *

Наплакалась — и снова петь.
Огню — гореть. Траве — шуметь.
А птице, ей — летай да пой.
У птицы нет Судьбы другой.

Ее гнездо — на всех ветрах.
На всех снегах. На всех дождях.
В нем вряд ли кто найдет приют —
С чужими птицы не живут.

Крыло с крылом, как с тьмою свет.
Другой судьбы у птицы нет.
А вскинешься о том жалеть,
То не летать тебе, не петь.

Все — радость, боль, беду, тоску, —
Все — в Слово. А потом — в строку.
Потом — в размер. Потом — в Судьбу.
Все — перекладиной к столбу.

И столб — уже не столб, а крест.
От сердца к сердцу благовест.
А если Слово — не в Судьбу,
Пойдешь к позорному столбу.

Другой Судьбы у птицы нет.
Все, что не в Слово, — под запрет,
Коль два крыла тебе в Судьбу
На перекладину к столбу.

* * *

А вышивка пошла легко, красиво.
Игла порхала ветрено и просто.
Я поднялась самой себе на диво
Чуть выше человеческого роста.

И как-то сразу научилась думать
Не так, как все. Да, видно, не на пользу.
Рожденную летать, мой век угрюмый
Все гнет к земле и заставляет ползать.

Пигмеи всеплетей и всеязычий
Диктуют — кем мне быть и что мне значить.
Такая, видно, моя доля птичья.
Такая, видно, жизнь моя собачья.

Но я не стану петь под ваше ухо.
Мне не по нраву ваш размер метровый.
Не вашим вычурным медвежьим слухом
Судить мое неласковое слово.

Я — не для вас. Мой час еще не пробил.
Мой век еще не зачат Мирозданьем.
Я здесь одна. Не в славе, но во злобе.
Сама себе — закон и наказание.

* * *

Так и живу я, век свой невлюбля.
Уйти. Ушла б. Да, вроде, рановато.
Который день я мучаю тебя,
Божественная Лунная соната.

Неверный слух, как грубые тиски,
Перевирает ноты и созвучья.
Так раздирают бабочку в клочки
Прожорливые челюсти паучья.

А чем мне жить до смертного конца?
Чем мне дышать? Какой корысти ради?
Так пусть хотя бы лунная пыльца
На строчки мои смутные осядет.

Железного бездушья сквозняка
Все выдули с низин и до верховий.
Чтоб мне не задохнуться от тоски,
Я рву твою сонату на куски.
Прости меня, о, Людвиг ван Бетховен.

* * *

Мне надо это рассказать кому-то.
(Но не тебе. Нет, ты меня не тронь.)
Вчера на кладбище морозным утром
Мне голубь сел снежинкой на ладонь.

Как будто бы и впрямь за крошкой хлеба.
(Вам — все корысть. Вы — все о пятаках.)
Ко мне вчера в ладонь спустилось небо.
И я его держала на руках.

Со мной такого не было ни разу.
(Кому, кому об этом рассказать?)
Своим пугливым голубиным глазом
Смотрело небо прямо мне в глаза.

Из-под надгробий, темных и тяжелых,
Мне вечный мир крестами угрожал.
А у меня сидел в ладони голубь
И лапками по ней перебирал.

Его глазок, доверчивый и круглый,
Небесными мерцаньями играл.
Я голубя держала, словно друга.
И голубь от меня не улетал.

О чем мы с ним в то утро ворковали,
О чем смеялись, плакали о чем,
Одни кресты, одни надгробья знали.
Тебе ж довеку не узнать о том.

* * *

Не пересохнет горло родника.
Не оскудеет щедрая рука,
Пока есть ждущие воды и хлеба.
Дорога ляжет в ноги беглеца.
А мне — лишь небо, небо без конца.
Пока я есть на свете, будет небо.

Здесь мой приход. Здесь Богу я молюсь,
Когда строкой горячею давлюсь,
Свою судьбу переплавляя в чудо.
И если ты взойдешь под этот кров,
Чтоб дать мне новых мук для новых слов,
Я и тебе тогда молиться буду.

Да будет праведен мой всякий грех.
Ведь я сюда пришла не для утех.
Не спросливы мои мольбы и требы.
Я у земли ни слова не спрошу.
Я только небом на земле дышу.
Я буду жить, покуда будет небо.

* * *

В соавторы. В посредники. На плаху.
В поводыри. В солдаты. В пастухи.
За то, что ты последнею рубахой
Стал для меня. Что все мои стихи —

Они твои. Твоей сочатся кровью
Слова и строки всех моих стихов.
Ты вправе данью обложить любой
Сокровища добытых мною слов.

Ты можешь предъявить права наследства,
И я не вправе буду отказать.
Ведь ты — мое единственное средство
Не задохнуться и стихи писать.

Я — лишь рука, ведомая тобой.
Я — только след, оставленный тобой.
И если я хотя б чего-то стою,
То власть — твоя. И трон — по праву твой.

А ты живешь. И ничего не знаешь.
Храни, судьба, твой царственный покой,
Мой день воскресный. Жила золотая,
Что без меня была б пустой рудой.

Евгений КОНОВАЛОВ

Родился в 1981 году в Ярославле. Кандидат физико-математических наук, преподаватель Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый берег», «Урал», «Пролог», «Вечерний гондольер», «45-я параллель», а также в региональных периодических изданиях и коллективных поэтических сборниках. Представлен в литературных антологиях «Пролог. Молодая литература России» (2005), «Новые писатели» (2009). Лауреат межрегиональных фестивалей современной поэзии «Логорифмы» (2007, 2009), конкурса им. К. Васильева (2010). Специальный приз жюри I межрегионального турнира поэтов (Пермь, 2008). Полуфиналист и финалист ряда сетевых международных литературных конкурсов. Участник пяти форумов молодых писателей России (2004—2010). Стипендиат Федерального агентства по культуре и кинематографии (2008). Автор книг «Беглость речи» (2005), «Стихотворения и поэмы» (2011).

«По канату сплетенных стихотворений»

Ars poetica

Так мальчик голубиной шеей заморожен,
так атлеты бегут по стадиону амфоры,
так на аэродром садится алюминиевый дракон
развернутой во времени и пространстве метафорой.

Инструмент ли ты языка,
копье ли, брошенное одиночеством
в небеса и летящее слепо
к неизвестной цели? — Примеривайся, пока
ледяная безлюдная ночь черства,
как горбушка черного хлеба.

Только зрелищ! Запоминай, как просвечивает наряд
осеннего клена — обряд похоронный — мурашки по веткам,
как тени от слов на листьях дрожат
под мистическим ветром.

Вот она наступает по всем фронтам,
в руках у нее города и эпохи
дышат любовью, гневом и алыми
сполохами, — а писаки нам
плачутся, как дела ее плохи.

Поэзия не следит за журналами.

Ей
важней,
что липы в белых гольфах — совсем как ряд
первоклассниц с букетами окрестной сирени;
что бродячие псы исподлобья на прохожих глядят
с мученическим смиреньем;
что однажды шагнул — и нет пути назад
по канату сплетенных стихотворений.

Обнял воздух — и шею готов сломать,
истребителем заходишь на цель, от восторга
с ужасом одуревши, — а все не стать
молодеющим ангелом Сведенборга.

Время расправляет пергамент
и показывает то прах, то дым
зазывалой-фокусником — на устах елей, —
обманывая старцев полигамной
славой, давая на чай молодым.

Поэзия не помнит своих создателей.

Зачем же идти на амбразуру слов,
проживая и быль и небыль;
зачем верхушки березовых стволов
по шахматной доске проходят в небо;
зачем до рези в глазах ты готов
несказанное видеть одетым рифмой нелепой?

Искусство поднимать себя за волосы — вот то,
что присуще нам — фотосинтез по выдаче
в одни руки, — чтобы грубое словесное долото
контур темного воздуха могло выточить.

На распродаже подержанных факелов получать
удостоверение в испытанной благодати;
или знать, как посмеивается сквозь печаль
несговорчивый демон Сократа;
или стать сосной, горящей в лучах
собственного заката.

Ночью шевелятся иглами волосы на голове,
утром хлебнул росы и забываешь, кто ты, —
не пророк, но уверовавший в себя человек
обживает молчания зияющие пустоты.

Вот и все призвание. Ради бога,
обойдемся без Бога — строк, полей
и заглавий. В такой дыре
мудрено отыскать к нему дорогу,
одной ногой в античном акрополе,
другой — в буддийском монастыре.

Переполняет чернильная вода
кувшин из белого дерева,
раз навсегда —
разбей его.

* * *

Из коньячного дыма уходя поутру,
в снежный ветер лицо окуная, —
так и спрыгнуть с ума, прямо за отбивающимся от рук
чугунным хвостом трамвая.

Он мигает спросонья, а все везет —
полупьяный ямщик — искры сыпятся под вожжами
на того, кто хохочет в небо, спутав никотин и азот,
и ноги над рельсами поджигает.

Синева обжита ослепительным февралем,
ледяными фуражками крыш, галочьим воплем;
но вчерашний мир вписан в этот же окоем,
столь же фантастичен, как и отчетлив.

Это — черный от тоски капитан,
это — радиограмма лестничного пролета в космос,
это — под потолком тает призрачный капитал
быта и содружества одиноких матросов.

Трамвай ли, корвет — режут пространство там,
где последняя ночь, как любовница, своенравна,
где мешаются исповедь и бедлам
с налитой в окна белесой ранью.

А у нас под рукой только время, вот и рискни
снова впасть в полоумную юность, такую
долгую — взмах изумленных ресниц,
и как пуля — шальную.

* * *

Немота, немота, немота,
мгла тревожная, шелест последний
обрывается ветром, ласкающим кожу листа,
или эхом столетий.

Теоремы доказывать, спорить, грешить,
речью портить и воздух бесшумный
и введенное время, — не чувствуя сквозь чертежи
льдистой кальки безумья.

Ясень врос в перекрестье окна
сетью пальцев, нащупал впотьмах неживое
и упорствует, — так внутри нас прирастает она
одиночеством, шепотом, воем.

А ребенок все лепит ее из песка,
а любовники ищут на фоне постели,
а случайно услышал морфемы ее языка —
и виски поседали.

Гроздь страха на ветках висят,
оттого-то и сладок
плод любой, оттого-то и хочешь числом на весах
с гордой немощью сладить.

Ну, так нотою выше! Один
утлый голос привыкнет и к этой
немоте за окном, где пейзаж залетейских равнин
снегом залит, как светом.

Хризантема и меч

Юкио Маэда разящий удар
наносит своим мечом,
не думая ни о чем.

Его сердце молодо, разум стар
старинной горного озера, чью поверхность
не искажает зыбь, —
там, где в трусости растворяется верность,
и холмы заливают победный призыв
бесчисленных Тайра. Он остался последним, кто
еще продолжает бой,
окружив себя гибельной и сверкающей стеной
двух клинков. Мастер кэндо
и дзен абсолютно спокоен,
и с самого утра
на него нападают по двое и трое.

Начиная слабость от ран,
Юкио Маэда погружается с головой
в созерцание сосен над цепью далеких гор,
он смотрит на них в упор,
как равный. Меч сросся в одно с рукой,
всей плотью, еще не превращенной в останки,
а из мерцающей внутренней пустоты
рождаются строки танка.

— Самурай Минамото, как можешь ты,
каменный идол невозмутимости, видеть вязь
иероглифа в полете бабочки над дурманом
безымянной зелени, превращенной в грязь
и кровь под бой барабанов, — там, где не рано
ли вообще что-то чувствовать, стремясь
в бесстрастную тупость нирваны?

*Влажный от слез рукав
примет аромат лилий
и отблеск луны
сквозь дырявую крышу
в хижине отшельника.*

Жемчуг росы превращается в пар.
Одних нападающих сменяют другие.

Вежливо улыбаясь, Юкио
Маэда наносит новый удар
мечом, алым от страшной жатвы,
бессмысленной, бесчеловечной вдвойне
на проигранной войне.

— Самурай Минамото, любой Бодхисатва
назовет тебя не воином, а палачом
божьей милостью, бескорыстным убийцей
ближних, едва ли виновных в том,
что их, как водой, заставляют напиться
гибелью под холодным мечом,
не знающим жалости, не различающим лица!

*Кусты диких роз
не испытывают ненависти
к тем, кто ослеп от желаний;
но попробуй нарвать цветов —
и будешь исколот шипами.*

Нечем дышать в полуденный жар.
Одних нападающих сменяют другие.
Вежливо улыбаясь, Юкио
Маэда наносит новый удар
мечом, уже дрожащим в его руке,
как огромная гиря
вселенной, висящей на волоске.

— Самурай Минамото, что сказать тебе миру,
устрашенному встречей такой, кто припев
твоей смерти подхватит со дна долины,
или сеятель горя всех презирает, как лев
презирает добычу, лежащую наполовину
живой перед тем, кто стоит, преуспев
не в мастерстве, а в гордыне?

*Изо всех сил растут
стебли хризантем,
чтобы успеть
вынести свой бутон
на солнечный свет и смерть.*

Истоки любви — за цепью далеких гор.
Путь открытого сердца — один не случаен.
Не истину, а молчанье
рождает спор.

Опускаются на глаза покрывала тьмы.
Замедляет бег колесо сансары.
Дхармакая ждет мастера дзен. И мы
все скоро узнаем за переплетом старой
летописи, что скажет на это
нефритовый государь,
ну а пока Юкио Маэда
нанес последний удар.

Postscriptum

Костюм из свежих газет
с лацканами шевиотовых сплетен
заказывает себе на обед
блокбастер и триллер в омлете
рекламы, мюсли новостей
из жизни ворюг, грудастых клипов —
не то шейк, не то стейк —
брызжет кровью, гламуром и липой.

Что остается сказать?

Даная Рембрандта смотрит на дождь так,
словно речь о жизни и смерти,
словно бог возникнет, как только в него поверите,
а вокруг обнаженного тела струится мрак.

Поднимаются из траншей
метро акриловые сабли на пальцах,
и муза выбирает мишень,
то есть хромированный панцирь
отеля «Парнас», где живет
бог искусств и продюсер народов,
где услужливые фотошоп и ай-под
заменяют рифмы, цвета и ноты.

Что остается сказать?

Даная Рембрандта смотрит на дождь так,
словно капли с бликами солнца — великое чудо,
уводящее в никуда, пришедшее ниоткуда,
а вокруг обнаженного тела струится мрак.

Девять ши о гордости и смирении

1

Обосновался один
у подножия лесного холма.
Общество сосен
предпочитаю людскому.
Преисполнился мудрости
или сошел с ума —
кто сообщит мне,
раз никого нет дома?

2

У Брехта Ду Фу
говорит, что недуг гордыни
плохо лечится
отшельничеством. Пусть так,
но на покрове смирения
быстрее ли складки застынут
в толпе, где его
задевает любой пустяк?

3

И дружба и любовь
наталкиваются на разность людей.
Не отсюда ли растут
соперничество и ревность?
Не так ли обида
ожесточает сердца — тем сильнее,
чем дальше зашла
в разделенном чувстве потребность?

4

Любые руки грубы.
Их прикосновения ранят
и готовы присвоить
все сокровенное в нас.
Уходить от любовницы
не лучше ли сонной ранью
и с пирушки друзей
незаметно сбегать через час?

5

Ожесточенное сердце
глухо к добру и злу
и заранее знает
ответ на любые просьбы.
Не здесь ли пароль,
открывающий дверь послу
гордости — в ту страну,
где непреодолимо врозь мы?

6

Нет ни добра, ни зла
в темном лесу субстанций
или в виде значков
на скрижалях старинных догм.
Зло и добро — кругом.
На остановке метро, в медленном танце,
из-за угла старухой,
по слякоти идущей с трудом.

7

Как различать их?
Скрыты за сотней ли
желания ближнего
или набрасываются всей оравой?
Внезапный порыв
сердце почувствует ли
до первой мысли,
правой или неправой?

8

Спонтанное «да»
ставить всего превыше.
Спонтанное «нет»
воплощать отказом любым.
Чуткости обучаться —
по голосам или стуку шишек,
но независимости —
лишь под холмом лесным.

9

Беседую с соснами.
Науку мотаю на ус.
Редкий прохожий,
увидев лицо или спину,
гордецом назовет —
смиренно в ответ соглашусь,
отметит смирение —
голову гордо вскину.

* * *

С. Е.

Больше светлой печали! Еще
одинокства под небесами
с остановленным временем — в счет
неслучившегося между нами.

Перечеркнутых судеб листы
ускользают меж пальцев,
шелестят: «Только ты, только ты
не летишь, а застыл постояльцем».

Холст предзимья, как выцветший тюль,
загрунтованный воздухом — серым
на просвет. Смуглолицый июль
если был здесь, то напрочь утерян.

Не ученье ли смерти кругом?
Не намек ли заботливой силы,
заходящей в прижизненный дом, —
для репризы могильной?

Вот и аудитория лип
с тополями притихла, готовясь
различать в выражении лиц
той же силой внушенную повесть.

Что еще в ней дано угадать
звуку, полному жизни,
а затем — уходящему вспять
за поля глуховатой отчизны?

Как уметь претворить и ее
голоса? Что в конце, что в начале —
одиноким бесстрашием. Ну а еще
лучше — светлой печалью...

П Р О З А

Семен РАБОТНИКОВ

Родился в 1939 году в д. Болшево Ярославской области в крестьянской семье. Четырнадцатилетним подростком уехал в Ленинград. Учился в строительном училище, работал на стройках города, на заводе, служил в армии. После окончания филологического факультета Ленинградского университета более тридцати лет преподавал русский язык и литературу в колледже.

Писать начал в юности. Издал три авторских сборника прозы, повесть для детей «Солнце играет» и роман «Столица мироздания», за который удостоен премии им. И. З. Сурикова. Печатался в журналах «Север», «Русь», «Природа и человек. XXI век», в областных альманахах, в газете «Золотое кольцо». Книги выходили в Москве, Ярославле, Рыбинске. Член Союза писателей России. Живет в Переславле.

Художник

Рассказ

1.

Художник Емельян Платонович Овчинников, несколько месяцев назад схоронивший жену Лилю, однажды открыл шкаф, чтобы взять какую-то вещь, увидел висевшую на плечиках белую блузку — и вдруг жена явственно возникла перед глазами. Но не той исхудавшей, мучимой тяжелым недугом женщиной, а молодой, статной, какой увидел ее впервые в небольшом приволжском городке. Продолжалось это лишь мгновенье.

Никакой мистики здесь не было, и с мозгами у художника все обстояло благополучно. Он знал, что у него развито воображение, но не думал, что до такой степени. Жена предстала почти осязаемой. Ни упрека, ни укора не чувствовалось в ее взгляде, а одно лишь любопытство, как и тогда, при первой встрече.

Двум взрослым сыновьям, жившим самостоятельно, ничего не рассказал художник. Ходил по городу и носил в себе тайну. Не раз хотелось поведать о ней, да вовремя прикусывал язык.

Иногда он жаждал увидеть жену, но она не появлялась, а порою вдруг возникала внезапно, так что он вздрагивал. Емельян понял: все зависит не от желания, а от состояния его души. Если в ней был мир и покой — Лиля приходила. Он научился настраивать себя на определенную волну. Живой голос ее хотел услышать, но она молчала и только с любопытством глядела на него.

2.

Студент факультета живописи Емельян Овчинников (Овчина, как называли его соскурсники) прибыл из Питера в городок в верховьях Волги на этюды и поселился в Доме творчества. Емельян был довольно симпатичным, с тонкими чертами лица. Многие художники отпускают бороды, он же каждое утро брился электробритвой и выглядел моложе своих 25 лет. Волгожане почему-то сразу определяли, что он — приезжий.

Первые дни не столько работал, сколько бродил по городу, который напоминал своим обликом если не девятнадцатый век, то, по крайней мере, начало двадцатого. Жизнь здесь как бы остановилась и замерла, хотя по улицам бегали машины и по Волге носились на подводных крыльях «Ракеты» и «Метеоры». Стояло много полуразрушенных церквей и монастырей. Все здесь дышало русским духом, который пришедшие к власти в 1917 году постарались искоренить и, надо признаться, преуспели в этом деле, но не до конца. Его дыхание все же чувствовалось. Местные жители окали и говорили по-волжски нараспев, не говорили, а будто пели: «По-ошли-и в ле-ес». — «А-а по-ошто-о?» — «По-о яго-ды и по-о грибы-ы».

Больше всего Емельяна удивляли женщины. Тут, в верховьях Волги, испокон веку жило славянское племя, ни с кем не смешиваясь, может быть, только с финно-уграми, да и то в дремучей старине. И вывелся тип русской женщины: статной, красивой, белолицей, со светлыми большими глазами и русыми волосами разного оттенка.

Емельяну все здесь нравилось. Заглохший сад, запущенный дворик, на который выходило накренившееся крыльцо, сама Волга, не такая широкая в верховье, как в среднем и нижнем течении, но не узкая, просились на холст. Бродил, запоминал, все время испытывая легкую грусть от одиночества, словно дуло сквозняком в правый бок. Рядом с ним никого не было. Между тем на улицах встречалось много хорошеньких девушек, стрелявших в него глазками. Подойти и познакомиться как-то неловко. Для некоторых знакомство — левое дело, а для него это было целой проблемой. В ближайшую субботу художник отправился в городской сад на танцы.

В саду цвели липы. Дурманящий аромат распространялся, кружа всем головы. Только совсем бесчувственный человек не ощущал его. Парни стояли у танцевальной площадки, курили, сплевывая себе под ноги. Некоторые пришли в крепком подпитии.

Заиграл оркестр на эстраде, и зашаркали по площадке ноги танцующих. Солнце клонилось к закату и освещало сад, бросая густые тени от толстых стволов лип. Темно-

ты ждать еще долго. Вот тогда танцы зашумят, а пока происходила разминка, и оркестр играл вполсилы. Подойдя к танцевальной площадке, Емельян сразу обратил внимание на одну девушку, стройную, с правильными чертами лица, стоявшую с подругой в стороне от других. На ней было небесного цвета платье, плотно облегавшее стан. Волосы редкого цвета: светлые с серебристым оттенком, как льняная кудель. Вокруг стояло немало красивых девушек с более яркой внешностью, но он почему-то выбрал ее.

Когда заиграл оркестр, он подошел к ней, поклонился, как подобает воспитанному человеку, чем вызвал недоумение у окружающих — здесь не привыкли к такому обращению, — и пригласил на танец. Девушка охотно согласилась. Видно было, что он ей тоже нравился. «Какое прекрасное лицо!» — Емельян не сводил с нее глаз.

— Как вас звать? — поинтересовался он.

— Лиля, — голос у нее тоже был красивый, звонкий.

— А мое имя прямо-таки из сказки — Емельян. Но Емелей меня никто не называет.

Танец закончился. Подвел ее к прежнему месту и снова поклонился, встав неподалеку, чтобы пригласить на следующий танец. Вокруг зашушукались:

— Что за парень? Видно, неместный. Откуда-то приехал...

Оркестр еще не успел заиграть, как к Лиле подошел белобрысый парень, примерно одних лет с Овчинниковым, смело взял ее за руку, давая понять, что эта девушка его, и увел на танец. Она покорно шла за ним, но было заметно, что он ей не нравился. У него были не только светлые волосы, но и белесые глаза, и на лице застыло жесткое выражение, как у большинства местных парней.

Потом к Лиле снова подошел Емельян и пригласил на следующий танец. Так они и менялись: то белоглазый, то он. Темнота между тем сгущалась. Танцы разгорелись. Оркестр играл в полную силу, и молодые люди выделявали разные кренделя. Емельян понимал, что рискует. Белоглазый окружил себя подростками, что-то говорил им и указывал глазами на студента. Ясно, что просил проучить этого наглеца, который из-под носа уводит у него девушку.

— Лиля, — впервые Емельян произнес ее имя, и оно отозвалось в сердце, — вы не против, если мы покинем танцплощадку и погуляем по городу? Вы покажете мне достопримечательности...

Из освещенного танцевального круга шагнули в темноту, растворившись в ней. Белоглазый с толпой подростков кинется искать их по саду и, к своей досаде, не найдет.

3.

Ночью никаких достопримечательностей не разглядишь, и они пошли на набережную Волги. Полной темноты все же не было. На противоположном левом берегу угадывался лес. Медленно плыл буксир, толкая перед собой баржу. На фоне зеленеющего неба на изгибе реки вырисовывался монастырь с главами церквей. Рядом с Емельяном стояла юная девушка, и он почувствовал восторг и полноту жизни впервые за несколько дней пребывания в городе. Неужели она давала ему это состояние?..

От воды тянуло прохладой.

— Вам, Лиля, не холодно?

— Немного зябко, — поежилась она.

— Давайте тогда ходить. Вы учитесь или работаете?

— Работаю швеей на швейной фабрике.

— И не стремились никуда поступить учиться?

— Нет.

— Уважаю людей труда. Я и сам не один год работал станочником на заводе и прослужил срочную службу в армии. По-моему, и надо начинать жизнь с физического труда, чтобы человек не зазнавался. Не привожу себя в качестве примера, но скажу, во мне с самого детства, как заноза, сидело стремление достичь чего-то большего. Уже тогда увлекся рисованием и решил: буду художником.

— Я боялась провалиться на вступительных экзаменах,— смущенно проговорила девушка.

— Напрасные страхи! Можно пытаться снова и снова. Знаю тех, кто делает третью и даже четвертую попытку... Вам в школе какой-нибудь предмет нравился?

— История.

— Живя в этом городе, как не полюбить историю!

— Мечтала стать преподавателем.

— Вот и становитесь им, раз вам хочется.

Покинув набережную, долго бродили кривыми улицами и переулками, пока Лиля не подвела его к дому, в котором обитала ее семья. Дом был двухэтажный, с тремя подъездами, без всяких излишеств архитектуры. Перед окнами в маленьком палисаднике росли березы и кусты акации. Место показалось молодому человеку живописным. Занимался рассвет. Договорились о встрече на завтра и расстались.

Только отошел от дома, как увидел белоглазого с толпой подростков. Оказывается, они искали студента по всему городу. К счастью, в этот момент он заворачивал за угол, и его не заметили. Не то быть бы ему битю.

4.

Начались их ежедневные встречи. Моста через Волгу не было, о нем только постоянно твердили и писали местные газеты. На другую сторону переправлялись на пароме или собственных лодках, которых здесь имелось множество. Лилия достала у знакомых ключ от замка, которым старенькая лодчонка запиралась у сваи. Емельян отпирает замок, протягивал девушке руку и, усадив ее на корму, брался за весла. Лодка, казалось, не выдержит плавания и развалится на середине реки. Сквозь щели просачивалась вода. Течение увлекало их далеко от города. Назад приходилось идти на веслах, и студент греб до кровавых мозолей на ладонях. Причаливали к противоположному берегу напротив города — излюбленное место отдыха горожан — и ступали на землю. У кромки воды рос кустарник-ивняк, а дальше поднимались высоченные сосны и ели, настоящий мачтовый лес. Вся земля осыпана хвоей, островками росла земляника, и молодые люди, срывая ее вместе со стеблями, кормили друг друга пахучей лесной ягодой.

О любви не говорили, сами не знали, что за чувство наполняло их. Часто не вовремя и не к месту произносят эти святые слова и впоследствии разочаровываются.

Лиле студент, конечно, шибко нравился. Он так не походил на местных парней, с которыми ранее приходилось общаться. Все как будто были сбиты на одну колодку, сквернословили, бравируя грубостью, считая ее проявлением мужской силы и смелости, не только в мужской компании, но и в присутствии девушек. И вот, оказывается, есть другие люди, которые говорят о чем-то высоком — искусстве, красоте природы.

Емельяна точно укусила змея, наполнив ядом. Его влекло к Лиле. Он каждый день встречал ее у проходной швейной фабрики.

Между тем студента искали и могли избить до полусмерти. Каким-то образом белоглазый узнал, что его соперник обитает в Доме творчества. Вахтерша тетя Фрося увидела из окна толпу парней и женским чутьем угадала, что они кого-то дожидаются и опасны. Вид у них был угрожающий.

— Студент, не за вами пришли?

Овчинников глянул — точно, за ним, в толпе стоял белоглазый. Собрались не подростки, от которых можно и отмахнуться, а парни.

— Выходите-ка через заднюю дверь, — посоветовала тетя Фрося и громко заговорила, обращаясь к толпе парней. — Вы кого ждете? Уходите! Все командировочные уехамши.

Емельян воспользовался ее советом и избежал мордобоя. Сознание опасности еще более обостряло его чувство к девушке. Все же с белоглазым Овчинников столкнулся на улице, когда тот был один.

— Какой ты парень, если нанимаешь дружков, чтобы меня поколотили! Ты даже не понимаешь, как это гнусно! Коли желаешь, давай сойдемся один на один. Только это ничего не изменит. Девушка имеет право выбора, и она выбрала не тебя, а меня.

5.

Июль близился к концу, и Овчинников предложил Лиле ехать с ним в Питер, поступать в институт. Не мог он уехать, оставив ее этому хмырю белоглазому.

— Но я не готовилась, — заволновалась она.

— В оставшееся время буду с тобой заниматься по 15 часов в сутки, — успокоил ее Емельян.

Лиля познакомила его со своей матерью, Фаиной Савельевной, лет сорока пяти, простой фабричной работницей. Отец давно ушел из семьи и не интересовался ни дочерью, ни сыном Колей — школьником 12 лет. Сказали матери о намерении поехать в Питер. Фаина Савельевна прослезилась и глянула на Емельяна таким доверчивым взглядом, что у него защемило сердце.

— Думаю, вы не обидите мою Лилю.

Через день поезд увозил их на север, и девушка, радостная и смущенная, поглядывала то в окно, то на Емельяна, о существовании которого недавно и не знала. За несколько дней он стал таким близким, что она полностью доверилась ему.

— В университет поступать сложнее, а вот в институт на истфак попроще. Не робей! Смелость города берет! — подбадривал Емельян девушку.

У семьи Овчинниковых имелась пустующая комната в коммунальной квартире на улице Рубинштейна у Пяти углов. В ней и поселились. В последний день сдали документы и засели за учебники. Как и предполагал Емельян, Лиля оказалась способной ученицей, быстро все схватывала и запоминала.

В день экзамена проводил ее до дверей факультета и даже благословил.

— Ежели в аудитории сидят двое-трое экзаменаторов и среди них мужчина, иди к нему. Как ни странно, многое зависит от личной симпатии. А ты не можешь не понравиться, — наставлял Емельян девушку.

Первый экзамен был, правда, письменный — сочинение, и результат узнали только через пару дней. Четверка.

— Что ж, для начала неплохо. Сочинение — коварный экзамен, и многое зависит от проверяющего. Кто любит казенные мысли и слова, кто, напротив, искреннее, свое.

Второй экзамен, историю, сдала на пятерку.

— Как ты и советовал, села к мужчине. Ответила на вопросы в билете. Потом он много задавал дополнительных вопросов. Над одним долго думала. Какие существовали письменные источники в древней Руси? Назвала: летописи. А еще, еще? — допытывался экзаменатор. Казалось, все, провалилась. Потом вспомнила: «Правда». Не поверила своим глазам. В экзаменационном листке стояла пятерка.

Другие экзамены сдавать было проще. Высокие оценки ставили как бы по инерции.

6.

Началась их совместная студенческая жизнь в двадцатиметровой комнате коммуналки у Пяти углов. Овчинников не хотел зависеть от родителей и подрабатывал, писал на улице портреты, хотя отец и мать все же помогали, так что Емельян и Лиля не голодали и даже развлекались.

Пока стояла ранняя осень, объездили все пригороды. Лиле понравился Павловский парк, напоминавший ей родной заволжский лес, дикий, широко раскинувшийся. Петродворец с его фонтанами, как ни странно, понравился ей меньше. Емельян догадался, что, выросшая на природе, она не любит блеск и мишуру.

— Дикарка! — сказал он ей.

Емельян ваял свой идеал женщины, жены и замечал, что это у него получается. Лиля менялась на глазах, исчезали застенчивость, угловатость, и девушка становилась еще краше. В такую легко влюбиться, и тот, кто полюбит, не станет ждать, а сразу попытается сделать отношения предельно близкими. Ну что ж, думал он, влюбится — так влюбится, ничего не поделаешь, лишний должен уйти. Он и сам оттеснил белоглазого.

Не всегда она поддавалась лепке. Привел ее в филармонию на концерт симфонической музыки и заметил, что Лиля откровенно скучает.

— Тебе не нравится?

— Не знаю. Я не понимаю, — прошептала она.

В перерыве стал объяснять ей, что тут не надо ничего понимать, а только слышать красоту звуков и улавливать настроение, которое передает музыка.

— Какой смысл в соловьином пенье? Никакого. Но мы наслаждаемся им. То же самое и в музыкальном произведении. Правда, здесь намного сложнее...

7.

Только через два года проживания в одной комнате коммуналки у Пяти углов в их отношениях наметилось новое. «Нельзя же жить так вечно. Впрочем, почему нельзя? Бывает, и живут так, — размышлял Овчинников. — Возможно, это самое лучшее во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Лиля дает мне ощущение счастья. Этого и достаточно... Нет, надо перешагнуть через так называемое духовное, через себя. Не исчезнет ли оно, уступив место одному животному влечению?.. Как у других просто. Я же все слишком усложняю». Таким размышлениям не было конца.

Лиля в разговоре часто упоминала имя Альберт. Поначалу Овчинников пропускал мимо ушей, затем насторожился — уж слишком часто звучало имя. Спросил:

— Кто такой Альберт?

— Сокурсник. Очень способный парень. Такие доклады делает на семинарах! На уровне доцента.

— Он тебе нравится?

— В общем — да, — ответила Лиля, не покраснев.

Укол ревности почувствовал в своем сердце. Он лепит, а его лепкой воспользуется другой.

В воскресный день они проснулись поздно и лежали, думая: «Хорошо, что не на занятия. Можно и поваляться». В будни вставали рано и, позавтракав, каждый спешил к своему месту.

За окном был май.

— Прочь из каменной ограды на природу! — Емельян решительно сбросил с себя одеяло и в одних трусах и майке затопал по комнате, по-солдатски быстро одеваясь.

Такое же нетерпение охватило и Лилю.

— Куда тронемся?

— Конечно, в Павловский лес, — она называла его не парком, а лесом.

До Витебского вокзала рукой подать. Через несколько минут тряслись в электричке, а через час уже брели по аллеям. Лилия удивилась: середина мая, а березы только начали распускаться. В ее городе об эту пору деревья уже шумели полной листвой. Неужели весна в этом году запаздывает? Потом догадалась: ведь это север, и здесь все распускается на несколько дней позже. Все дышало первозданностью, свежей зеленью.

— Стой! И не шевелись! — Емельян захватил альбом и карандаши. Несколько штрихов — и готов портрет. Он писал ее с натуры и по памяти. С каждым разом портреты получались лучше, или Лилия становилась все краше. Закончив, показал ей портрет, не дожидаясь ни похвалы, ни порицания. Разглядывая портрет, она прижалась к его плечу грудью, и тут в порыве Емельян обнял ее и спросил:

— Лилия, ты будешь моей женой?

Она кратко ответила:

— Да.

8.

Непросто переступить через духовное. Никто бы им не поверил, что между ними не было близости: ведь жили два года в одной комнате. Поехали на родину Лили, где намеревались венчаться в церкви.

По старой памяти Овчинников поселился в Доме творчества. Лилия, понятно, — у своей матери. Постаревшая Фаина Савельевна, как водится в таких случаях у матерей невест, всплакнула. Брат Коля за то время, когда не виделись, вытянулся в росте, и на горле выпер кадык. Голос стал как у молодого петуха по осени.

В городе произошло великое событие: построили железобетонный мост, соединивший берега Волги. Но монастыри и церкви еще сильнее обветшали, и деревья на их стенах и крышах вытянулись еще больше. И только Волга в тех же берегах несла воды к Каспию. Сколько воды утекло за два года!

В субботний вечер пошли в летний сад на танцы. Играл тот же оркестр, но молодежь веселилась другая. Лилины сверстницы повыходили замуж, и им уже не до танцев. Белоглазого Емельян тоже здесь не встретил. Женился или куда-то уехал.

Съездил в заволжский храм, чтобы договориться с батюшкой о венчании. Храм стоял на возвышенности посреди села. От него лучами расходились посадки. Рядом с церковью небольшой домик священнослужителя. Постучался — вышел старенький небольшого роста попик в рясе, которую он, по-видимому, никогда не снимал.

— Батюшка, я хочу со своей невестой венчаться в вашей церкви. Слышал, что она никогда не закрывалась, даже в страшные тридцатые годы.

— Много раз пытались ее закрыть. Но преданный вере народ отстоял, — по-волжски окая, заговорил священник. — Как вас зовут, молодой человек?.. Какое прекрасное имя! Ваше намерение, дорогой Емельян, достойно всяческих похвал. Брак должен быть освящен Богом. Но... нужны ваши паспорта.

— А без паспортов нельзя?

— Никак невозможно. За нами следят, — шепотом произнес священник.

«Боже мой! — воскликнул про себя Овчинников. — Ведь не тридцатые, не сороковые, не пятидесятые, а семидесятые — и до сих пор доносы. Власть, видно, не может существовать без соглядатаев. Неужели струшу?» Он в самом деле почувствовал неуверенность. Может быть, не стоит затевать венчание? Зачем напрашиваться на неприятности? Но, укрепляясь духом, твердо заявил себе: «Что бы там ни было, но я повенчаюсь с Лилей».

9.

В день венчания Овчинников нанял такси, и они с Лилей в сопровождении двух свидетелей — молодоженов, знакомых невесты — по новому мосту поехали в Заволжье к престарелому батюшке в церковь Вознесения. На Лиле было белое платье, так шедшее к ней, Емельян одет в черный костюм и белую рубашку с ярким галстуком. Пока ехали, пробовали шутить — не получалось. Понимали важность происходящего, и было не до шуток.

День был воскресный, солнечный. Разумеется, солнце светило для них. В церкви, где негусто стояли молящиеся, в основном старушки, проходила обедня. По завершении ее народ двинулся к выходу, но, узнав о предстоящем венчании, вернулся. Более того — слух распространился по всему селу, и в церковь валом повалил и стар, и млад. Несколько лет обряд венчания не совершался здесь. Это придавало торжественность происходящему, так что жених с невестой заволновались и стояли как в тумане.

— Невеста как цветочек.

— Красивая пара, — перешептывались люди.

Лиля светилась внутренним огнем. Радовался и замирал от счастья Емельян.

Завершив обряд, батюшка сказал несколько простых слов о любви между супругами, верности, чадолубии. Народ расступился, и по узкому проходу молодожены пошли к выходу, где их с нетерпением дожидался таксист, думая о своем, — затянулось венчание, срывался его воскресный заработок, надо накинуть лишний червонец. Стоявший по обе стороны узкого прохода народ кланялся молодым, желая счастья, дарил цветы. Цветы клали и к их ногам. В ответ они тоже склоняли головы и благодарили. Ни Емельян, ни Лиля не ожидали такого торжества.

— И я хочу венчаться, — сказала Лилина подруга своему мужу, так ей все понравилось.

После поехали в ЗАГС. Там скопился народ на регистрацию. Заняв очередь, вышли на улицу, чтобы не слышать избитых фраз, которые произносила депутат горсовета, полная нарядная женщина с красиво уложенными волосами. Вместо таинства здесь происходила обыденная процедура регистрации, о которой так и говорили: пойти в ЗАГС расписаться. Как в ведомости на зарплату. Улучив момент, Емельян вошел в здание и шепнул чиновнице, тоже нарядной даме, что они уже венчались в церкви и им от них нужно только свиде-

тельство о браке. Он старался говорить мягко, чтобы не обидеть ее. Но какое выражение обиды выступило на лице женщины — точно ее оскорбили!

— Вот еще верующие нашлись! И это современные молодые люди! — с гневом произнесла она, но все же пропустила их вне очереди в зал, где они расписались в регистрационной книге и получили свидетельство о браке. Все время с лица женщины не сходило выражение обиды.

Свадьба у них была тихая, не в кафе, не в ресторане, а прямо в маленькой квартирке Фаины Савельевны, и присутствовало на ней чуть больше десяти человек, ближайшие родственники.

10.

Все лето они провели в городе на Волге у Фаины Савельевны, как муж и жена. Прожив два года в одной комнате, они словно и не знали друг друга.

Никогда прежде не охватывало Овчинникова такое вдохновение, как этим летом. Рано утром, оставив спящую жену, выходил на реку и писал красками с натуры.

Лодки стояли у берега полузатопленные и догнивали. Нужда в них отпала с открытием моста. Прежде на лодках жители переплывали реку по хозяйственной надобности. В дремучем заволжском лесу собирали грибы, малину, чернику, бруснику, в начале осени — клюкву, изобиловавшую на болотах.

Емельян и Лиля, вооружившись корзиной-лубяной, отправлялись в лес тоже по хозяйственной необходимости и приносили Фаине Савельевне разные ягоды, из коих она варила варенье, не для себя, а им на зиму.

Забредя в глушь, стоя на коленях, Емельян собирал чернику, от которой пачкались пальцы. Неподалеку срывала ягоды жена, одетая в брюки и поношенную кофточку. Губы ее потемнели от ягод. Она показалась ему такой желанной, что, не в силах сдерживаться, подошел, обнял и уложил на землю. Сосны над ними раскачивали свои вершины. А еще выше плыли, не задевая солнце, белые облака. В мире были только они двое да великая мать-природа — и больше никого. Неужели всегда будет такое счастье, думал Емельян, слыша, как ритмично, гулко билось сердце в груди и, вторя ему, стучало сердце любимой. Такое, наверно, блаженство испытывали в раю первые люди.

В конце лета, нагруженные тещиными банками с соленьями, варениями и сушениями, отбыли в Питер, где их ждало серьезное испытание. Не в раю они пребывали, а на грешной земле.

11.

Лиля вернулась из института заплаканная.

— Емельян, меня исключили! — крикнула она, кидаясь к мужу.

— За что? — удивился он. — Ты ведь вовремя сдала все экзамены и зачеты.

— Да, вовремя. В приказе сказано: за антиобщественное поведение. Я так думаю, за венчание в церкви.

Емельян согласился:

— Конечно, за это.

Из ЗАГСа, где он неосторожно сказал несколько слов, или из райкома, контролирующего церковь, сюда пришло сообщение, что такие-то молодые люди венчались в

церкви. А как с ними поступить — решать на месте, и Лилию по всей строгости наказали, исключив из института.

— Ты пробовала объясниться?

— Я не в силах вымолвить слово. Прочитала приказ — и сразу к тебе.

— Не плачь. Поехали.

У декана проходило какое-то совещание, и пришлось долго ждать, Емельян ходил взад-вперед по коридору, расплескивая негодование. Лиля сидела на стуле с грустным лицом, но не плакала. Муж запретил ей плакать. В конце концов, секретарша пропустила их к декану. За столом сидел средних лет мужчина с ясно проступающим на лице выражением идейности. Емельян старался говорить спокойно, но голос его дрожал:

— Во всем виноват я. Это я настоял на венчании. Жена же моя здесь ни при чем.

— В таком случае вы здорово подвели жену. Вы забыли, что она учится на идеологическом факультете, где нельзя терпеть инакомыслия и антиобщественных поступков, — говорил декан неприятным голосом. — Ничем не могу помочь. Я свои приказы не отменяю, — и под конец немного утешил: — Может быть, через два-три года разрешим вам восстановиться на вечернем или заочном отделении.

Овчинников понял: уговаривать его бесполезно.

— Нет, мы сюда больше не придем, — круто повернулся на каблуках, как солдат, и, взяв жену за руку, вышел из кабинета.

Лиля готова была снова разрыдаться.

— Не плачь! — строго приказал Емельян. — Знания, которые ты получила, у тебя не отнимут... Нам повезло жить в относительно либеральное время. А как бы с нами расправились живи мы в тридцатые, сороковые или даже в пятидесятые годы, если бы мы осмелились венчаться? Судили бы или сослали, куда ворон костей не носит.

С самим Овчинниковым поступили иначе. Не журил его декан, только разобрали на бюро комитета комсомола, да и то чисто формально. Его учеба близилась к завершению.

Лиля пошла воспитательницей в детский сад. Она ожидала ребенка. Овчинников по завершении учебы не стал вольным художником, а тоже отправился работать преподавателем в художественное училище. Творчеством занимался в свободное от службы время. Работа преподавателем давала ему творческую независимость и средства для жизни.

Семья росла. За первым сыном через полтора года родился второй. Квартиру купили в кооперативе.

12.

Поначалу кажется, что жизнь бесконечно долгая. Но время летит с ускорением, и где-то под пятьдесят человек замечает, что сдает, энергия иссякает. Тогда-то и появляются мысли о бренности земного существования. Хвори разные одолевают.

Старение Емельяна и его жены Лили совпало с резкими переменами в обществе. Идеология, которая давила на мозги не одного поколения разом лопнула. Вдохнули с облегчением. Свобода самовыражения! Но вслед за свободой пришло обнищание. Крепко задумаешься: что лучше — ограничение свободы и материальный достаток или безграничная свобода и неуверенность в завтрашнем дне. Что самое удивительное — у власти оказались те же самые люди, и прежде мертвившие жизнь, но теперь руководившие под вывеской поборников демократии. Овчинников, глядя на них, досадовал и смеялся. Как вы могли забыть свое прошлое? Ежели искренне раскаялись, то ступайте в мона-

стырь замаливать грехи свои. Жив ли декан, исключивший Лилию из института только за то, что она, вступая в брак, венчалась в церкви?.. Он насквозь видел темные душонки этих прихлебателей-приспособленцев, готовых не раз сменить убеждения. Впрочем, убеждений-то у них никаких и не было, кроме собственной выгоды. Чтобы повластвовать, расчленили великую страну.

Это был сильнейший удар для Емельяна Платоновича Овчинникова. Даже стал попивать с горя, но вовремя остановился. Детей надо учить, ставить на ноги, да и жена Лиля серьезно захворала. Он выстоял, а она, хрупкая женщина, занедужила. Что на нее так подействовало? Сырой холодной осенью простудилась, и начался сильный кашель, который не проходил. Отправил ее в родной приволжский город к брату Николаю, подальше от гнилого питерского климата. Сюда они приезжали почти каждое лето и, пока жива была теща, гостили у нее месяцами. Емельян тоже считал этот город своим.

Овчинников приехал навестить жену на Новый год и Рождество и застал ее сильно похудевшей. «Ей не дотянуть до весны», — подумал он и так расстроился, что сам чуть не заболел.

Город был заметен снегом, его никто не убирал. Через замерзшую Волгу ходил народ. У опор моста вода не замерзала, и от нее поднимался парок.

Одевшись потеплее, Емельян и Лиля бродили по городу, пришли и в заснеженный сад, где впервые увидели друг друга. Овчинников так ясно представил себе эту картину, что зима как будто исчезла, воцарилось лето, а у танцевального круга стояли две симпатичные девчушки. Продолжалось это видение недолго. Потом все исчезло — и снова снег, снег. Эстраду, где играл оркестр, почему-то сломали. Посмотрел на жену, державшую его под руку: лицо оживилось улыбкой, тоже вспоминала тот летний вечер...

Хотелось погостить подольше, но ждала работа.

— Крепись до весны. Весной тебе станет лучше, — сказал он ей на прощанье и уехал. Лилия осталась одна, похудевшая, постаревшая.

Звонили друг другу по два-три раза на дню. Жена интересовалась делами сыновей. Оба уже выучились, женились и работали.

Миновал январь с лютыми крещенскими морозами, когда на улицу носа не высунешь, прошел февраль с метелями, заметавшими дома по самые карнизы. Начался март. Март, хоть и считается весенним месяцем, на самом деле зимний, и морозы жмут под двадцать, и снегу наваливает под самую печную трубу. Но когда появляется солнце, опухивает весной, и в последнюю неделю трогаются снега. Самая волнующая пора — таяние снега, водополье. В небольшом городе, как в деревне, природа не отгорожена от человека и все на виду. Ручьи превращаются в реки и торопятся в Волгу. Тропинки, проложенные через нее зимой, становятся опасны. Но беспечный народ ходит и ходит по ним, пока кто-нибудь не провалится.

В это самое время бурного таяния снега Лилия слегла окончательно, не звонила и не отвечала на звонки. Сообщил брат Николай, что ей худо.

Емельян приехал в тот же день. Он не рыдал, не бегал по врачам, не просил помочь — все было бесполезно. Не отходил от жены ни на шаг и держал ее за руку. Ему казалось странным, что она уйдет, а он останется. Так крепко они срослись. Он изваял ее по своему идеалу. И что бы ни случилось дальше, он будет знать: в его жизни была любовь. Была... Наверное, потому, когда по прошествии времени Лилия стала являться перед его внутренним взором так ясно, что хоть касайся, художнику не представлялось это странным...

Ирина

ГРИЦУК-ГАЛИЦКАЯ

Родилась в Ярославле в 1939 году. Закончила Ярославский пединститут. Первая публикация в Ярославской молодежной газете «Юность» в 1966 году положила начало корреспондентской работе. Публиковалась в газетах «Юность», «Северный рабочий» и заводских многотиражках.

В 2000 году в газете «Городские новости» опубликовала пьесу «По реке плывет топор», в 2001-м там же историческую драму «Князь Федор Чермный». Автор историко-приключенческих романов, объединенных в трилогию «Волнующие красотой» (2003—2005), семейных хроник «Божия коровка, улети на небо...» (2008), исторического романа-исследования «Александр Невский. Триста лет рабства» (2010), книги для детей и взрослых «Стоял Ноябрьш у двора» (2011).

Член Союза российских писателей.

Живет и работает в Ярославле.

Начальник «Бухенвальда»

Рассказ-быль

Забастовка

По моей неопытности и неумению пристраиваться к теплому местечку угораздило меня поступить на работу в цех вулканизации на знаменитый орденосный Ярославский шинный завод.

Цех, куда меня определили балансировать шины и попутно строить коммунизм, носил народное название «Бухенвальд». Там варили покрышки для машин и тракторов.

Голый по пояс и черный от сажи, как черт, вулканизаторщик опускал крышку на нижнюю половину тяжелой формы. А потом, гремя

цепями, аккуратно поправлял ее, чтобы, не дай Бог, вместо дорогостоящей, блестящей, новенькой резиновой крышки не сварить безобразного «козла».

Поплевав на ладони и натянув голицы, мужики-вулканизаторщики с напряжением толкали тяжелые чугунные формы по валкам. Сдвинувшись с места, производя рев и грохот, как испуганные доисторические животные, катились они по конвейеру, одна догоняя другую, чтобы в конце пути скрыться в кипящем парном вулканизаторе, в этой смердящей преисподней, из которой рваными облаками валил насыщенный химикатами пар и доносился стон и скрежет металла.

Позже, когда я уволилась с завода, эта картина часто всплывала в моей памяти и долго стояла у меня перед глазами. Я представляла АД таким же жарким, парным, вонючим местом, грохочущим металлическими звуками, в которых слышались стоны грешников. Мне казалось, что обязательно где-то в глубине вулканизационных котлов должна сидеть Нечистая сила, которая вредит похмельным мужикам и варит им вместо крышек кургузых «козлов». За это рабочих лишали премии, и в день получки они бастовали.

Происходило все так. С шести утра толпились у кабинета начальника цеха, ворчали, глядя в расчетные листочки, сплевывая на пол тягучую голодную слюну. Ровно в восемь появлялся Сергей Николаевич Ермолинский — маленький мужичок, кругленький, подвижный и бесстрашный. Он протискивался сквозь толпу полуголых разъяренных мужиков, раздвигая их совсем не могучими плечами, вставал спиной к дверям своего кабинета и открывал митинг.

— Ну, — грозно, как только может это сделать маленького роста человек, интеллигент в душе и добряк, — чего вы тут собрались?

Толпа начинала гудеть. Задние ряды увеличивали гул голосов и тесно обступали Ермолинского с трех сторон. Перед носом начальника цеха трепетали бумажки с начисленной зарплатой. Он брал из чьих-то рук шершавый серо-голубой листочек и начинал читать, шевеля губами. При этом толпа затихала.

— Чего не нравится-то, Шишкин? — прочтя фамилию вулканизаторщика, удивленно пожимал плечами начальник. — Три дня с прошлой получки прогулял?

— Ну... — протянул Шишкин.

— Баранки гну! — голос Ермолинского окреп. — Ты думал, тебе за то премию дадут и отгул за прогул? А? — Ермолинский подпрыгнул на месте и сравнялся с грудью Шишкина. Тот отпрянул. Толпа немного подалась назад.

— Все понял в своем листочке?

— Да понял, понял я... — недовольный Шишкин нырнул в толпу и исчез.

— А!!! Буханкин, и ты тут! Ты, Буханкин, забыл, как на прошлой неделе в вечернюю смену весело так алкоголем травился прямо под валками. Ты думал, что я уже дома, чай гоняю с женой. А я тут как тут нарисовался! И вместо крышек ты, член бригады коммунистического труда, Буханкин А. П., мне тут «козлик» наварил! Было такое?! Отвечай!

— Ну, было! — Буханкин почесал в затылке.

Ермолинский подпрыгнул, чтобы дотянуться до самых ноздрей длинного Буханкина. Изловчившись, сделал кукиш из трех пальцев и ткнул Буханкину под нос:

— Вот тебе премия, а вот тебе зарплата! Ну, кому еще пояснить, за что денег мало нарисовали?! Тебе, Мухин?

— Нет, Сергей Николаевич, я знаю. Я все уже понял...

Мухин, до того больше всех шумевший, вдруг сник и попятился, ища просвет в толпе.

— Вот вам зарплата, — тряс кукишем Ермолинский, — а вот вам премия, — тыкал он свернутыми пальцами правой руки в виноватые рожи вулканизаторщиков.

— Боря! Телевизор! А ты чего молчишь? По закону, что у нас Трудовым Кодексом называется, тебя за недельный прогул вообще гнать надо с завода!

— Я, Сергей Николаевич, на свадьбе гулял. — Высокий, с крупными чертами лица и плутовской насмешкой в хитроватых глазах Боря вел себя так естественно, что трудно было на него сердиться.

— Смотри, как интересно! Да в ваших Перекопских каморах каждый день гуляют! То свадьбы, то разводы! Кино и немцы, а не жизнь!

— Вот, Сергей Николаевич, я и попал в такую черную полосу. — Боря Телевизор говорил спокойно, с достоинством рабочего человека, который работает так, как ему платят.

Толпа поредела, и те, кто стоял близко к начальнику, остались без поддержки задних рядов.

Я смотрела на Ермолинского и чувствовала, как в душе у меня рождается уважение к этому простому, умному и бесстрашному человеку.

А Ермолинский с удивлением обнаружил свой кукиш, стыдливо убрал его в карман и взглянул на меня.

— Первый день у нас?

— Да. Первый.

— Ну, давай, привыкай.

— Страшно тут у вас.

— Ничего, оббуркаешься. Народ у нас взрывной, но неопасный. Иди, работай.

Я пошла в свой отсек. И, улыбаясь, думала, что сила начальника должна быть не в лукавстве, а в чем-то другом. В простецкой правде, что ли?

Боря Телевизор

Я работала на балансировке уже вторую неделю, но в норму никак не укладывалась. Иногда вполуха я слышала разговоры своих товарок о Боре Телевизоре, тогда они ворковали с нежностью голубей, проживавших на подоконнике нашей маленькой кладовки-конторки.

Об этой кладовке-конторке надо сказать особо. Там на высоко приколоченных полках лежали журналы нашей выработки, табель прихода и ухода со смены и еще какие-то инструкции, начерно покрытые сажей, всегда распыленной в воздухе. Надо честно признать, что эти брошюры никто из нас, работниц участка, не читал и в руки брал только когда приходило начальство с проверкой. Тогда Муза Сергеевна, наш бригадир, статная, красивая женщина с длинными черными волосами, закрученными вокруг головы, и с глазами удивительной голубизны, улыбаясь, доставала эти старые инструкции, стряхивала с них сажу, ударяя книжицей по своему округленному бедру, и с приветливостью доброй хозяйки протягивала в руки главному пожарнику с неблагозвучной фамилией Епишкин. Он отмахивался рукой от облака поднявшейся сажи, важно брал почерневшие листы инструкций и, довольный вниманием красивой женщины, задавал нам несколько дежурных вопросов. Это называлось общим словом «инструктаж», чтобы мы, в случае пожара, не растерялись, а проявили себя как образованные рабочие Великого Будущего. Ведь когда-нибудь оно настанет! А мы — вот они! Все обученные, умелые, и, самое главное, к этому Будущему нас ведет такой замечательный бригадир, с такими крутыми бедрами! Да еще с высоким бюстом и талией, ну, нормальной такой талией, до которой сегодняшним звездам ой как далеко! И, кроме всего прочего, наш бригадир была с глазами, в которых утонуть можно, как в Черном море, если вдруг туда путевку дадут.

Надобно сказать еще об этой конторке-каморке, что в ней стояли бидоны с бензином — разводить сырую резину на случай, если попадется слишком кривая шина и ее потребуется изнутри подмазать и выровнять. Конечно, такая шина задолбает дисбалансом в дороге любого шоферюгу. Но эти шины нужны были нашему цеху, чтобы дотянуть до плана, когда в конце месяца, как правило, не хватало процента.

Еще в нашей конторке был телефон. И это вам не шуточки! Телефонизация нашей великой страны, размазанной по территории Восточной Европы и Азии, шла как-то медленно. Поэтому телефон считался роскошью. И вот такая роскошь красовалась у нас в каморочке. Катя, которая исправляла шины на большом столе, окованном белым металлом, заслышав оглушительно дребезжащий звон переговорного устройства, с важностью брала трубку и долго выясняла, кому звонят и по какому поводу. Потом она высовывала голову из проема двери и истошным голосом, будто заблудилась в лесу, кричала:

— Ау! Девчонки, к телефону!..

Сбалансированные шины мы должны были откатить на склад камерного цеха и после этого доложить бригадиру Музе Сергеевне, что задание выполнено.

Опытные работницы откатывали шины, широко расставляя руки. Касаясь одними кончиками пальцев ребрышка протектора, женщины легонько, можно сказать изящно, подталкивали партию, в которой были пять или шесть шин. А шины, чувствуя себя в руках профессионалов, так же легонько и весело бежали по длинному и широкому проему цеха, закругляя свой бег на поворотах и не позволяя себе ни отстать, ни рассыпать строй. Это был высший класс виртуозности.

Три колеса я еще могла осилить, цепко и судорожно держась за края их протекторов, чтобы не раскатились в разные стороны, но откатить пять или шесть готовеньких шин — увольте! У меня длины рук не хватало!

Я хмурилась из-за того, что не успевала опять справиться с заданием, а Муза Сергеевна смеялась. Она рассказывала новость про очередное приключение Бори Телевизора. Кто-то стащил шнурок из его рабочего ботинка. Теперь Боря ходил так, что его стоптанный ботинок, не менее чем сорок пятого размера, соскользнув, бежал впереди хозяина, а Боря Телевизор, человек огромного роста, прыгал за ним следом на одной ноге.

Тем не менее, посмеиваясь, Муза Сергеевна зорко наблюдала за всеми, в том числе и за мной. Большинство женщин уже убирали каждая свое рабочее место, не спеша, с большим удовольствием обдували свою спецовку и рабочие тапочки воздухом из шланга.

А возле меня с двух сторон стояли стопки покрышек и камер. Их надо было еще сбалансировать, совместить, и хорошо, если при закрутке колпачков злая металлическая заноза не вопьется в кожу. Ну, а если вопьется, то вообще беда. Пока вытащишь ее, высасывая из пальца и обкусывая место травмы, драгоценное время уходит.

Вот уж скоро вторая смена, а я со страхом чувствовала, что не успеваю освободить ко времени станок!

Муза Сергеевна как бы невзначай покатила мои готовые покрышки на склад. Нина Сапожникова подошла, мигом вникла в ситуацию: где у меня лежат покрышки, а где камеры — и начала ловко комплектовать шины. Надувая их воздухом, быстро вставляла золотник и откидывала шину в сторону, а Катя, вынув из своего кармана колпачки, так же ловко, как Нина Сапожникова, прикручивала их на место. Когда я поставила мелом последнюю риску на последней камере, возле меня уже было пустое пространство. Бабенки молча откатали всю мою норму и ушли. Последнюю пару шин я без труда откатали сама и, утерев лицо белой тряпицей, ругая себя за нерасторопность и неумение работать, пошла в душ, где уже мылась вся наша бригада.

Когда, намытые, причесанные и приодетые по тогдашней рабочей моде, мы вышли из ворот цеха, никто бы со стороны и не подумал, что идут самые что ни на есть работяги, только что вручную выполнявшие тяжелейшую и грязнейшую работу. Но ведь каждая из нас была женщиной! И не просто женщиной, а русской женщиной! Мы строили Коммунизм. Мы должны были соответствовать Великому Будущему!..

Вышагивая на тонких шпильках и чувствуя невыносимую боль в стопах ног, честно отстоявших, открутившихся, отбегавших восемь часов, мы не подавали виду, что устали. Мы улыбались, потому что шли домой к семьям, с которыми в своей тягловой жизни делились реже, чем с орденоносными покрывками.

«Нет, Сергей Николаевич! — упрямо и зло думала я. — Нас не оббуркаешь так просто».

Мы всеми силами желали быть прекрасными женщинами, и, ей-Богу, мы были ими!

Настало время, когда я все-таки научилась работать, как все: и норму выполняла, и чувствовала себя вполне обустроенно. Однажды в бригаду к нам поступила новенькая балансировщица Клава с Перекопа. Она была маленького росточка, худенькая, но жилистая и бойкая. Из числа людей, всю жизнь проживших в знаменитых корзинкинских каморах, неизбалованная, необласканная рабочей властью, но владеющая долей вольности и потому с крутым норовом. Про таких говорят: «Палец в рот не клади — откусит».

В цех Клава пришла не одна, а с мужем Николаем. Таким же низкорослым, худощавым, как и она сама, и таким же бойким и острым на язык. Одно слово — Перекоп!

Катя, что выправляла кривые покрывки в конторке-каморке, надышавшись бензина, решила дать себе перерыв и, едва держась на ногах от усталости и дурного запаха, поползла в наш отсек.

Она долго стояла, прислонившись к стене и наблюдая за нами, копошащимися у своих станков.

— Клавк, а ты молодец! Быстро освоилась! — похвалила она Клаву с Перекопа.

Новенькая Клава не замедлила с ответом:

— Жилы порвем, а до Коммунизма дойдем! У меня и маманя была партейная, ой, какая спорая была! — прихвастнула Клавка.

— Зачем же жилы-то рвать? — Усталость Кати немного отступила, и стало видно, как мелко трясется ее голова.

— Тебе работу менять надо, подруга, а то под старость ложку в руке держать не сможешь. А какая ты баба, к дьяволу, коли и руки, и голова в трясучке! Ни одному мужику не нужна будешь!

Катя насторожилась. Она и сама уже замечала, что голова у нее стала трястись от долгой работы с парами бензина. И все это видели, но молчали, чтобы не расстроить хорошую бабенку. А тут Клавка с Перекопа, человек откровенный и прямой, как деревенский дрын, выложила все, что увидела. Катя не сдержалась.

— Подумаешь, мужикам не нужна! Еще неизвестно, какой подкатит! Вот ежели как твой, такого и даром не надо.

— Это почему же? — прищурилась Клава.—Худ мой Устим, да лучше с ним. Так, бывало, маманя говаривала!

— Да уж больно маленький да плюгавенький твой Устим! — не отставала обиженная Катя.

— Эх, подруга! Мала х... я, да своя. А у тебя и такой-то нет!

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не подоспела Муза Сергеевна и не увела Катю в конторку.

Почувствовав сухость во рту, я пошла в соседний цех глотнуть холодненькой газировки и вдруг увидела Борю Телевизора в выгоревших сатиновых штанах с ярко-серыми

заплатами на ягодицах. Такие огромные прямоугольные заплаты, аккуратно закругленные на уголках, пришитые заботливой женской рукой.

Мы одновременно подошли к сатуратору и встали, пропуская друг друга.

— Не стесняйся, пей, чай, во рту-то пересохло, — улыбнулся Боря, стяхивая руками белый тальк с рабочей робы и с тех самых заплат.

— Пересохло, — согласилась я и нацедила холодной, освежающей влаги с озорными пузырьками в черный резиновый стакан.

Холод схватывал горло, пузырьки лопались во рту, и мне хотелось продлить удовольствие, но надо было уступить стакан Боре, тоже умиравшему от жажды.

Боря в два глотка осушил стакан воды, потом нацедил еще си опять проглотил в два глотка. Поставил черный стакан на место и пошел, не оглядываясь. Я рассеянно смотрела ему вслед, и тут до меня дошло, почему нашего Борю зовут Телевизором. При ходьбе ягодицы его слегка двигались одна относительно другой, и заплаты штанов с округленными углами тоже двигались, будто экраны телевизоров, поставленных на профилактику.

А потом я увидела, как невесть откуда взявшаяся Клавка остановила его и что-то стала говорить, улыбочиво и даже кокетливо. Боря немного послушал, сказал:

— Эх... Перекоп!..— плюнул себе под ноги, гордо поднял голову и, отмахнувшись от Клавки, как от мухи, пошел дальше, сверкая экранами своих штанов.

Я поспешила к своему станку, тихонечко смеясь.

Клавка пронеслась мимо меня, громко и недовольно ворча:

— Ровно!.. Засранец!.. Ну, погоди! — и быстро скрылась с глаз, повернув в наш балансирующий отсек.

Как кошки сношаются

Муза Сергеевна, держа в руках кусочек мела, ловко балансировала крышки из моей партии.

— Муза Сергеевна, я пить в камерный цех ходила, — начала оправдываться я.

— Ходила так ходила... Ты вот что... Подработать хочешь? Понимаешь, я бы не стала тебе предлагать, но некому крышки сегодня загружать. Бригада собралась, трое всего, но надо четвертого. Обязательно,— Муза Сергеевна оценивающе осмотрела меня так, как, наверное, осматривают лошадей на сенном базаре.

— Надо на ночь оставаться? — спросила я, чтобы как-то скрыть свое стеснение.

— Надо. Зато заплатят за смену восемь рублей шестьдесят копеек... — Муза вздохнула, то ли оттого, что ей было жалко отправлять меня еще на одну смену, без перерыва и в ночь, то ли понимала, что и деньги-то невелики. — Это уже с вычетом налога,— торопливо добавила она.

— Я на том участке не работала еще...

Дополнительные деньги — это хорошо, ведь их всегда не хватало. И мы, женщины, часто занимали и перезанимали до полочки, выручая друг друга. А тут — восемь рублей шестьдесят копеек! И главное, их выдадут сразу, как смена закончится! Значит, домой утречком с денежкой приду, и чего-нибудь вкусенького можно будет купить. Например, пряников или целый килограмм «ландрина». Конечно, промелькнуло у меня в голове, можно бы и колбаски купить, да где же?! Хорошо, если пельмени в соседнем магазине «выкинут».

— Я согласна!

— Ну, и хорошо. Только вот что,— Муза перевела дыхание,— надо будет в месяц отработать восемь таких смен. Иначе больше никогда не возьмут в бригаду на подработку.

— Я отработаю,— согласилась я, еще не осознавая цены этого труда.

После смены я перешла на другой участок, подошла к бригадиру и представилась. Вот, мол, я, пришла помогать покрышки катать. Бригадир посмотрел на меня с какой-то жалостью и поставил в строй.

Работа простая. Откатывать горячие покрышки от вулканизатора и сбрасывать их вниз, на первый этаж.

— А там куда? — с любопытством и готовностью спросила я.

— А там уже не твоя работа. Ты только запомни, что через каждые сорок минут вы отдыхаете. Отдыха вам — двадцать минут. Поняла? Трое работают, один отдыхает. Смотри, от рабочего места далеко не уходи. Здесь дорога каждая минута.

Зарботал конвейер, запрыгали покрышки, подхваченные одной из наших работниц. Горячие, парные, они катились к следующей работнице, которая сортировала их по размерам, обрезала резиновые сосочки железной вилкой и приставляла к стенке, а третья работница откатывала к дальнему окну, возле которого был сооружен узкий пандус. Покрышки должны были по очереди скатываться туда, на первый этаж, где их подхватывали мужики и грузили в вагоны.

Первые двадцать минут меня посадили отдыхать. Это означало, что со смены я уйду в последнюю очередь.

Ровно через двадцать минут работницы поменялись местами. Теперь мое место было у конвейера.

— Эй, насада! Чего сидишь, иди работай! — крикнула мне здоровенная бабеха, отходя от конвейера.

Я не успела вовремя занять ее место, и покрышки, почувствовав волю, запрыгали вокруг меня, падая и наваливаясь кучей. Напрасно пыталась разобрать их, откатить, они сваливались с черной ленты, будто выполняли чей-то страшный приказ, послушаться которого было нельзя.

Вулканизаторщик увидел завал. Остановил конвейер, матерясь, подскочил, чтобы побыстрее разобрать. Другие женщины в это время доделывали свою работу. Им повезло. Они могли передохнуть.

Когда вдвоем с мужичком мы разобрали покрышки, он подмигнул мне и включил кнопку конвейера.

Через несколько минут мы с бабенками поменялись вновь. И я покатила покрышки к окну, чтобы сбросить их вниз, по пандусу, прикрытому серой кордовой тряпичей.

Я кидала, не видя, куда они летят с высоты второго этажа и кто их принимает там, на первом. Только слышала криканье и ругательства мужиков.

Я даже повеселела. Потому что катать покрышки я уже умела, а сбрасывать вниз не составило труда. И вдруг слышу:

— Эй, мать-перемать! Потихе кидай.

Голос мне показался знакомым, и я крикнула в пустоту, прикрытую серой тряпичей:

— Быстрее поворачивайтесь!

— Быстро только кошки сношаются, — ответил мне снизу голос Бори Телевизора.

Я немного подумала и крикнула вновь:

— Не сношаются, а совокупаются!

— Ишь! Какая умная! А наши кошки просто еб... тся!

— Ой! — вскрикнула я, не зная, что ответить. И тут подошла очередь меняться.

К концу смены, когда я присела на стул отдыха, то почувствовала, что мышцы мои обмякли. Я хотела пить, но дойти до фонтанчика не могла. Я положила голову на руки и чуть не заплакала. Мне не было жаль себя, мне было стыдно перед людьми, которые взяли меня в бригаду. Меньше чем через двадцать минут надо будет подняться и идти

работать, а мне не встать ни за что и не отработать самые последние двадцать минут. И значит, я подведу всех: и бригадира, и Музу Сергеевну, и весь поток. Подошел бригадир:

— Что? Устала?

— Мышцы не слушаются, — я чуть не расплакалась.

Он принес мне газировки в черном резиновом стакане:

— На, выпей.

Я глотнула, и медленно-медленно холодная влага стала растекаться по измученному телу. Большие круглые часы отсчитывали время до моего позора. Я была уверена, что мне не отработать эту смену до конца.

Большая стрелка щелкнула. Я встала. Из всей бригады я осталась одна. Надо было откатить шины и сбросить их вниз к вагонам.

Я слегка пошатнулась, но стиснула зубы и пошла к своему рабочему месту. Пять покрывшек в руках. Подушечки пальцев ощущают ребрышки протектора.

— Пошли, ребята, пошли!

Я разговаривала с покрывками, как с живыми. И мне казалось, что они понимают меня. Ни одна не укатилась в сторону. Все шли ровненько, как на параде. Потом еще одна катка к пандусу, потом еще, и еще, и еще. Я не заметила, как большая стрелка часов остановилась на цифре «6».

Я не поверила. Все? Сняла с себя фартук, свернула его аккуратно и пошла в душ.

— Эй! Постой! — крикнул вслед мне бригадир. — Возьми деньги.

— Деньги? Давай! — Я сжала в кулаке восемь рублей шестьдесят копеек, выпрямила спину и, стараясь не заплакать, пошла так, как должны ходить женщины, у которых в жизни все как надо!

В проходной я столкнулась с Ермолинским.

— С ночи? — недоверчиво спросил он.

— Да. От конвейера!

— Не смей больше делать этого.

— Почему, ведь я заработала восемь рублей и шестьдесят копеек! — Мне очень хотелось кому-нибудь наругать.

— Эта работа не для таких... Эх,— махнул он рукой и прошел на завод. А я поплелась домой, еле передвигая ноги. Надо было выспаться и к двум часам опять на смену.

Поджог

«Не все так хреново на этом свете», — думала я, глядя, как собирают на нашем участке импортную балансировочную линию.

— Ну, теперь держись, бабы, или сократят нас наполовину, или конвейер запустят так, что у задницы кругло будет, — с любопытством разглядывая технику и монтажников в немецких костюмах-комбинезонах, предрекала Клавка с Перекопа.

— Да уж, норму прибавят, это факт, — ворчали бабенки.

Когда заработала линия и посыпались с конвейера отбалансированные автоматом шины, уже не мелованные в месте дисбаланса, а помеченные красным кружочком импортной красной краской, никого не сократили, потому как откатывать готовые шины немецкое чудо за нас не будет. Правда, норму хорошо прибавили. Но человек ко всему привыкает, приспособливается, принаравливается. Приспособились и мы. К нам водили прессу, показывали чудо немецкой техники, и мы позировали, как кинозвезды.

Ровно в одиннадцать часов приходил наладчик и останавливал линию, чтобы отпустить нас на обед.

В тот день наладчик задержался, а покрышки валились и валились с ленты конвейера. Муза Сергеевна крикнула Кате, чтобы она бросала свою вредную работу и шла в столовую занимать очередь для нашей бригады, мы, мол, подойдем попозже.

Катя, мелко трясая головой, ушла, а мы все еще работали, замечая, что покрышки стали реже тянуться по ленте. Это означало, что там, где их загружают, тоже пошли на обед.

И вдруг одна из наших бабенок как закричит:

— Девки! Горим! — и показывает на конторку, где, переливаясь всеми оттенками оранжевого цвета, полыхает огонь.

— Бежим вниз! — завизжала Клавка с Перекопа. — Сгинем все! Сгорим! Бабы, атак! — и бросилась бежать вниз по лестнице.

Совсем не думая о том, что там, где разливался пожар, стоят бидоны с бензином, я бросилась в конторку к телефону. Окно было открыто. На полу тлела толстая палка, обмотанная тряпьем. Муза Сергеевна следом бросилась к окну и быстро захлопнула его, она-то знала правила противопожарной безопасности.

Я накручивала диск телефона 01. Взгляд бригадира задержался на чем-то. Внизу под окном был навес, запорошенный снегом, а по снегу тянулась цепочка следов от угла навеса к окну. Самое главное, что увидела Муза Сергеевна, — ботинок Бори Телевизора. Тот, без шнурка, что все время сваливался с ноги Бориной и бежал вперед. Он и тут, видимо, свалился с ноги, когда его хозяин спрыгивал с навеса в сугроб.

На том конце провода женщина все расспрашивала, где горит, в каком цеху, на каком участке, на каком этаже, а потом долго не могла записать мою фамилию. Все переспрашивала и переспрашивала. Я увидела, как в каморку сбегались бабенки, на ходу срывая с себя тяжелые, пропитанные сажей и тальком фартуки. Они накрывали ими огонь, который начал было расплзаться по полкам и стенам. Женщины били его тряпьем и прижимали руками, не давая огню пищи, а другие сбивали его со стен.

Когда прибежали пожарные в касках и с брандспойтом, от пожара остался вонючий дым и гарь обожженных полок и стен.

— Ну, вы тут дорабатывайте, а мы в столовую пошли, — сказала Муза Сергеевна пожарникам, — там Катя нам очередь держит. Пошли, подружки!

Всегда добродушный Епишкин вдруг прикрикнул каким-то незнакомым командирским голосом:

— Стоять! Никто никуда не уходит! В столовую они пошли!..

Сергей Николаевич Ермолинский молча смотрел на нас. То ли удивленно, то ли восхищенно.

— Епишкин, ты вот что. Ты, Епишкин, девчонок не держи. Дай им поесть. Вон какую работу они сотворили. Без воды... без мужиков... Идите, девчонки, идите, пообедайте. А мы тут разбираться будем, — поднимая обгоревший факел, уже строго произнес наш начальник.

Борин ботинок

Пока мы обедали, пожарная комиссия обследовала участок, в том числе и навес под окном конторки. Конечно, ботинок Бори Телевизора нашли, следы на снегу совпадали со следами ботинка. А это уже улика.

Муза Сергеевна больше не улыбалась, а все как-то хмурилась и рассеянно командовала нами. Да мы-то понимали, что она Борю жалеет. В душе у каждой из нас поселилось нехорошее чувство: гори он синим пламенем, этот завод, где работа тягловая, где оплата

мизерная, где на пенсию отпускают отравленных парами бензина женщин в сорок пять лет, потому что дальше болезнь быстро прогрессирует... Одним словом — Бухенвальд. А с другой стороны, нет ничего крепче и сплоченнее рабочего коллектива, где молча помогают друг другу, где задарма выручают и советом, и делом, и скромной рабочей деньгой. И главное, никто не ждет благодарности за это. Рабочая семья — так можно назвать отношения в здоровой бригаде. Борю всем было жалко, потому что никто не верил, что поджог мог совершить он.

Только я почему-то сомневалась в его невиновности. Дело в том, что с работы и на работу мы с Борей всегда ездили в одном автобусе. Только он садился на Перекопе, в начале маршрута, поэтому сидел с комфортом где-нибудь у окошечка, а я заходила в автобус в середине маршрута и стояла на задней площадке, где было так тесно, что можно выдохнуть у себя воздух, а вдохнуть уже не получалось. И вот так, тесно прижатые друг к другу, мы ехали на завод делать норму и строить свое «светлое будущее».

В тот день, когда произошел пожар, нас отпустили с завода позднее обычного—допрашивали, допрашивали и еще передопрашивали.

Я ехала домой в почти пустом автобусе, потому что одна смена уже уехала, другой было еще рано на работу.

Подъезжая к дому, я увидела Борю Телевизора, который входил в автобус почему-то не у завода, а на моей остановке. Значит, пока нас допрашивали, он куда-то улизнул, где-то побывал? Странно... Эта мысль не выходила из головы все время, пока велось расследование.

Сомнения относительно Бори Телевизора и его поступка внезапно рассеялись. А случилось вот что.

Мое место у линии рядом с входом в конторку. В тот день Катя ушла на бюллетень. За моей спиной чернели еще не покрашенные обгоревшие стены. Время от времени туда заходили важные посторонние люди с папками в руках. Угловым зрением я их всех видела. И вдруг совершенно неожиданно на участок присеменил муж Клавки Перекопской. Он, по-хозяйски обхватив сзади тонкую шею своей жены, затолкал ее в конторку, прижал к еще не окрашенной черной стенке и громким шепотом, трясая перед ее носом кулачком, закричал:

— Ах, ты, шалава! Куда бы мы с тобой ни устраивались, везде себе хахалю найдешь!

Клавка не испугалась, а вывернулась из-под руки своего благоверного и, качая острыми худыми бедрами, коротко сказала:

— Ну, ты, молчи, а то худо будет!..

— Чего будет?! — завизжал мужичок. — Чего?!

— Али хочешь, чтобы все про тебя узнали, какую ты преступлению сотворил? А то хвалишься: я ростом малой, да умом большой! Вот тебе — кукиш с маслом! Умник!

— Ничего, Клавка! Ничего! Мы еще посмотрим, кто умнее... Я твоему хахалю построил! Теперь попарится на нарах! — не унимался Клавкин муж.

Лента конвейера крутилась пустая — видимо, на том конце линию еще не загрузили, и я повернулась к семейной паре. Я увидела перекошенное лицо Клавки и ее тонкие руки, сжатые в кулаки. Она замахнулась на мужа и громко и твердо проговорила:

— Молчи, как череп, а то сам сядешь на те нары!

И зло погрозила кулаком мужу.

— Так я и молчу, как череп, — мгновенно угомонился Клавкин муж.

— Иди отсюда! Вон тебя бригадир ищет! — кивнула на дверь Клавка.

— Дай слово, что уволимся с завода! — чуть не заплакал ее муж.

— Уволимся.

Клавкин муж засунул руки в карманы брюк и, как ни в чем не бывало, покинул конторку.

— Поняла, как с мужиками надо ладить?! — Клавка усмехнулась и горделиво прошла мимо на свое рабочее место, слегка задев меня плечом.

А у меня отлегло от сердца. Я поняла, что Боря Телевизор ничего не поджигал. Мне хотелось рассказать обо всем Музе Сергеевне, но рабочее достоинство не позволяло трепаться. Мы все исповедовали принцип: знаешь, так молчи.

Торжественное собрание

На стыке двух смен в Красном уголке собралось много рабочего люда. Почти обе смены — утренняя и вечерняя, за исключением вулканизаторщиков, которым от котлов отойти нельзя было.

Нашу бригаду посадили на первый ряд. Даже в душ сходить запретили, чтобы рабочее время не тратили даром. Сергей Николаевич раскладывал на столе какие-то бумаги. Рядом с ним сел главный пожарник Епишкин и председатель профкома нашего цеха.

Сергей Николаевич начал:

— Мы нынче собрались ненадолго. Не шумите там, на задних рядах. Мы собрались, чтобы оказать честь замечательным русским женщинам, про которых еще Некрасов, наш земляк, писал: «Коня на скаку остановят, в горящую избу войдут». Вот он как был прав! Бригада Музы Сергеевны предотвратила пожар на участке балансировки. А это означает, что спасли они весь завод от огня. А кто они такие есть — простые русские женщины, смелые и высоко сознательные. И теперь вот передо мной здесь лежат награды вам, мои родные!

Ермолинский слегка кашлянул, и мне показалось, что глаза его повлажнели.

— Всем вам премия выписана по двадцать пять рублей. Музе Сергеевне еще дополнительно благодарность и часы с дарственной надписью от руководства завода, за правильное исполнение противопожарной инструкции и за грамотное руководство во время пожара.

Муза Сергеевна встала и подошла к столу президиума.

Ермолинский пожал ей руку, преподнес коробочку с часами и почетную грамоту. И, приподнявшись на цыпочки, поцеловал в щеку высокую и красивую Музу.

— Спасибо тебе, бригадир!

Мы радостно зааплодировали.

— А кто у нас по телефону звонил в пожарку? — строго спросил начальник.

Я почему-то испугалась и тихо промямлила:

— Это я, Сергей Николаевич...

— Чего же фамилию-то твою всю переврали...

— Не знаю, — прошептала я.

— Ну вот, сейчас впишем твою фамилию в листок, — он кивнул секретарше, которая была тут же, за столом. Она быстро вписала в почетную грамоту все, что нужно. — Подходи, Ирина, получай свою награду.

Ермолинский пожал мне руку и протянул красивый цветной листок со знаменами и гербом.

— Спасибо, Сергей Николаевич, — я смущенно улыбалась.

— Эх! — вздохнул Ермолинский и обнял меня, — это тебе спасибо...

Я осторожно вывернулась из объятий начальника и пошла на свое место в первом ряду.

Когда закончилось собрание, мы, веселые, полетели в душ. И тут я не выдержала, взяла Музу под руку и остановила ее.

— Муза Сергеевна, это не Боря поджег, я точно знаю, что не он.

— И я знаю,— сказала Муза Сергеевна.

— А почему так переживала?

— А что, заметно было?

— Заметно,— кивнула я головой.

— Знаешь, всякое в жизни бывает, могли бы и Борю засудить. Ведь ботинки-то его нашли. Один на крыше, другой под крышей в сугробе.

— Значит, второй ботинок свалился с ноги маленького мужичка... — подтвердила я свою догадку.

— Плюгавенького... — поморщилась Муза Сергеевна.

— Точно...

— Знаешь и молчи... Все обошлось. В день пожара Борю возили в «серый дом» на допрос. Разобрались.

— А я его видела на своей остановке в тот день. Значит, это он оттуда домой добирался!

— И ты подумала, что Борька поджог совершил?

— Угу.

— Борька не мог этого сделать, потому что в войну его отец-зенитчик погиб здесь, защищая завод от «Юнкерсов». А Боря, он ведь всю жизнь на заводе. И мать его тут работала, и его сюда привела еще подростком. Этот завод ему—дом родной.

— А «Бухенвальдом» зовут... — возразила я.

— Зря не скажут...

Мы прибавили шагу, чтобы догнать своих.

Мой отец тоже зенитчиком был и тоже отражал налеты на наш город. Может, с Бориным отцом вместе и служил. Но я промолчала, помня о достоинстве рабочего человека — «не болтай».

На заводе я проработала почти пять лет. За это время ушел на пенсию Ермолинский. Мы, хоть и звали его начальником «Бухенвальда», но все жалели, что он ушел, потому что уважали своего доброго и честного начальника.

Прошло еще несколько лет, и вредный стаж мой дал мне возможность уйти на пенсию. А тут началась перестройка. Я организовала первый в городе продовольственный частный семейный магазин. И уже не думала о построении коммунизма, хотя было жаль, что на глазах разваливалось все, что таким тяжелым трудом построило наше поколение и поколение наших отцов. Тогда не платили пенсии, и народ выживал какими-то запасами мужества и терпения.

Однажды ко мне в магазин заглянул Ермолинский. Я обрадовалась и засмушалась.

— Ирина, ты довольна своей долей?

— Я? Да, я довольна. Мне и сейчас тяжело. Работаю еще больше, чем когда-то на заводе. С девяти утра до девяти вечера каждый день, но я работаю на себя.

— Эх, ты! А мечтала о коммунизме...

Ермолинский был не просто расстроен, он был взвинчен. Махнул на меня рукой и убежал из магазина.

Я вспомнила, что он пенсионер. Наверное, у него денег нет... возможно, есть нечего... Я представляла страшные картины его нищенской жизни, которую он уж точно не заслужил. И я хороша, ничего ему не предложила. Да он и не взял бы, он гордый...

Через несколько недель я узнала, что наш добрый и честный начальник «Бухенвальда» приказал долго жить.

Может, он не простил мне того, что я так удачно устроилась в новом времени... Кто знает...

Ну да Бог простит.

П О Э З И Я

Тамара ПИРОГОВА

Родилась в 1947 году в Рыбинске. Трудилась на рабочих должностях на приборостроительном и моторостроительном заводах. Закончила факультет журналистики МГУ, работала в редакциях газет. С 2000 года живет в Ярославле.

Первая поэтическая публикация появилась в газете «Рыбинская правда» в 1979 году. Стихи поэтессы публиковались в областных и московских коллективных сборниках, журналах «Студенческий меридиан» (Москва), «Работница» (Москва), «Русь» (Ростов Великий), «Русский путь на рубеже веков» (Ярославль), «Южная звезда» (Ставрополь), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Литературная галактика» (Чита), «Роман-журнал XXI век» (Москва).

Первый авторский сборник стихов «Любви и боли непокой» вышел в свет в 1990 году в Ярославле. Сегодня поэтесса, член Союза писателей России Тамара Пирогова — автор одиннадцати книг. Лауреат конкурса московского Рубцовского центра «Звезда полей» (2004).

«Во всем сквозит небес улыбка»

Весна

1

Природы колкие объятия
Теплеют с каждым днем весны.
Она меняет свои платья,
Мечты, фантазии и сны.

Во всем сквозит небес улыбка —
И словно мир сошел с небес.
И в дымке призрачной и зыбкой
Зовет к себе весенний лес...

2

Голубые просторы весны —
Нет картины на свете чудесней!
Бог придумал для нас эти сны
И ночей соловьиные песни.
Дышат свежеею влагой сады,
И в душе моей снова цветенье.
И не верится в близость беды.
Принимаю, весна, миг спасенья!

* * *

«Ах, лето красное, любил бы я тебя...»

А. С. Пушкин

Лето дарит радости повсюду:
На полях, на знойном берегу.
Я забыла зимнюю остуду —
Дышит жаром сено на лугу.
Я цветы срываю на опушке
И плету затейливый венок...
Помню Ваши строки, Саша Пушкин!
Кое-что прочту я между строк...

Летний мотив

1

И вот я здесь среди просторов,
Среди некошенных лугов.
Вдали остался душный город,
Как призрак тягостных оков.
В лицо мне веет теплый ветер
Живым дыханием земли.
Травы запутанные плети
На сердце строками легли...

2

Узкая знакомая дорога.
Вдоль нее черемухи кусты,
Желтых одуванчиков морока.
В поле до деревни три версты.
До сих пор там ждут меня, я знаю.
И привычен молчаливый путь.
«Вот моя деревня!» — вспоминаю.
Некуда от памяти свернуть!..

Блики

Голубые сумерки зимы
Я люблю, как летние рассветы.
Легкие туманы полутьмы,
Блики угасающего света
Мне рисуют неземные сны
И пророчат снова пробужденье.
В них сверкают отблески весны!
В них я вижу свыше откровенье!..

Тайна

Зимний вечер. Темнота.
Лишь звезда горит печально.
Замолкает суета.
Открывается мне тайна
В тишине среди снегов
Жизни давней и нездешней —
Это скрип твоих шагов,
Это запах дымки вешней...

Метельная душа

Леса притихли и равнины.
Зимы метельная душа,
Свой путь прокладывая длинный,
Летит над миром не спеша:
Обнимет рощу мимоходом,
На ветви ляжет, словно пух...
Безмолвно русская природа
Хранит в снегах могучий дух...

Зов

1

Кричали, ссорились, мирились —
Жизнь уходила из-под ног.
И облаками дни дымились,
Нас ветер звал вдаль за порог.
И мы рассыпались по свету.
Придет ли время всех собрать?
Но чей-то крик витает где-то —
Как обещанье подождать...

2

Где уголок заповедный
Здесь на усталой земле?
Бродят богатый и бедный
В поисках счастья во мгле.
Мир вокруг высится грозный.
Рядом у каждого — враг.
Светят небесные звезды —
Сердцу надежный маяк!..

Поэтам

]

Как судить судьбу иную,
Что полна беды и слез?
То бранясь, а то ревнуя,
Жизнь летела под откос.
Но по милости высокой
Бог незримо выручал...
Пела пташкой одинокой —
Ветер песни вдаль умчал...

2

Поэты уходят из жизни,
Теряя сокровища слов...
И кто-то заплачет на тризне
И вспомнит стихи про любовь,
Где каждая строчка вздыхает,
Печалью и светом полна,
Как юность промчалась лихая,
И выпьет за друга вина...

Зимнее настроение

Зиме в охотку разгуляться —
Кругом навьюжены снега.
Опять я буду удивляться,
Как беспредельно дорога
Зимы волшебная картина:
Не видно знойной суеты,
Мир в полусне морозном стынет,
Как воплощение мечты;
Деревья в сказочных нарядах
Сверкают древней красотой.
И в глубине седого сада —
Сиянье родины святой!

* * *

Пейзаж за пейзажем мелькает.
Автобус. Леса и поля.
Как будто сам Бог мне листает:
«Смотри и запомни — Земля!»

Подземный вальс

В подземном переходе
Мелодия кружится.
И пусть она не моде —
Оттаивают лица.
И пусть народ все мимо
Торопится к вагонам,
Тот вальс летит незримо
За ними полустоном.
Замедлит шаг девчонка,
И парень рубль бросает.
У ног лежит кепчонка.
Старик баян «терзает».
И бередит нас тайна.
С ней дальний путь — не бремя.
Лады звучат печально,
Как будто плачет время...

Математика жизни

Алгебра всюду для нас —
Надо всю жизнь доказывать,
Каждый потерянный час
Надо с собой увязывать.
Скопища вечных проблем
С разных сторон наседают.
Сотни порой теорем
Сердце и разум терзают.
Груз уравнений, задач
Тянет за душу и нервы.
Где же ответы? — хоть плачь!
Дразнит нас мир многомерный..

Что делать?

С утра напичкана газетой
Плюс Интернет и телебум.
Дает на все свои ответы
Тех новостей тревожный шум.
Там — извержение вулкана.
Здесь — наводнение, пожар.
В судах — последствия обмана.
И в голове — сплошной угар.
Как выжить в грозную эпоху? —
Рецепты снятся и во сне.
И мне дает надежды кроху,
Что можно жить и на Луне...

Молитва

Зажигаю три свечи
Я сегодня в храме.
Мир суровый, помолчи!
Плачу я о маме.
Наклонилась Божья мать
Ласково, печально,
Хочет, грешной, мне сказать:
«Смерть — святая тайна!
Все уходят в мир иной,
Выстрадав дорогу!»
Утешением со мной
Свет молитвы к Богу!..

Осенний костер

Костер в саду напомнил о свободе,
О том, что где-то ждут меня поля.
Там ветер по траве неслышно бродит,
Живет привольно вечная земля,
Даруя нам запас весомый хлеба.
Там греются мальчишки у костров,
И смотрят ввысь в распахнутое небо,
И слышат гул неведомых миров...

«Я выбегу — счастливей всех...»

Памяти поэта Людмилы Николаевой

Стихи поэта излучают свет, от них исходит доброта. А между тем жизнь этой женщины поистине трагична...

Людмила Алексеевна Николаева родилась 3 декабря 1941 года в Некоузском районе Ярославской области. В возрасте 6 лет заболела полиомиелитом и вместо первого класса попала в больницу... К девяти годам ее поставили на ноги: она стала передвигаться при помощи костылей. Девочка Люда к этому времени уже умела читать — училась в больницах у друзей по несчастью. Потом были годы самостоятельной учебы дома. Более того, Люда все ежегодные экзамены сдавала на «отлично». Но после девятого класса ей пришлось оставить учебу и целый год, через силу, дома плести сетки, зарабатывая нужный для пенсии стаж. Стихи, которые она писала с детства, приходили к ней только по ночам... Все это Людмила Алексеевна рассказала в автобиографии к своему сборнику стихов «Надежда» (2009).

Стихи были самым главным в ее жизни. Казалось бы, в таких условиях должен сформироваться угрюмый, обиженный на судьбу человек? Ан нет!

*Я помню лето. Зной июля.
Пчела летела, словно пуля.
Купались курицы в пыли.
Я на крыльце, в тени березы,
Глотала молча злые слезы.
Лежали рядом костыли.*

*За что обижена судьбою?
Друзья веселою гурьбою
Умчались к речке загорать.
Таких попробуй догони-ка!
«Какая сладкая клубника!
Отведай, полно горевать».*

*Очнулась я, смотрю — соседка.
Ее я видела так редко —
Старушка дряхлою была.
Сказала: «Кушай на здоровье,
Клубнику я рвала с любовью,
Ты на ребят не помни зла».*

*И сразу мир преобразился,
Как бы живой водой умылся.
В него опять влюбилась я.
На жизнь сердиться — это слишком!
Я дочитать успею книжку,
Пока купаются друзья.*

*...Хоть не прибавилось здоровья,
Но вспоминаю я порою
Старушки тихий говорок.
И если я незлая сердцем,
Так это оттого, что с детства
Добра преподан мне урок.*

Поэтесса печаталась в районных и областных газетах. На конкурсе молодых поэтов, организованном Обкомом ВЛКСМ в честь 50-летия советской власти, заняла 1-е место, получила диплом и денежную премию. Первая книжка вышла десять лет спустя, и в 1978 году на Всесоюзном литературном конкурсе «Лучшая первая книга молодого автора» Людмила Николаева получила диплом лауреата. В 1995-м на Всероссийском фестивале творчества инвалидов она была награждена дипломом. Стихи Людмилы Николаевой звучали по областному и Всероссийскому радио, печатались в «Комсомольской правде», в коллективных поэтических сборниках. Поэтесса номинировалась на международную премию «Филантроп» (2004); не раз становилась победителем конкурса областной газеты «Ярославский инвалид» (2005, 2006); заняла 2-е место в областном конкурсе творчества «Третий возраст о себе» (2006).

Из автобиографии Л. А. Николаевой:

«Я считаю себя счастливым человеком. Меня многие знают и уважают, обращаются за советом. У меня замечательные читатели. Бывали дни, когда я получала по 5—10 писем в день. И адреса встречались почти как у Чехова: Ярославская обл., г. Гаврилов-Ям, поэтессе Людмиле Николаевой. Это скрашивает мою жизнь. Творчество — это такое счастье, не передать словами».

Самым большим достижением на творческом пути Людмилы Николаевой по праву можно считать авторский сборник стихов, который вышел в 2009 году. Он представил поэта в полном объеме. Составителем и редактором стала Т. В. Соломатина, человек тоже по-своему уникальный. Стараниями Татьяны Владимировны это поистине удивительное издание увидело свет. Вот ее строки в предисловии к книге:

«Поэтический мир Людмилы Николаевой — мир богатый, животворящий, наполненный самыми разнообразными звуками, запахами, красками. Войдите в творческую мастерскую поэта — и вы увидите и почувствуете, как «по росистым лужайкам бродит звонкое лето», как «травы весело растут под музыку дождя», насладитесь приходом златокудрой осени. Вместе с лирической героиней вам посчастливится любоваться метелью, поглядывая в окно «сквозь канитель серебряного кружева», а затем полететь на лыжах с

крутых склонов и ощутить, насколько же все мы счастливы! Сквозь нежные, проникновенные строки Л. Николаевой просвечивает душа автора — тонкая, любящая, ранимая».

Открывает книгу стихотворение, посвященное сестре Людмилы — Надежде. Да и сама книга носит название «Надежда», символическое и вместе с тем конкретное.

*...Тем временем росла моя сестричка,
Глазастая и тонкая, как спичка.
Моя отрада, нянька и подруга,
Спасение из замкнутого круга.
Сквозь боль смеюсь, пишу стихи, как прежде,
Благодаря сестре моей — Надежде.*

Воистину Надежда Алексеевна заслуженно может разделить восхищение людей подвигом стойкости и любви сестер Николаевых. «Сквозь боль смеюсь...» — нельзя не заметить заключительные щемящие строки.

А вот еще одно стихотворение. Казалось бы, обычная любовная лирика... Но как удар грома — последняя строчка, особенно если знать обстоятельства жизни автора.

*Не надо звать меня, не надо.
Я не могу оставить дом,
Дорожки солнечного сада,
И весь в кувшинках водоем,*

*И одинокий голос птицы,
Что так чарующе поет.
Книг пожелтевшие страницы
Читаю ночи напролет.*

*Я так любить тебя любила.
Ты холод был, а я — тепло.
Все это было, милый, было.
Но только былью поросло.*

*Не надо звать меня напрасно
Во сне и даже наяву.
Я поняла, что жизнь прекрасна.
Даст Бог, немного поживу.*

И никаких напускных стонов и воплей! Сдержанная, суровая правда жизни, правда трагедии: здоровье Людмилы Алексеевны с годами ухудшалось, и она становилась неподвижной. И все-таки книга, публикации Людмилы Николаевой в периодической печати не оставляют впечатление мрачности или надлома. На мой взгляд, случилось чудо. Поэт Людмила Николаева создала свою лирическую героиню из снов и мечтаний, из невозможности физической и окрыленности душевной, слезы превратились в росу, руки — в крылья, боль — в песню любви и радости. Душа выскользнула из своей темницы и зажила желанной жизнью. Да и может ли быть иначе, ведь душа наша бессмертна, а тело лишь временная оболочка. Смерти нет... Навсегда останется босоногая девочка, бегущая по росе навстречу Вечности.

Тамара РЫКОВА,
член Союза российских писателей

Людмила
НИКОЛАЕВА

«Мы смеемся сквозь слезы»

* * *

Раздвину шторы, распахну окно
И улыбнусь весеннему приволью.
Такое утро я ждала давно —
Согретое надеждой и любовью.

Вовсю скворец на яблоне поет.
В окно струится терпкая прохлада.
Того гляди, что скоро зацветет
Навеки в землю вросшая ограда.

Пой, скворушка, о счастье песню пой,
Чтоб люди повторить ее просили.
Нет города светлей, чем город мой,
И нет земли прекраснее России.

* * *

Серебряные гвоздики дождя
Прибили пыль, все вдруг переиначив,
Мы радуемся этому. Хотя
Насквозь промокли по дороге к даче.

О, как приятно завернуться в плед,
Согреться и побаловаться чаем.
Душа полна любви в такой момент.
Твой нежный взгляд, надеюсь, не случаен...

Погода разыгралась не шутя.
Колышется от ветра занавеска.
Серебряные гвоздики дождя
Стучат в окно, чтоб мир отмыть до блеска.

Странный зверь

Очень рада баба Ньюша:
К ней приехала Надюша.
Вместе с солнышком встает,
Молоко парное пьет,
Кушает оладушки —
Хорошо у бабушки.

Вышла Надя на крылечко,
Ест горох, а к ней овечка.
Что за чудо? Что за зверь?
Может, спрятаться за дверь?
Вдруг он злее злой овчарки?
Нет такого в зоопарке...

Прибежала баба Ньюша:
«Что с тобой, моя Надюша?»
Надя всхлипывает: «Ох!
Шуба съела весь горох!»

* * *

Ребенок плачет за стеной
С таким отчаянным стараньем,
А мама ласково: «Не ной!
Ну что за божье наказание!

Глянь в книжку: дядя на коне
Сидит красиво и небрежно...»
Ах, если бы поплакать мне,
Как этот мальчик, безутешно!

Но кто поймет меня сейчас?
Кто чутким сердцем отзовется?
И плачет мальчик «про запас» —
Во взрослой жизни не придется.

ОПТИМИСТЫ

Мы смеемся сквозь слезы,
но все же смеемся.
Нас к земле пригибают,
но мы не сдаемся.
Задыхаемся в зной, коченеем от стужи.
Повторяем упрямо: «Бывает и хуже».
Оптимизм, может быть,
и нелепая штука.
Но для нытиков это —
по жизни наука.
Что хорошего — сдаться и броситься вниз?
Как бы ни было худо — живи и борись.
Если все же получится
горький итог,
будет право заметить:
«Я сделал, что мог».

П Р О З А

Юрий БОРОДКИН

Родился в 1937 году в Нижнем Новгороде. Детские и школьные годы прошли в деревне Афонино Парфеньевского района Костромской области. После окончания Литературного института работал заведующим редакцией художественной литературы Верхне-Волжского книжного издательства. Автор ряда сборников повестей и рассказов о деревне, а также романов «Кологривский волок» и «Поклонись роднику». Роман «Кологривский волок» был отмечен первой премией ВЦСПС и Союза писателей СССР. Основная тема творчества Юрия Бородкина — судьбы земляков, обыкновенных людей — землепашцев, плотников, кузнецов. Более двадцати лет возглавлял ярославскую писательскую организацию. За литературную работу награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 2010 году вышел первый стихотворный сборник автора — «Эпилог». Член Союза писателей России. Живет и работает в Ярославле.

Третьего не миновать

Повесть

1.

Полет на вертолете кажется безопасным: медленный, невысокий, одно плохо — грохот такой, что невозможно разговаривать, приходится молча посматривать на плывущую внизу тайгу или лесотундру, замечать, как змейкой проползет по ней река или блеснет очередное озерко: ничего другого здесь нет, потому что нет никаких признаков жилья.

Для Паши Трошина, проработавшего несколько лет вахтовым способом в Северо-Западной Сибири, такие полеты были не в новинку, даже стали чем-то обыденным, как говорится, трясет да везет. Так было и на этот раз, но случилась ужасная катастрофа, какими печально известна авиационная статистика последних лет: вертолет начало болтать из стороны в сторону, сильно затрясло и накренило, последовал гибельный удар о землю. Страшно даже вспоминать об этом. Очухался, ощупал себя, как бы убеждаясь, что руки-ноги целы: от удара заплыл глаз, боль сковывала левый бок и плечо, как потом оказалось, сломал два ребра, повредил ключицу. Поднявшись на ноги, стоял в каком-то тупом недоумении, как оглушенный, с опаской осматривал место крушения в надежде, не очнется ли кто-нибудь еще. Заметил, как пошевелился моторист Костя Смольников, добродушный весельчак, ловко игравший на гитаре. Обрадованно склонился над ним:

— Костя, что с тобой? — спросил умирающего, не зная, чем помочь ему.

Тот что-то прошелестел побелевшими губами и отвел безразличный взгляд, уставившись куда-то в небо. Так и застыл с густо потемневшей на виске и в волосах кровью.

Из девяти человек, находившихся на борту, каким-то чудом остался в живых только он, Паша Трошин, и то покалеченный. Трудно было поверить в гибель всей бригады: еще утром обыденно разговаривали, подшучивали друг над другом, и вот — безжизненные трупы среди обломков вертолета. Едкий запах гари и тишина над роковым местом, тако-го и в кошмарном сне не привидится. «Боже мой!.. Боже мой!» — испуганно шептал он, вспомнив в ужасную минуту о Боге.

Приближался вечер. Идти куда-то не имело смысла, это означало бы верную смерть. Остаться на месте было жутко, но необходимо. Рядом с погибшими товарищами, в этой глухомани, где на сотни километров нет ни одной живой души, предстояло провести ночь, казавшуюся вечностью. Одно спасение — костерок.

С замиранием сердца прислушивался и вглядывался в темноту, прижимаясь спиной к ели и стараясь не шевелиться. «Хоть бы дерево было потолще», — опасливо думал он, как будто сзади его мог кто-то схватить за плечи. Мертвых бригадников не воскресишь, но, если бы теперь, в ночи, кто-то из них вдруг очнулся и заговорил, Паша похолодел бы от ужаса.

«А что, если меня не найдут? — пугал он себя еще пуще. — Тогда уж лучше бы разбиться вместе с другими, чем медленно подыхать в этой глухомани... Господи, спаси! Господи, помоги!» — бормотал он про себя, боясь оторваться от ненадежно защищающего дерева. Хорошо, что до темноты успел собрать сухарник и теперь экономно подкидывал его в костерок. За его пляшущим огнем все чудилось какое-то угрожающее движение, будто кто-то наблюдал за ним. Не зря сказано, лес видит, а поле слышит.

Совсем некстати вспомнился мрачный анекдот: тот же Костя Смольников рассказывал его. Идет мужик ночью мимо кладбища, смотрит, стоит человек. Этот, второй, спрашивает:

— Что, приятель, боишься покойников?

— Еще бы!

— А чего нас бояться-то? — был ошеломляющий ответ.

Тогда хохотали над черным юмором, теперь было не до смеха. Сердце опустилось, он застыл в неподвижности, когда что-то приглушенно хрустнуло в непроглядной темени. Почему-то боялся не зверя, а неведомой нечистой силы, да и как не бояться, если она неодолима? «Будет ли конец этой ночи? Скоро ли рассветет?» — тоскливо думал он.

Когда развиднелось, поуспокоился, обошел место катастрофы, задержался возле мастера Василия Зыкова, лежавшего ничком, словно не веря, что он погиб: здоров был мужик, говаривал: «Если на столе одна бутылка, то мне тут делать нечего».

Летчик, красивый кудрявый парень, выпал из кабины. Трошин откинул обломок винтовой лопасти — лицо разбито в кровь. На одном из погибших заметил сумочку, какие

носят на поясе, и вдруг его потревожила робкая мысль, которая вчера не могла прийти в голову: «А ведь у них должны быть деньжонки! В любом случае они пропадут: прилетят милиционеры, эмчээсовцы, повывернут карманы... Свидетелей здесь нет», — уговаривал он себя.

Надо сказать, Паша Трошин был обыкновенным мужиком, которого не заподозришь в чем-то неблаговидном, все же сумел устоять перед искушением, хотя и силен нынче бес, приспособившийся соблазнять людей деньгами. «Руки отмыть можно, а совесть не отмоешь», — остерег он себя...

Пережитое останется в памяти на всю жизнь. Ужас катастрофы, кошмарная ночь — это ли не испытания для человека? «Почему же именно меня сохранил Господь, тогда как остальные приняли смерть?» — не раз спрашивал себя Трошин, усматривая в этом везении мистический смысл. В ту роковую ночь многое он передумал и переосмыслил, без сомнений поверив в Бога, и как было не поверить, если некого было призвать на помощь, кроме Его? Решил непременно креститься и исполнил свое намерение.

Специально съездил из города в Сельцо, где под замком стоял родительский дом. В Сельце был знакомый священник, отец Михаил, служивший в здешней церковке в новое время. Он совершил привычный обряд, благо, теперь не надо было ни от кого таиться. Велел прочитать по молитвеннику символ веры, после чего, освящая воду в купели, заметил:

— Взрослых можно и прямо в реке крестить. Святой Владимир крестил киевлян скопом в Днепре, и сам Иисус крестился в Иордане.

Но к реке не пошли, хотя она протекала рядом под горой. Отец Михаил только покропил Пашу водой со словами: «Крещается раб Божий Павел. Во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь». Троекратно обвел со свечами вокруг купели и надел приготовленные крестик и белую рубашку.

— Спасибо, отче, — промолвил Трошин.

— Благодарить надо Отца небесного.

С легким чувством перерождения вышел Трошин на улицу, как будто оставив за порогом паперти все грехи и ошибки прошлого. Разглядывал и поправлял серебряный крестик, веря в его чудодейственную охранительную силу. Встречные сельчане приветливо здоровались, словно разделяя его настроение.

Остановился перед домом, поразглядывал его: небольшой, в три окна по фасаду, но родной и уютный. Еще постоит под хорошей-то крышей, а матери пришлось помучаться при старой драночной, протекавшей в последние годы. И все же славно было приезжать в Сельцо во время отпуска с женой и сыном, который оставался у бабушки на лето. В доме все было обихожено женской рукой, пахло пирогами (больше уже не поешь такой пышной ватрушки или черничника со свежими ягодами).

Для матери самой большой радостью и утешением в ее неудавшейся жизни были его, Пашины, приезды. Из-за своей сломанной судьбы пристрастилась она к выпивке, и три года назад ее похоронили.

Про отца особый сказ, поскольку Паша был пригульным ребенком. Что это означало для него и для матери, знает любой деревенский житель: как будто запятнаны на всю жизнь.

2.

Надо было устраиваться на работу. Образование у Паши не ахти, потому что трудно было деревенскому парню приживаться в городе среди чужих людей.

Есть в городе завокзальная улица со странным названием Вспольинское Поле, где в советское время размещались торговые базы, переоборудованные нынче в магазины различных стройматериалов. В одну из таких торгующих организаций и приняли Пашу по сути грузчиком: привезли рубероид, кровельный лист, древоплиту — надо разгрузить, отпустили что-то покупателю — надо погрузить, а платить нынешние хозяева метят поменьше.

Пошел на завод. Взяли только в литейку. Что это такое, объяснять не надо: пыль, грязь, жара, но хоть заработок приличный. И тут не повезло, потому что на другой же год начались разговоры про кризис и увольнения, вскоре завод вообще приостановил работу.

Ему казалось, город отторгает его. С детства он чувствовал как бы отчужденность от своих сверстников, у которых были благополучные семьи, и теперь в нем сохранилась какая-то настороженность по отношению к людям, иногда доходящая до скрытой враждебности к ним: вы модно одеваетесь, ездите в дорогих машинах, зато я презираю вас. Средств для установления справедливости у него не было, даже выпивка только угнетала.

Помыкавшись без дела, доложил о своем решении за ужином:

— Поеду в Сельцо, Торопов даст какую-нибудь работу: все-таки дальняя родня он нам.

— Не надоело тебе мотаться туда-сюда? И так доездили до беды, — упрекнула жена Галя. — Поищи здесь что-нибудь.

— Чего теперь найдешь? Везде — безработные.

— Давай, папа, поживи в деревне: можно будет приехать к тебе в любое время, — не совсем всерьез высказался сын Витя. Он парень уже взрослый, самостоятельный, работает водителем на «Газели». На такой работе надо быть трезвым, он и не тянется к водке — молодец.

— Витя, ты еще не подначивай! — обиделась Галя. — Живем не пойми как: один здесь, другой где-то. Надоело!

— Сельцо — это не Сибирь, всего три часа езды, — уговаривал Паша не столько жену, сколько себя. — Потребуется, наведаюсь домой.

В середине лета, когда деревня так манит к себе, неторопливый местный поезд понес его в родную сторону. Дорога хорошо знакомая, каждый год стучал по ней туда-сюда, особенно, когда жива была мать. Как всегда, ехал в приподнятом настроении, за окном поезда простирались заволжские леса, откосы и опушки радовали густой зеленью, разноцветьем, мелькали таинственные извилистые речки. И, конечно, была надежда, что у себя в селе он всегда найдет поддержку.

От станции пазик катился сначала по асфальту, потом с характерным подвывом по гравийному большаку, и вот оно, спрятанное в лесах Сельцо, с маленькой церковкой, с березами возле нее.

По лесенке поднялся в прохладную избу, где мало что изменилось после матери, только постель была незастлана да пахло отсыревшей печью. Бросив посреди избы рюкзак и сумку, сразу затопил печь, и, когда полешки по-настоящему взялись, начали потрескивать, стало как-то охотней находиться в ожившей избе.

Паша Трошин неприхотлив, рос без отца, в армии служил на границе, потом — эти поездки в Сибирь, а здесь — дом родной. Достал из комода будильник, пусть тикает, оживляет тишину. Ожидая, когда накопится тепло, с чувством полной свободы выпил стопку водки и вышел обкосить возле крыльца, и, хоть трава была высока и неподатлива, в охотку помахал косой. Теперь можно было посидеть на лавочке.

Над дровяным навесом, в густой черемухе, попискивали птицы, в заулке, как обычно, садилось солнце, слышно было, как скрипел колодезный ворот. Так было с тех пор, как Трошин помнил себя, и эта обыденность вселяла спокойствие, как будто все главное в жизни уже было пройдено. Но разве возможно такое в сорок пять лет?

Размышления прервал своим появлением Вася Гаврилов, живущий через улицу: приостановился в калитке с торжествующей улыбкой и разведенными руками, словно дождался счастливой встречи с близким родственником. Спецовка на нем линиялая, кепочка мягая, щетинка искрится инеем, пластмассовые тапочки — на босую ногу. Поопустился, а ведь был исправным механизатором, бывало, в районке про него писали. Он лет на десять старше, но для односельчан разница в возрасте не имеет большого значения.

— О-о, кого вижу! С прибытием, Паша! Здравствуй, дорогой!

— Спасибо, Вася!

Хлопнули по рукам, даже приобнялись, потоптались на скошенном в обоюдном душевном порыве.

— Смотрю, дым поднялся из трубы, ну, думаю, значит, Паша явился. Надолго ли?

— Как получится: работу буду просить у Торопова.

— А что, в городе не найти?

— Трудно. Надоело тыкаться куда попало.

— У нас того хуже, совхоз закрылся, все развалилось, — махнул рукой Гаврилов. — Дай сигаретку.

Закурили. Сосед, как бы озадаченно, помаргивал, наморщив под козырьком кепочки лоб.

— Да-а, дела нынче — табак, что ни включишь радио — только и слышишь: кризис, кризис... — заключил он. — Мне, к примеру, непонятно, что это такое? Как работали, так и работайте, нет — останавливают заводы и прочее.

— Чего тут понимать? В зависимость к Америке попали — вот и вся причина. Одно слово — капитализм, — просто объяснил Трошин. — Ладно, Вася, это не нашего ума дело, пойдём-ка лучше примем по стопочке за приезд.

— Кто бы возражал! — прихлопнул в ладони ободрившийся Гаврилов.

Потопали в избу. На столе появилась банка скумбрии и кусок колбасы: много ли надо двум мужикам? С удовольствием звякнули стопками.

— Вот такая наша жизнь, Паша, — продолжал Гаврилов. — Не нужны мы стали государству.

— Это верно. Сам-то где теперь?

— Да так, перебиваюсь шабашками: кому крышу покрою, кому баньку соберу, научился и печки класть. А ведь я технику знал, как свои пять пальцев, — высказал он сожаление. — И трактора, и машины растащили в короткую пору — все прахом пошло. Я считаю, вредительство было. Как же иначе? Смотри, коровник пустой стоит: разве не безобразия?

Трошин с пониманием кивал, он помнил, как Вася Гаврилов добросовестно работал в совхозе, бывало, каждый день в семь утра, хоть часы проверяй, запускал свой трактор, стоявший по ночам возле дома.

— Значит, в Сибири ты после той аварии не бывал?

— Нет. Хватит с меня одного такого предупреждения.

— Однако повезло тебе. Вчуже страшно от того, что ты рассказывал. Я в жизни не летал и не полечу, слава Богу. У нас тоже, считай, тайга: много ли деревень осталось? Все поросло лесом. Не зря Торопов гонит пиломатериалы, он теперь всем тут распоряжается, может быть, и примет тебя, поскольку вы какая-то родня. Я работал у него, да как-то выпимши поругался, назвал его хапугой...

Гаврилов поразглядывал фотоснимки в рамке на простенке, принялся рассуждать:

— Тетя Нюра как живая! Это она под окнами снималась. У нас с ней всегда было уважение, ты сам знаешь. Привезу сено или дрова, поставит, конечно, бутылку и сама со мной выпьет, а денег с нее никогда не брал... А это — дедушка Миша совсем молодой, еще

до фронта, видать, в городе снимался. Нет, на него ты не похож, ты пошел в Кузнецовых, в тебе — больше баткиного, у того, помоложе-то был, тоже волосы немного вились. На днях видел его, вместе ехали в автобусе.

— Постарел, наверно?

— Да не сказать, что сильно. Везет сумку провизии да пачку вошины: улы держит. Дом у него в Будилове — на заглядение, пятистенок. Да ты, наверно, бывал?

— В детстве, по глупости, заходил, — помрачнел Трошин. — У меня, считай, нет отца.

— Конечно, грех на нем на всю жизнь... Ладно, Паша, не будем ворошить старое. Обычай дорогой — выпить по второй!

Быть в соседях — быть в беседах. Потолковали про житье-бытье, проводил Трошин гостя и долго еще сидел в сумерках у крыльца, думал о матери, о своем детстве. Деда, погибшего на войне, он не знал, с благодарностью вспоминалась бабка Сима, немногословная, добрая. Бывало, прибежит он с гуляния весь в снегу, она терпеливо развесит одежду над челом печи и скажет:

— Полезай-ка погрейся.

Хорошо на печке после морозной улицы, не заметишь, как потянет в сон.

Мать могла бы еще пожить, и как славно было бы им сейчас вдвоем! Отец, Кузнецов Иван Федорович, жив, но у него своя семья. Паша с ним не знается, ему даже фамилию записали по матери.

В кармане зазвенел телефон, звонил Витя:

— Привет, пап! Ты чего? Обещал позвонить, как доедешь, и помалкиваешь. Деньги экономишь?

— Да нет, просто не успел.

— Как доехал?

— Нормально. Протопил печку, сижу у крыльца. Красота! — с оптимизмом ответил Трошин.

— Представляю... А я только с работы пришел, ездил в Иваново, и вот звоню. От мамы тебе привет.

— Все у меня в порядке, не беспокойтесь.

«В самом деле, не где-нибудь нахожусь, а в родном Сельце, в своем доме», — согласился с собой Трошин, глядя на успокаивающий разлив зари.

Не хотелось уходить с улицы. Вот уж и луна выкатилась из-за крыши соседнего дома, как будто любопытно ей было увидеть Пашу, сидящего на лавочке, и она его заинтересовала, подумалось: «Почему она так блестит? Ведь, говорят, там пыль какая-то, сухие впадины, одним словом, все серое, землистое».

Любил он эти вечерние часы, когда, покуривая под хмельком, можно поразмышлять, вспомнить прошлую сельскую жизнь, своих одногодков. Все далекое в такие минуты как бы приближается, томит душу грустью невозвратности.

3.

Первым делом побывал на могилах бабки Симы и матери. Кладбище уютное, не где-нибудь на отшибе, а за алтарем церкви, под сенью старых берез. Не один век на этом маленьком пятачке хоронят сельцовских жителей, и как-то всем хватает места, хотя это объяснимо: вот в их оградке — только двое Трошиных, остальные могилы потеряны, а не станет его, Паши, и эти сравняются с землей, и во всех семьях так.

Кресты вытесывал и выстругивал сам, не больно красиво получилось, но крепко, а вот оградка подгнила и расшаталась, давно собирался соорудить новую. Постоял, глядя в задумчивости на кресты, произнес тихим голосом:

— Вы уж на меня не обижайтесь, будет у вас хорошая оградка: запасу штакетника и сделаю.

А пока привычно выгреб опавшие листья. Никто не прошел мимо, никто не окликнул его, не нарушил его отрешенности, только окна алтаря светились и днем, там была своя, непонятная Паше Трошину жизнь...

Нет теперь в Сельце совхоза, но есть предприниматель — лесоторговец Торопов Николай Андреевич. Он мог бы жить в райцентре, а обосновался здесь, где родился и вырос: сгрохал себе двухэтажный особняк из отборной сосны с башенкой наверху, откуда хорошо обозревать окрестности. Подойдешь к такому дому и сразу почувствуешь себя маленьким человеком.

В дом идти не требовалось, Трошин явился к хозяину в бывшую совхозную контору. Получилось удачно, Торопов был в настроении, руку подал как будто приятелю, поспрашивал про вертолетную аварию и на просьбу ответил определенно:

— Понятно, Паша... Надо выручать земляков... — Не договорив, принялся объяснять по мобильнику какому-то клиенту: — Доска интересуется? Тридцать пять и двадцать пять миллиметров, тоньше нет. Если у вас кругляк свой, привозите — распилим без проблем... Дороже того, что стоит, не возьмем...

Немногим старше он Паши, а приобрел брюшко, и лысинка проглядывает. Еще бы! Ему приходится кумекать что к чему, не то что простым мужикам. Побывал в районе каким-то начальником, а как началась эта перетряска, сообразил, что лучше заняться предпринимательством.

— Значит, так, — вернулся он к начатому разговору, — в лесу у меня всегда есть работа, но ты, насколько я понимаю, туда не рвешься. Шоферских прав у тебя нет?

— Нет.

— Пойдешь складировать готовый пиломатериал, грузить его, когда подойдет машина. Заработок большой не обещаю, тысяч десять — по деревне сойдет...

Недельку отдохнул Трошин, поудил рыбку в Вочеме да принялся за работу. В бригаде их четверо, за старшего (он и возрастом старший) Иван Шубняков. Дело не хитрое: необрезные доски подтягиваются на рельсовых тележках, сам Шубняков подает их под дисковую пилу, а напарник Федор Горохов протягивает дальше. Паша Трошин с Сашкой Забелиным штабелюют доски и бруски на подклады. Плохо, что пила звенит, хоть затыкай уши, зато, когда ее выключат да выйдут покурить на солнечном пригреве, наступает тишина. От досок, на которых сидят, пряно пахнет смолкой. Тут уж можно поболтать о том, о сем.

Что у мужиков на уме, когда сойдутся в минуту отдыха? Первым делом — выпивка.

— Эх, братцы, сейчас бы взять бутылек! — мечтательно вздыхает Горохов. С виду он не ахти здоровяк, щупловатый, остроносый, да и годков порядочно, но до выпивки охоч. Сведя две глубоких морщинки на переносице, все время прищуривается и напряженно помаргивает, будто решает какую-то трудную задачу.

— Вон новый какой толковый! Будет получка в пятницу, тогда и сообразим, — рассудил Шубняков.

— Это почти неделю ждать, а без поливки и капуста сохнет.

— Э-хе-хе! Сравнился!

— А чего? Гоните монету — сгоняю, — вызвался Сашка.

— По любому тебе бежать, ты самый молодой...

Позабавили себя только разговором, а деньжонок не собрали. Внимание привлекла проехавшая машина хозяйского сынка Славки.

— Хм, парню двадцать один год, а он без дела болтается, на машине разъезжает, — покачал головой Шубняков.

— Чего ему? Катается в свое удовольствие, коли папа позволяет.

- Все-таки осудительно быть захребетником.
- И в армию не ходил.
- Ну, какая тут армия?! Наверно, батька откупился.
- Говорят, Нинку Колесову он обманул, а жениться собирается на какой-то из города.
- Хорош хлюст!..

В поле зрения созерцающих критиков попадает другой объект: под горку к реке, ведя за руку девочку, спускается дачница Ольга, приехавшая к родне. Мужики знают ее имя, а большее и знать ни к чему. Несмотря на молодость, успела располнеть, так что тесно ей даже в легком сарафане. Плечи круглые, по шее стекают витые струйки золотистых волос, ноги крепкие, розовые, словом, женщина притягательная и при этом статная. Походка у нее важная: каждый шаг, будто подарок, грудь несет высоко, с достоинством.

— Идет, как баржа плывет, — восхитился Горохов и попередразнил дачницу. — Что, Саня, поманиват?

— Самого тебя поманивает.

— Не, эта не по мне, пожалуй, не справлюсь — слишком объемная, к тому же городская дама, а мы люди простые. Вон Паша знает обхождение с городскими, — успел поддеть и Трошина.

Между тем женщина пощупала воду ногой и, раскинув руки, повернулась лицом к солнцу.

— Во, в купальнике-то — полная картина. Саша, тебе бы бинокль теперь в руки.

— Сам-то чего глаза пялишь?

— Так ради интересу: за погляд денег не берут.

На то и перекур, чтобы позабавиться, сидя на штабельке досок. Поодаль слева, вдоль угора, тянется улица, из-за берез проглядывает церковный крест, как бы охраняющий Сельцо, справа широко открывается пойма Вочемы, шагает с удочкой рыбак, девочка копошится на запеске у воды, женщина продолжает загорать... После своего второго рождения Трошин смотрел на все это с особой отрадой, сознавая, что мог больше никогда не побывать в своем Сельце.

— Ладно, ребята, не наша еда виноград, — заключил Шубняков. — Кончай перекур! Снова зазвенела пила, и голоса потерялись в этом прерывистом звоне.

4.

Летом в деревне — благодать, дни длинные, теплые. Вечерком Паша сбежит к реке, поставит пяток жерлиц, смотришь, утром снимет щучку: вот тебе и пропитание на целый день.

На ягоды приезжала Галя, потом пошли грибы — любимая пора здешних жителей. Он тоже не отставал от других, как только выпадет свободное время, корзину в руки и — в бор за реку. Да еще недельку гостил Витя, вдвоем-то было охотно ходить по грибы. В осеннем лесу царит сдержанный, мягкий свет, безмолвие; бродишь среди этой тишины и забываешь обо всем на свете.

Вечером дома тоже приятное занятие — разбирать грибы, нанизывать белые на сушильные спицы, ставить их в печку: запах в избе после этого неповторимый. Трошин был приспособлен к деревенской жизни, груздей насолил не хуже любой хозяйки и даже отвез ведро в город, да еще — корзинку клюквы, ею сельцовские всегда запасаются. Жена смягчилась, когда подал заработанные деньжата.

Глубокая осень — самое скучное время что в городе, что в деревне, но тут у Паши Трошина появился другой интерес. Ехал из райцентра в свое Сельцо, вошел в автобус — Татьяна Марышева улыбается, хлопает ладонью по незанятому сиденью, дескать, садись.

Неторопливо поплыли по раскисшей дороге: мотор подвывает, пассажиры толкуют про всякую всячину, а у них с Татьяной свой разговор.

— Привет, Паша! Чего-то накупил?

— Да так... продовольствие.

— Ну-ну, ты ведь теперь на самообслуживании, — подшутила Татьяна.

Конечно, изменилась она с тех пор, как гулял с ней после армии, но по-прежнему из-под бежевой вязаной шапочки на левый висок выпадала прядка русых волос, а в глубине карих глаз таились игривые огоньки. Давно разошлись их пути, давно смирились они с этим, если так распорядилась судьба.

— Себя накормить — не проблема, — сдержанно ответил Трошин.

— А я зимние сапожки купила Иринке, ей надо одеваться поприличней.

— В редакции работает?

— Ага. Она еще в школе заметки писала, вот ее и взяли в районку.

— Молодец! — одобрил Трошин, удивляясь тому, как девчонка, которая росла вместе с его Витькой, приезжавшим на лето к бабушке, столь скоро повзрослела да еще нашла такую серьезную работу.

— Вот, смотри, какие! — Татьяна достала из пакета сапог. Трошин повертел его в руках, для чего-то расстегнул и застегнул молнию, продолжая думать о прошедшей молодости, о том, что они с Татьяной могли быть мужем и женой и тогда весь жизненный план исполнился бы совсем иначе.

— Скоро у нее день рождения — хороший подарок, правда?

Трошин кивнул, хотя сапожки никак не интересовали его, и вообще разговор был обыденным, какой бывает между людьми, ничем не обязанными друг другу.

— Значит, перестал ты летать в Сибирь, — не то спросила, не то просто отметила Татьяна.

— Пожалуй, перестанешь, если хочешь жить.

— И надолго ли в селе?

— Пока не знаю.

— Я иду другой раз, смотрю, свет у тебя в окнах: как-то непривычно.

— Зашла бы, — тихо сказал он.

— Какой ты простой! — Татьяна весело взглянула на него и повернулась к окну, как будто можно было что-то разглядеть в осенней темени.

От автобуса шли вместе. Не доходя до Татьяниного дома, остановились на минуту. Паша взял ее за руку, Татьяна остановила его:

— Паша, в селе везде — глаза. Твоя Галина далеко, а мой рядом, вон — свет в окнах.

— Вспомнил, как провожались мы с тобой.

— И мне вспомнилось, да что уж теперь... Иди, а то начнется брехня по селу. — И сама первая направилась к дому.

Этой ночью Трошин побеспокоенно вставал курить, задумчиво сидел на табуретке на кухне, вспоминал молодые годы, когда жизнь могла пойти по другому сюжету.

5.

После армии Паша Трошин остался в городе, приняли в бригаду ремонтников пути трамвайного управления: работенка не из легких, но по молодости сила была не растратчена, а главное, дали место в общежитии. И деньжата появились, в отпуск приехал в костюме, матери привез шерстяную кофту, одним словом, немного прибарахлился. Даже

мотоцикл купил по дешевке, катал на нем Таньку Веселову... Ничего подобного в жизни больше не повторится. Останутся где-нибудь на высоком берегу Вочемы и стоят, утаившись от всех, глядя друг другу в глаза. Танька, такая гибкая, жаркая, прильнет к нему, запрокинув голову, дыхание прервется в неуголимом поцелуе, голова кругом идет, сердце выпрыгнуть хочет... Но никакого баловства она не допускала, и у него намерения были серьезные.

Потом, отталкивая фарой темноту, с ветерком возвращались в село и опять, как замороженные, стояли возле крыльца, бывало, что забудутся, а уже утренняя заря начнет заниматься. В школе не очень обращал на нее внимание, а тут лишила покоя.

— Когда теперь приедешь? — спрашивала Танька.

— Как только дадут отпуск... Обожди, устройсь получше и увезу тебя в город, — обещал Паша, не очень надеясь на такое устройство, но было в этом обещании обнадеживающее утешение для них обоих.

Реальная жизнь оказалась прозаичней мечтательных порывов: суженая нашлась не в родном Сельце, а в городе. Галя тоже работала в трамвайном депо и жила в том же общежитии, где и познакомились на праздновании Нового года. Сначала попереглядывались. Паше приятно было ощущать на себе взгляд ее серых глаз с изучающим прищурцем. Потом пошли танцевать. Галя посмеивалась над его неумелостью, а он только раззадорился в своем ухаживании. Стали встречаться едва не каждый день, и дело скоро закончилось регистрацией в загсе.

Теперь они имели право претендовать на отдельное жилье и добились получения однокомнатной квартиры, в которой живут до сих пор, а при нынешней власти ни о чем ином и мечтать не приходится. Слава богу, родительская изба сохранилась, где можно отдохнуть душой.

Помнится, как он явился в Сельцо после женитьбы: Галя несла полугодовалого Витьку, он — сумки. Казалось, все односельчане смотрят и осуждают его. Стыдно было перед Татьяной, обещал взять в город, а привез оттуда жену, да еще с ребенком на руках.

Татьяна не упрекала его: встретятся, поздороваются, для приличия перекинутся парой слов, как будто между ними ничего и не было. Осенью и сама вышла замуж за Володю Марышева, не столько по любви, сколько с досады на Пашу. Так и разошлись их дорожки, будто на расстани.

Может быть, и не прогадала она, потому что Володя — мужик серьезный, вином шибко не балуется, работающий, из Сельца никуда не порывался: по нынешним неустойчивым временам так-то жить оказалось надежней.

Обо всем этом потревоженно передумал Паша, придя домой. Чтобы отвлечься, включил старенький черно-белый телевизор, но ничего интересного не нашел, сидел просто так, привалившись к столу, размышляя о том, что Татьяна могла быть хозяйкой в этой избе, но много воды утекло с тех пор, как они были молодыми; из стройной гибкой девчонки Татьяна превратилась в полномерную привлекательную женщину, взгляд ее живых карих глаз как-то смягчился. Да и сам Паша изменился. Уже сединка вкралась в волосы после той жуткой ночи в тайге. Посмотрел на свой снимок на простенке: это он фотографировался в новом костюме перед женитьбой, крепкий был парень, волосы плотной шапкой, кажутся не темно-русыми, а черными. Все это осталось как будто в чьей-то другой жизни.

«Повезло Володе Марышеву», — не без зависти и даже с неприязнью молвил он про себя, как если бы тот обокрал его. Кого было винить в этом, кроме самого себя?

6.

Осень в Сельце. С верховьев Вочемы, с северной стороны, потянуло холодом, стало прихватывать инеем землю, на лужицах заблестел тонким стеклом ледок. Ни на рыбалку,

ни в лес не поманивает; самое милое дело, придя с работы, затопить маленькую печку и сидеть возле нее на низенькой скамеечке, глядя на успокоительный огонь. От плиты, от железных рукавов скоро набирается желанное тепло. Торопиться некуда. Особых дел по дому нет, вечера темные, ночи длинные...

Вот слышались шаги на крыльце, тихонько хлопнула дверь, шаги по лестнице. Порог переступила Татьяна. Принарядилась в бордовую куртку, на ногах — кожаные сапожки, улыбается с каким-то смелым торжеством: дескать, не ожидал такого явления!

— Не запираешься в такую-то темень?

— А чего особенного у меня взять? Сейчас закрою.

Он поднялся со скамеечки.

— Не надо, я заперла. Ты ведь приглашал, вот я и пришла.

— Проходи, проходи, чай будем пить.

Татьяна задернула поплотней занавески, заглянула к нему на кухню:

— Господи, чего у тебя на столе понаставлено!

— Так ведь кухня... А мы посидим в передней. Можно выпить, если не возражаешь.

— Давай за нашу запоздалую встречу, — ободряя себя улыбкой, согласилась Татьяна.

Пили чай, сидя рядышком, глаза в глаза, наслаждаясь близостью друг друга. Вспоминалась Паше порывистая Танька Веселова, а перед ним была как бы другая женщина, с другой фамилией. Ему нравилось, как она привычно поправляла прядку волос у виска. Разумянилась, расстегнула кофточку:

— Тепло у тебя.

— Печка топится. Вообще у нас изба теплая.

— Я бывала у тети Нюры, она уж снохой меня называла, — легко, словно шутку, вспомнила Татьяна, а для Трошина ее слова прозвучали укором: сколько лет прошло, и все равно он чувствует себя виноватым перед ней. Однако оправдываться не имело смысла. Побарабанил пальцами по столу и произнес:

— Мама говаривала, прожитое — что пролитое.

— Это верно. Удивляешься, что пришла? Сегодня у меня свободный вечер: Иринка обещалась завтра, а Володя уехал в город.

— Я знаю, мы грузили его машину.

Володя Марышев работает на КамАЗе с прицепом, возит пиломатериалы на продажу.

— Смелая ты, — добавил Трошин, взяв Татьяну за руку.

— И ты, кажется, не был робким, — с улыбкой молвила она. — Пашь, давай уедем куда-нибудь...

— Ты серьезно?

— Нет, конечно, — согласилась Татьяна. — Я так, пошутила...

Тепло, уютно было в этот осенний вечер. Поднялись из-за стола и долго стояли в обнимку, как когда-то в молодости. Щелкнул выключатель света, только красновато отражались на переборке печные угли. Им казалось, что темная ночь надежно укроет их грех, но разве бывают в селе тайны?

7.

Стал Паша Трошин похаживать к Татьяне, выжидая редкие моменты, когда Володя отлучится в дальний рейс, а то и она наведывалась к нему. Казалось, все шито-крыто, благо зимой рано темнеет и поздно светает.

Однажды, придя на работу, задумчиво курил на штабельке досок. Проходивший мимо Иван Шубняков как бы между прочим обронил:

— Что, Паша, тяжело после ночной-то смены? Хе-хе!

Красноречиво так хохотнул. Трошин пристыженно насторожился, ничего не ответив. «Откуда ему известно? Не сам же выслеживал за мной, значит, кто-то поделился новостью. Кто?» — озаботился он.

Не удалось избежать молвы. Привыкнув обсуждать сельские новости, бабы судачили возле магазина:

— Вчера иду — у Марышевых ругань в дому.

— Об чем?

— Кто знает? Больше Володя выкрикивал, не шибко разберешь. Останавливаться неудобно.

— Чего знать-то? Шашни у Таньки с Трошиным. Володя бывает в отъезде, а кот из дому — мыши в пляс.

— Пожалуй, что так. Он еще после армии ухаживал за ней.

— Понятно, мужик сам по себе живет: воля кого угодно портит.

— Я бы на месте Галины не отпустила его.

— А в Сибирь-то он ездил, лучше, что ли?

— Ну, то пес знает где, а то в своем селе.

— Да что про мужика говорить? Я так Татьяну осуждаю: дело ли при живом муже хвостом крутить?..

Пришлось столкнуться с Володей. Как-то во время погрузки он остановил Трошина за машиной, где их не могли слышать при стуке дизеля, и предупредил:

— Если застану тебя с Татьяной, пеняй на себя.

— Уж больно ты грозен! — чувствуя свое превосходство в силе, ответил Паша.

Володю аж трясло от негодования, в глазах, в сжатых до побеления кулаках было столько решимости, что, казалось, вот-вот кинется в драку, но, слава Богу, обошлось без нее, только повторил угрозу гневным прерывистым голосом:

— Я свое сказал, а ты думай... Будь уверен, найду способ сквитаться с тобой, если даже сяду в тюрьму.

— Пошел ты куда подальше! — с раздражением оборвал Трошин и, едва сдерживая себя, чтобы не оттолкнуть Володю в снег, прошагал мимо.

«Угрожает хмырь! Да я тебя размажу! — горячился он. — Хорошо, что никто не слышал нас». Но что можно было доказать кулаками, если ты не прав, виноват, грешен?..

Донесли вести и до жены. В один отнюдь непрекрасный день — Паша только пришел пообедать, глянул в окно — к дому шагает часто, будто торопится куда-то Галя. Радость плеснулась и тотчас погасла, уступив место тревожному предчувствию: «Чего это она? Вроде бы не собиралась». Замер, будто в ожидании удара.

Жена вошла и сразу — в переднюю.

— Здравствуй! — сухо поздоровалась она, не назвав его по имени.

— Здравствуй! — так же коротко ответил он. — Ты как-то неожиданно...

— Это не имеет значения.

Прижалась плечом к косяку и стоит, упорно-выжидательно глядя на него. В эту минуту жена показалась Паше маленькой, беззащитной, хотелось обнять и утешить ее.

— Чего не раздеваешься?

— Приехала посмотреть в твои бесстыжие глаза, — сразу ударила Галя.

— Что ты?..

— Я-то ничего, а вот ты... — Галя не нашла нужного слова, достала из сумки листок бумаги и с гневом припечатала его к столу. — Читай!

«Галя, пишу тебе, потому что хочу предупредить, что твой Павел завел шашни с Танькой Марышевой. Об этом знает все село...» — прочитал Паша, чувствуя жар в голове. Подписи под письмом не было, значит — анонимка: нашлась какая-то «доброжелательница».

— Что скажешь на это? — припирала к стенке жена.

— Ну, гуляли мы с ней в молодости, на том все и кончилось, ты это знаешь. Что теперь, не встретиться, не поговорить? — попытался защититься Паша.

— Ты мне мозги не пудри! Уж если человек письмо прислал, значит, далеко зашло.

— Не слушай всякую брехню...

— Дыма без огня не бывает. Нам с тобой больше не о чем разговаривать, — заключила Галя, взяв листок со стола. — Оставайся здесь, я тебя на порог не пущу: завтра же врежу новый замок. А сейчас пойду к этой стерве!

— Галя!

— Была Галя, — дрогнувшим от обиды голосом ответила она.

Стукнула дверь. Проскрипели лестничные ступени. Паша, пристыженный, подавленный, замер у окна, провожая тоскливым взглядом жену, словно попрощались навеки.

Перепадка с Татьяной, видимо, была недолгой, потому что вскоре Галя прошагала по улице обратно мимо Пашиных окон. Что было делать? Выбежать, остановить ее? Не получится, только выставишь свой позор на все село. «Боже мой! Вот это влип в историю! Теперь стыдно на люди показаться, — сокрушался он, чувствуя себя как бы заточенным в собственном доме. — Какая зараза накатила анонимку? Поди угадай!»

С чувством безнадежности то вышагивал по избе, то останавливался возле окна. Потускнел солнечный день, теснота сдавливала грудь, разом почувствовал усталость, лучше чем после тяжелой работы.

8.

Наконец дождались погожих дней. На пригреве закапало с крыш, в полях слюдянисто отсвечивал снег, отполированный последними метелями, и солнце уже не просто сияло во всю небесную ширь, а прижимало к застуженной земле тепло.

Природа едва очнулась, но уже началось пока ничем не проявленное движение жизни в застывших деревьях, и люди почувствовали какое-то брожение крови, зовущее на улицу, в поле, в лес, поближе к пьянящему своей свежестью воздуху, к солнцу.

Паша любил эту светлую пору в деревне, с первыми признаками весны его всегда тянуло домой, и прежде при каждом удобном случае он стремился в Сельцо, к матери, хотя бы денька на два-три...

Вышел на крыльцо и зажмурился, постоял, привыкая к ослепительной белизне снега. У двора была свалена куча обрезков после распиловки бревен: вчера привезли ребята на тракторе, потому что не хватило ему заготовленных дров. Принялся рубить их на чурбане; такая спорая работа была ему в охотку, разогрелся, скинул фуфайку.

Увлекся, глядь, неторопливо вышагивает по тропке отец, Кузнецов Иван Федорович, мужик крупный, в лисьей шапке с кожаным верхом, черном полушубке, в большущих валенках фабричной катки. Поставил сумку на снег, снял рукавицу:

— Здорово, Паша! Трудимся?

— Да вот, привезли обрезков с пилорамы...

— Это разве дрова? Одна кора, больше дыму будет, чем тепла, — по-хозяйски рассудил Кузнецов.

Паша встряхнул пачку сигарет, отец отказался:

— Не балуюсь этим делом, да и пчелки не любят запахи. Накинь фуфайку-то — остынешь, — позаботился он.

— Нормально, погодка наладилась.

— Да-а, отогреваемся, слава Богу. — Иван Федорович приподнял шапку. — Скоро улы выставлять, а то сидим всю зиму, как в берлоге.

Паша дососал сигаретку. Поднялись в избу. Иван Федорович, не мешкая, достал из сумки банку меду, поллитровку и свиное сало. Сел на табуретку к столу, погляделся и вывел сравнение:

- Небольшая у вас избенка против моей-то.
- Нам хватает, семья невелика.
- Узнал, что ты живешь тут, решил проведать. Что не являешься в Будилово?
- Чего я там забыл?
- Чай, не чужие мы с тобой, — посетовал Иван Федорович.
- Что теперь, если жизнь прошла порознь? Ладно, батя, за встречу!

Звякнули стопками, пожевали шпиг. Паша разглядывал отца, стараясь угадать в нем собственные черты, хотя и сам знал, и люди всегда говорили, что он похож больше на мать. Иван Федорович то степенно поглаживал седые, но мало поредевшие волосы, то, подперев сильной пятерней подбородок, задумывался и тоже со вниманием поглядывал на Пашу, словно сомневаясь, что перед ним сидит сын.

— Говорят, тут у тебя неприятности получились? — Иван Федорович неопределенно ткнул большим пальцем за плечо.

— Гм! И до Будилова донеслось! — едко хмыкнул Паша.

— Плохие вести не лежат на месте.

— Приезжала на днях моя, растрезвонила на все село. — Паша недовольно поморщился и торопливо налил по новой, чтобы как-то заглушить совесть.

— Сам виноват, обидел жену... Будь умен, — наставительно заметил Иван Федорович.

— Тебе ли говорить об этом? Мама раньше срока умерла, я вырос безотцовщиной, — не удержался от упрёка Паша.

Иван Федорович продолжительно, с какой-то тоскливой болью посмотрел на него, видно было, что тяжело ему снести такой удар, даже желваки задержались. Попытался оправдаться не только перед сыном, но и перед собой:

— Я оступился в молодости, а ты семью имеешь, мужик в серьезных годах. Ну, казни теперь меня, высказывай, имеешь право! Только мне и самому нелегко носить всю жизнь такой грех. Понимаю, что никто мою вину перед Анной и перед тобой с меня не снимет.

Невеселая получалась беседа, да и не рассчитывал на нее Иван Федорович, когда направлялся в Сельцо. Долгое время не виделись, а встретились без какой-либо радости. Что поделаешь? Разбитый горшок не склеишь.

— Ладно, батя, не будем берeditь старое, — примирительно сказал Паша.

— Ты и меня пойми, Павел, один я остался в своем большом доме: Катерину похоронил в прошлом году, дочки обе — в городе. Вот ты все — батя да батя, как будто чужие мы с тобой, — посетовал Иван Федорович.

— Да уж так получается...

И в самом деле Паша почти не знался с отцом, жившим в Будилове другим семейным интересом. Язык не поворачивался назвать его папой. Была и останется обида за униженное детство, за поломанную судьбу матери. Вот сидят они за столом, выпивают, разговаривают, а близости все же нет. Однако делить им нечего, надо как-то поддерживать нормальные отношения.

Словно соглашаясь с его мыслями, смягчив сердце выпивкой, Иван Федорович продолжал:

— Все же побывай как-нибудь в Будилове, я буду рад. У меня много разного инструмента, рыболовных снастей, мотоцикл давно стоит без дела: возьми чего надо. Какой я нынче рыбак или мотоциклист?

Встав из-за стола, Иван Федорович поразглядывал семейные снимки Трошиных, молча повинился перед Анной и, уже надевая полушубок, высказал совет:

— С женой разлад ликвидируй, в ноги ей упади, а помирись. — Не дожидаясь ответа, добавил: — Ладно, пошел я. Не забывай дорогу в Будилово.

Тяжелые шаги по лестнице удалились, бухнула дверь, тихо стало в избе. Паша забывчиво постоял у окна, глядя вслед постаревшему отцу: все же шевельнулось в сердце что-то трогательное. Как ни крути, одна кровь. Поддел ложкой меду, не спеша пробуя его на вкус. Сладкий подарок. Каким памятным счастьем было бы, если бы отец принес эту банку в детстве!..

9.

Март на исходе. Ясные, приветливые выстоялись дни. Кажется, самому солнцу весело в просторной небесной голубизне; даже когда уйдет оно за горизонт, еще долго плавится над лесом широкий огненный закат, и странно видеть в той вечерней стороне, в непотускневшем бирюзовом небе самую яркую звезду всех времен года, свет которой кажется каким-то торжественным и досягаемо близким.

Скворцы еще не прилетели. Первым настраивает свою барабанную дробь пестрый дятел, то ли живущий в Сельце, то ли появляющийся здесь, как вестник весны: бодрое получается начало. Потемнели дороги, пообтаяли крыши, зашевелились люди, освобождаясь от зимних одежек.

В такую пору трудно усидеть в избе. Пашу поманивало на реку, закинул за спину приготовленный с вечера рыбацкий ящик, взял под мышку ледобур и пошастал на лыжах к дальнему Круглому омуту: всегда кажется, что, чем потаенней место, тем больше рыбы.

Направился напрямиком через длинное поле. По насту шагалось легко. Иногда останавливался, шурясь на ослепительный снег, прислушивался к тетеревиному бормотанью. Большое, еще нераскаленное солнце катилось сбоку, в лесу оно потерялось, здесь утомляли глаза синие тени и царила глубокая тишина, только слышно было, как поскрипывают ремешки лыж. Под пологом елей и сосен продолжал прятаться неуступчивый морозец, и воздух был по-зимнему резкий.

Не теряя ориентиров, иногда подходил к речным излучкам. На быстринах Вочема освободилась ото льда, а кой-где даже проступили забереги. Узкая промоина вклинилась и в Круглый омут, где уже побывали рыбаки, натоптали тропку по ледовому мостику, сохранившемуся над промоиной. Паша благополучно перешел по нему на противоположную сторону, где оказалось больше насверленных лунок. Опустил в лунки две удочки и стал наблюдать за кивками, сидя на ящике.

Поклевки были редкими, тем не менее кучка плотвиц на льду прибавлялась. Солнце играло вовсю, так что к полудню стало пригревать, хоть скидывай фуфайку. Было удовольствием просто посидеть на любимой реке, а тут еще удалось выудить на жерлицу щучку. Приятное занятие, за которым не замечаешь, как проходит день.

Паша спохватился идти домой, когда было уже часов шесть вечера. Поскольку ледяной мостик через протоку мог ослабнуть на дневном пригреве, на всякий случай сначала перекинул на другую сторону бур и ящик. «Люди тут ходили пешком, а уж на лыжах проскочить проще», — рассудил он.

Увы, проскочить не удалось. Мостик рухнул под ним, Паша соскользнул с лыж назад, в полынью: спасло то, что предусмотрительно отстегнул ремешки креплений. Выбрался грудью на лед, отчаянно ботая ногами, но кромка льда обвалилась под ним. Пришлось повторить попытку, продолжая ботать тяжеленными валенками, боясь неосторожным движением снова обрушить кромку, а еще сковывал страх того, что может затянуть под лед.

Кой-как вскарабкался на берег, с ужасом глядя на черную воду, качающуюся в полынье. Вместе с ней качались лыжи, зацепившиеся носками за противоположный край

льда. Надо было их доставать, потому что без лыж его ждала погибель и на берегу: снег глубокий.

Сломал длинную иву, стал ползком подбираться поближе к лыжам, опасаясь снова рухнуть в воду. Цепляя лыжи за ремешки, слава Богу, выудил их из полыньи. Дрожа от холода, торопливо выжимал одежду, но много ли тепла, если она и валенки мокрые? У фуфайки остались сухими только плечи. Ледобур и ящик с уловом — на домашней стороне, а он сам растерянно топтался на противоположном лесном берегу. Боялся еще раз ступить на лед, поэтому решил идти не к себе в Сельцо, а к поселку лесозаготовителей, до которого было немного ближе.

Отыскал заброшенную дорогу, старательно направился по ней, сознавая, что теперь можно спастись только непрерывным движением, но в мокрой тяжелой одежде, на мокрых лыжах при всем усердии подвигался он медленно. Наст в лесу был совсем слабый, лыжи вязли в снегу. Приходилось спорить с усталостью. «Нельзя останавливаться, нельзя! Только бы добраться до жилья. Господи, помоги мне!» — твердил Паша, замечая, как в лесу густеют ранние сумерки.

Вскоре стемнело, и звезды проклюнулись над просекой. Из-за этой темноты и подстерегла его беда, когда съезжал в овражек: лыжа зацепилась за сучок вылежины, Паша уткнулся в сугроб, и в этот момент отломился носок лыжи. Теперь вовсе была не ходьба, а мучение, сломанная лыжа утыкалась и зарывалась в снег.

Наконец послышался обнадеживающий лай поселковых собак, и все же долгим показался ему оставшийся путь, к тому же стало подмораживать, и фуфайка на нем вскоробилась, начала леденеть снизу. Выбившись из сил, он совсем бросил лыжи, как надоевшую обувь, и побрел напрямую к ближним огням. Перевалился через какую-то треснувшую под ним изгородь, тотчас встревожились собаки, подбежали люди с фонариком.

10.

Утром, узнав о том, что Паша Трошин не вернулся с рыбалки, встревожилось все Сельцо. Отправились по его лыжному следу и, найдя ящик с ледобуром, посчитали Пашу утонувшим. Только и разговору было про нечаянную беду, мол, что да как могло случиться. Уж собирались известить Галину.

А под вечер невредимого Пашу доставили из поселка на машине, и в окнах его избы привычно зажегся свет. Только не прошли даром купание в ледяной Вочеме и долгая ходьба в мокрой одежде. На другой день поднялась температура: как только окутывался одеялом, бросало в жар, а без него ознобно потрясывало.

После работы зашли Иван Шубняков, Федор Горохов и Сашка Забелин, любопытствовали про его приключения. Конечно, посочувствовали, но тут же, расположившись, как дома, распили бутылку водки, дескать, за спасение и выздоровление. Повеселели, стали подшучивать друг над другом и Пашей. Сашка по привычке завернул байку:

— Встретились два охотника. Один убил двух зайцев, спрашивает другого: «А ты?» «Десять ежиков», — отвечает. «Это зачем?» — «Жене — на воротник, теще — на стельки».

— О-хо-хо! — загоготали, забыв, по какому случаю явились. Даже Паша тихо посмеялся в постели, нисколько не осуждая приятелей.

— Все же везучий ты, Паша, опять спасся, — сказал Федор Горохов, — считай, дважды заново родился. Как говорится, третьего не миновать...

— Тьфу! Тьфу! — остановил его Шубняков. — Постучи по дереву!

Дружно постучали по столу.

— Другому бы ни за что не выбраться из полыньи: только представить себе — фуфайка, валенки, все намокло, тяжеленное, да еще — жуткий холод. Бр-р! Мы уж попрощались с тобой, когда увидели на омуте брошенные вещи: шапки сняли и стоим.

— Долго жить будешь, — добавил Сашка

Надымили куревом полную избу, пожелали выздоровления и ушли, считая, что теперь он под родной крышей, значит, в безопасности.

Поздно вечером навестила Татьяна. Придвинула табуретку к кровати, Потрогала прохладной ладонью Пашин лоб.

— Ой, как тебя разгасило! — Пооткинула одеяло. — Что делать-то? Медичку из Спаса привезти? Она молоденькая, только назначена, мало чего понимает.

— Подожду утра, может быть, полегчает. Не надо было тебе приходиться: не нужны лишние разговоры по селу.

— Я на минутку, по-моему, никто не видел, — успокоила Татьяна.

Навела порядок на столе, напоила Пашу чаем с медом и клюквой.

— Выпей побольше, тебе надо пропотеть. Завтра пришло Давыдиху: чем-нибудь по-может...

Ночь Паша не сомкнул глаз, но, измаявшись, все же забылся на короткое время, и привиделся ему сон, будто стоит он под окнами не зимой, а в жаркий летний день и видит, подходит к нему вахтовый мастер Василий Зыков, в камуфляжной робе, в большущих резиновых сапогах. При этом подумалось: «Неужели не жарко ему?»

— Как поживаешь, Паша? — будто с укором спросил Зыков, мол, все погибли, а ты умудрился уцелеть.

— Здесь, в Сельце, пока. Заходи, посмотришь.

Направились в дом.

— Вы-то как там? — любопытствовал Паша.

— Хорошо у нас. Видишь монастырь? Тут рядом, побывай как-нибудь.

Шли в избу, а оказались опять на улице, где вместо сельской церквухи, как наяву, виднелись золоченые кресты и купола монастыря. И белая-белая ограда вокруг него. Даже во сне Паша засомневался, чтобы такой великолепный монастырь мог находиться у них в Сельце. Зыков между тем уже удалялся в сторону монастыря. Хотелось остановить его, но крикнуть не получалось, мешало какое-то удушье...

Проснулся Паша в поту, с чувством разочарования по исчезнувшему чудесному видению монастыря, но после некоторого размышления это чувство сменилось тревогой, поскольку вспомнилось, что увидеть во сне церковь — к терпению, а самое главное, никто из сибирских бригадников ни разу ему не снился, и вдруг пожаловал Василий Зыков. «Это душа его явилась ко мне, — расшифровал сон Паша. — В какой-то монастырь приглашал, хорошо, что я не пошел за ним».

Нащупал нательный крестик и перекрестился. Оберегает-таки ангел-хранитель: второй раз спасает от смерти. Дернуло же Горохова за язык пророчить, мол, третьего не миновать. Неужели и в самом деле преследует рок? Господь наказывает меня за грехи, скорее всего так... Закрывал глаза и снова видел за белой стеной сияющие купола монастыря, словно в реальности возникшего в конце сельской улицы. Непонятно было, почему такое красивое видение — к терпению?

Так и получилось. Температура не спадала, казалось, сделалось горячо даже в глазах. Он поднялся, побродил по избе в валенках, но от солнечного света в окнах закружилась голова, вернулся в постель.

Обрадовался, когда пришла Давыдиха, которая умела врачевать и людей, и скотину. Иные считали ее колдуньей, только зря, потому что она была обыкновенной знахаркой. Это нынче в любой рекламной газете наперебой предлагают свои услуги разные, якобы потомственные, целители, гадалки, прорицатели и прочие шарлатаны. Для Сельца оказалось достаточно Давыдихи, знающей травки и некоторые наговоры. Конечно, и такое веданье не без греха, но что поделаешь, если одно без другого не бывает?

— Как ты, Павел Иванович? — уважительно повеличала старуха. — Надоть так оплошать! И кто придумал эту зимнюю рыбалку? — ворчала она, внимательно глядя на него. — Куда тебя понесло на Круглый-то омут?

Глаза у Давыдихи какие-то нездешние, когда-то были черными, теперь выцвели, но сохранили пронизательность.

— Не знаю, тетя Шура. Сильно простудился. Я уж зарок дал: больше зимой на реку — ни ногой.

— Раньше никто зимой-то не ловил: есть, что ли, нечего? — Пощупала сухими пальцами руку и лоб, велела повернуться спиной. Принялась втирать какую-то пахучую жидкость. — Пощиплет немного, потому как скипидару добавлено. А грудь понатираешь сам: пузырек оставлю.

Отошла со своей сумкой на кухню. Слышно было, как бормочет там:

— Мать всем травам плакун-трава, помоги рабу божию Павлу... — Вынесла заварной чайник: — Пей этот сбор — хорошо помогает: от земли — трава, а от Бога лекарство.

Принялась заговаривать, стоя возле кровати:

— Ты, злая трясовица, уймись, а не то проклянущу в тар-тарары... Ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами. Немочь и простуда, отвяжись от раба Павла моим крепким словом...

Поверил Паша в бабкины снадобья, натер себя настойкой, напился травяной заварки и несколько успокоился, дожидаясь результата. И все же невозможно было уснуть, лезли в голову, перебивая друг друга, разные мысли: то думал про Татьяну, то повторял свой разговор с женой, то с ужасом вспоминал роковое купание в Вочеме. Могло затянуть под лед и — каюк. Жуть!

Отец Михаил говорил: «Кого Господь любит, тому посылает испытания, и он же дарует спасение».

«За что любить-то меня, если церковь рядом, а я сходил в нее всего один раз и то не мог выстоять службу и ничего не понял в ней? Крестился в сорок пять лет, а что проку-то?» — признавался себе Паша.

Лежал с открытыми глазами. Месяц позаглядывал в окна и то ли скрылся за домом, то ли потускнел перед рассветными сумерками. Вот уж совсем разбрежилось, однако и новый день не сулил ему ничего хорошего, потому что по-прежнему бросало в жар. От Давыдихино лечения не стало легче, нужна была больничная помощь.

Утром, пока сын не ушел на работу, позвонил ему, дескать, договорись с начальством, чтобы разрешили съездить в Сельцо. Оставалось ждать приезда Вити, это было надежнее всего.

11.

Приходил Торопов, предлагал отвезти в райбольницу, Паша отказался, сказав, что ждет сына. Долгим показалось это ожидание.

Витя прибыл во второй половине дня, легко взбежал по лестнице: спортивный малый, на полголовы выше отца, в любом деле проявляет мужскую хватку.

— Здорово, пап! Чего случилось?

— Пошел рыбачить на Круглый омут, по глупости провалился в воду, а до дому не вдруг доберешься, сначала побрел в поселок...

— Как чувствуешь себя?

— Скверно, Витя. То в жар, то в озноб кидает, температура...

— Одевайся помаленьку да показывай, что из вещей взять с собой.

— А как мать отнесется к моему приезду?

— Конечно, она в большой обиде на тебя, но не будет же скандалить с больным: выздоровеешь — разберетесь, не мне вас учить, — как серьезный посредник рассудил Витя. — Когда собирался ехать, она наказывала, чтобы мы не забыли все выключить, хорошо запереть дом.

«Понятно, что переживает за мать, держит ее сторону и осуждает меня, только не выказывает этого», — отметил Трошин. Пока одевался, сын складывал в сумки вещи. Обычно кое-что получше припрятывали, на этот раз было не до того. Паша терпеливо сидел в машине, пока сын проверял все в избе, вывертывал электропробки.

Возле машины топтался Вася Гаврилов, он думал, что Трошины задержатся до утра, намеревался поболтать и, может быть, посидеть за столом, теперь же только высказывал сочувствие:

— Да-а, Паша, видишь, как получилось! Где беде быть, там ее не миновать. Не поддавайся хвори, поправляйся, выздоравливай. Чай, в городе медицина поможет. Теперь уж на тепло повернуло, Бог даст, скоро увидимся.

Трошин слушал его рассеянно, только вяло помахал рукой, когда машина тронулась. Вначале притряхивало, а по шоссе покатались ровно. Низкое солнце светило в боковое окно, зажигало снега, так что в глазах возникала резь. В кабине скоро набралось тепло, впору было скинуть куртку.

— Пап, не расстегивайся и шапку не снимай, потерпи, — заботился Витя.

Закрыв глаза, Трошин ехал в полудреме, в таком настроении, как будто попрощался с Сельцом навсегда. Вспомнил, что так и не удосужился поставить новую оградку на могилах бабки и матери. «В лесу живем, на лесопилке работаю, можно было заготовить материал», — стыдил он себя.

Постепенно мысли его обратились к городу. Что ждет его там? Как помириться с Галей? Сказанное сыном несколько обнадеживало, но грех перед ней вряд ли останется прощенным. Было тяжело даже сидеть, хотелось лечь, однако он не жаловался, чтобы не отвлекать сына. «Уж не воспаление ли легких у меня?» — настораживался.

Вот уж свет фар закачался над просекой, позади осталось больше половины пути.

— Хорошо ты вздремнул, — заметил Витя.

— Да я так, только глаза закрыл.

— Ничего, сейчас приедем домой, — подбадривал сын. — Утром отвезу в поликлинику.

— Как дела у вас с Валеями?

— Нормально. Мы больше у них находимся: родители относятся ко мне хорошо.

— Ничего нормального в этом, Витя, нет. Распишитесь, как положено.

— Успеем. Нынче многие так живут.

— Пусть живут, это не пример для тебя. Подумай.

— Ладно, — отнекнулся Витя.

Мотор продолжал убаюкивать. По сторонам дороги стеной тянулся обтаявший ельник, настойчиво прошивали темноту фары, иногда резко вспыхивали встречные, и казалось, дорожной просеке не будет конца.

Утомляла не только болезнь, но и беспокойные мысли. Вроде бы можно считать себя удачливым человеком, поскольку какая-то сила оберегает его, а с другой стороны, преследует роковое невезение. Снова вспомнил обеспокоившие слова Феи Горохова. «Поди угадай, какие опасности подстерегают в жизни, — раздражительно думал он. — Судьбу не выбирают, и, как она распорядится, не дано знать никому».

С верхотинки показались огни города. Как переступить порог квартиры? Как примет Галя? Как посмотреть ей в глаза? Хорошо, что в дом они войдут вместе с Витей. Предстоит тяжелый разговор с покаянием, а еще будет суд совести.

Юлия КОРОБОВА

Юлии Коробовой двадцать лет. Ее человеческая и творческая биография только начинается: после окончания школы в поселке Ишня Ростовского района она поступила на филологический факультет Ярославского государственного педагогического университета. Пишет повести и рассказы. Публикуется впервые.

Третий путь

Эмо-повесть

А про третий путь
Не скажу ни слова.
Он у каждого свой:
Раз и готово...

Литер. «Три пути»

Тебе пятнадцать

«Я передам Игорю, он что-нибудь придумает».

Короткое движение мышкой...

«Ваше сообщение Рите Селиной отправлено».

Надо передохнуть.

Я прикрыла глаза руками. Веки нещадно горели и чесались. Отклонила настольную лампу: так освещены белые стеклопакеты и мокрые ветки дерева, растущего вплотную к дому. Рядом мелькали какие-то тени. Духи ночи? Всего восемь вечера, но так хочется спать. А ведь сегодня пятница, Рита в клуб собралась... Хоть кому-то хорошо.

— Катюша, иди ужинать. Чем ты занята?

— Сейчас, информатику доделаю. Мам, где мои старые очки?

— Где-то новые забыла? Сколько можно... У старых левая дужка болтается. Они в шкафу, на полке с нитками.

Ладно, найду очки после еды. Закапала в правый глаз «визин». Из коридора послышались шаги мамы. Я торопливо свернула окно «Контакта» и выбралась из-за миниатюрного столика. На экране монитора осталась презентация «Молодежные субкультуры. Эмо».

«Сегодня под эмо подразумевают молодежную субкультуру, которая сделала своим кредо проявление эмоций — как положительных, так и отрицательных, вызванных несправедливостью этого мира и несовершенностью бытия. Выражение эмоций — главное правило, определяющее поведение и стиль жизни. Проявление эмоций эти мальчики и девочки считают проявлением того человеческого, что люди почему-то прячут в себе. В отличие от готов, которых чаще привлекают грустные стороны человеческой жизни и смерть, эмо не разгуливают по кладбищам и не мечтают поскорее покинуть этот мир. Главной целью в жизни любого эмо становится поиск понимающего их спутника жизни...»

— Иду, мамуль. Иду-у!

— Не дозовешься, — проворчала мама.

Повернув голову дочери к свету, она заглянула в темно-синие глаза. Радужку оттеняла жутковатая сеточка сосудов, а правый зрачок был намного больше.

— Зоя запретила тебе сидеть за компьютером, если ты помнишь, конечно.

— Конечно... нет. Мам, я учусь вообще-то. Я и не сидела бы...

— Кто вчера в Интернете полночи щелкал?! Катерина, в последний раз предупреждаю: не будешь беречь глаза — продам твой ящик!

— А...

— А домашнюю будешь в школьном компьютерном классе делать! Пойдем есть.

Мама прошла на кухню. Даже древний махровый халат с грязно-оранжевыми цветами на ней был похож на царскую мантию.

— Выпей витамины, вон там кипяченая вода. Приятного, дорогая.

— А ты?

— Я села на диету.

— Когда успела? — поморщилась я.

— Два часа назад, — засмеялась мама, изящно откидывая за спину длинные рыжие кудри. — Алена давно уже не ест после шести. Теперь вместе худеть будем.

— По ней незаметно, что она худеет!

Я тут же пожалела о своей резкости, прекрасно помня неллицеприятные Аленины отзывы обо мне, причем высказанные почти в глаза: «Инна, ты бы прихорошила девку, что ли! Она вся в папашу... Не твоя порода!»

Ну-ну.

— Я знаю, как она тебя раздражает, но не обращай внимания, — мама ущипнула меня за щеку. — Пойду, там «Ефросинья» началась.

— Мам, подожди. Я тут подумала... Может, мы мне линзы купим? Их-то я и при желании не потеряю! — Я вспомнила почти новые очки, принудительно канувшие в огромную лужу возле газетного киоска за углом.

— Нет. От линз станет только хуже, совсем ослепнешь.

— Зато их не видно, — высказала я наболевшее, — и очки мне не идут. Ну ма-ам! Я закончу четверть... э-э-э... у меня будет не больше трех четверок! Обещаю!

Лицо мамы смягчилось:

— Давай так: я посоветуюсь с Зоей, а потом решим, как лучше. Идет?

Я повеселела и быстренько съела курицу с цветной капустой. Потом, прислушавшись, достала из кармана зеркальце и мамину фотографию, сделанную, когда той было семнадцать и она ждала ребенка. Изменений к тридцати четырем годам почти не наблюдалось. Юная Инна в белом летнем платье улыбалась, блестя серыми глазами и придерживая руками живот. Я стащила это фото из маминого альбома еще лет десять назад и с тех пор отчаянно мечтала стать похожей на нее, но... «Не твоя порода!» — как ни обидно, ненавистная тетя Алена, ежедневно обсчитывавшая народ на рынке, была права.

Я старательно заправила за уши прямые черные волосы и придирчиво рассмотрела в зеркальце свой нос. Этот нос всегда портил настроение и отношения с мамой, отказывавшейся одолжить мне денег на пластику. И даже аргумент «я все верну с зарплат» не помогал. Вслед за носом критике подверглись щеки, лоб, уши.

— Чухантэ! — Я, едва сдержав слезы, пошла спать.

* * *

— Презентацию по панкам посмотрим в следующий... Так, ну-ка, сядьте на свои места. Звонок дан для учителя! И довожу до вашего сведения, девятый «Б», что во вторник состоится родительское собрание и я жду ВСЕХ.

Дав понять, что урок окончен, Ольга Игоревна подозвала старосту и что-то спросила у нее. Вика оглянулась на меня и пожала плечами.

— Катюша, а когда твоя мама наконец придет?

Я покраснела.

— У нее... работа, — проямлила я.

Ольга Игоревна преподавала с пятого класса и знала всех родителей, но моей мамы никогда не было ни на вечерах, ни на собраниях. Чаще всего школьные мероприятия накладывались на встречи с ухажерами, и мама, вечно занятая поиском счастья, выбирала последнее.

— Хоть бы раз пришла. Мне надоело передавать ей послания в твоём дневнике. В общем, скажи ей, что я буду вынуждена заглянуть к вам на чай, — и Ольга Игоревна, собрав тетради, вышла из кабинета.

Тут только я ощутила липкую тишину вокруг себя. Вика ехидно протянула:

— Я понимаю, почему она не хочет показываться нам на глаза. Она стыдится тебя! — Большинство ребят с готовностью захохотали. — Или себя? Тогда мне ее жаль... — И, тряхнув крашеной светлой гривой, Вика отвернулась к своим присным.

Я мысленно проткнула ее указкой. Ну что с такой разговаривать?

— Моя мама не хочет общаться с тобой и тебе подобными.

Не обращая внимания на звонкий мат, ударивший в спину, я вышла в коридор. Через несколько секунд показалась Рита, с которой я жила в одном подъезде. Она присела на подоконник и осторожно промокнула мою щеку рукавом.

— Не обращай внимания. Ты же знаешь, какая она — вся из себя.

Я судорожно выдохнула:

— Почему меня все ТАК ненавидят? И она... Что я ей сделала? Парня увела?! — И сама улыбнулась от подобной мысли: Рита уже второй месяц встречалась с лучшим парнем в мире. Ему недавно исполнилось двадцать.

— У нее же фраза любимая: «Чтоб запомнили».

— Я ее точно не забуду... У меня глаза красные?

Рита пригляделась:

— Нет, только не три. Пойдем?

Сегодня в Рите было что-то странное.

— Скажи, а она... Хотя не надо, она меня не волнует.

— Кать, когда ты пришла, мы, считай, уже две компании были...

О да, компаний в моем новом классе, действительно, было две — «Викина» и «отбросы», в первый же час пребывания я попала во вторую. Критерий деления — деньги. Конечно, мне, стригущейся у соседки тетя Любы и одевающейся на рынке, было далеко до Вики. Та раз в неделю ходила (точнее, ездила с папиным шофером) в салон красоты и шопинговалась в Москве. Тогда тем более была непонятна ее неприязнь к новенькой. Риту тоже не любили, но у нее брат — десантник. А у меня — мама, которую никто не видел.

Мимо прошел высокий парень. Мельком глянул на каких-то девчонок на подоконнике и подхватил на руки Вику, выскочившую из класса ему навстречу. Та победно улыбнулась подружкам, визжавшим от восторга, и показала нам язык.

— Пойдем, Рит.

На русском я так и не смогла сосредоточиться. Перед глазами стоял он, с улыбкой протягивающий руки — мне! — и обнимавший — меня! — а Рита пихала ногой и просила помочь. Я не по-дружески отмалчивалась.

Домой мы шли вдвоем. Еще у школы Рите попали комком грязного снега в спину. Викины друзья загомонили разочарованно и слегка испуганно.

— Хотели в меня, — догадалась я. — Промахнулись.

Октябрьский ветер трепал черную косу. Глаза слезились, но тереть перчаткой нельзя — негигиенично. Хотя какая разница? Желтоватое пятно на спине Риты напоминало мишень. А я вся была мишенью. В меня стреляли отравленными дротиками, в глаза, в уши, в сердце...

— Хорошо тебе, Кать...

Я с ужасом увидела слезы на щеках подруги. Слезы не от ветра.

— Ты что? С ума сошла?

— Тебя мама любит, ты у нее одна... А я, как Женька из армии вернулся, не нужна своей совсем... Вчера из клуба ушла в час ночи, раньше всех, одна! А она у двери с ремнем и орет: «Нашлялась?!» И пальто надо в химчистку теперь... Только бы поверила, что я не сама, что кто-то решился задеть сестру ее сына!

Галина Викторовна всегда угощала меня чаем с пирогами собственного приготовления, Сергей Павлович торжественно доставал шахматы, а Женя называл красоткой... Вот так. Папа, мама, я — счастливая семья?

— Да я у мамы одна. У меня нет отца. И братьев и сестер. Надо мной издеваются все, кому не лень. Мама сто второго кавалера нашла...

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Возле Ритиной квартиры я уронила «Пока» и, не дожидаясь ответа, пошла вверх. Дома ждал холодный суп и унылые выходные.

* * *

27 октября.

Привет.

Ты знаешь, вчера они опять издевались надо мной. Ты бы заступился, если бы любил меня, но...

Ты мне так дорог. Жаль, что я не могу тебе прямо сказать это. И я должна признаться... вы с Викою красивая пара. Но у нее только и есть, что красота, а больше ничего. Она глупая, самовлюбленная, капризная стерва!!!

Да, я говорила Рите, что она меня не волнует... Я наивная, да? Нет, вряд ли. Просто ревнивая. А Вика не виновата, что ее так воспитали.

Утром мы с Ритой пекли торт. Получилось нечто похожее на сплюсненную буханку черного, а на вкус вроде и ничего... Мы его кремом из сгущенки намазали и посыпали орехами. Родители похвалили, кстати. Мама намекнула, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, но вряд ли ты согласишься бы попробовать мой «шедевр». Рита в последнее время странная какая-то. Замкнулась в себе, гулять не ходит. Я ее пытаюсь расшевелить, но это ненадолго. Говорит, что за испорченное пальто ее не ругали, зря она боялась. Тогда тем более непонятно.

У меня часто звенит в ушах. Когда я сижу в тишине, можно расслышать даже что-то похожее на голоса. Они куда-то зовут, что-то обещают. Хочется покоя.

В последнее время я себя неважно чувствую. Как... беременная! Смешно, да? Мне тоже смешно. Вот этого мне точно не приходится опасаться. По крайней мере, пока ты меня не полюбишь. А значит — никогда.

* * *

— Мам, ну выбери пару часов!

— Во вторник я встречаюсь с Алексеем. Я жду предложения, пойми! — И мама ушла делать педикюр.

Это надолго. Я подошла к окну. Из-под подоконника сквозило. Во дворе гуляла с маленьким внуком тетя Люба. Санька, одетый в темно-синюю курточку и шапку-носок, гонял воробьев, а бабушка приманивала их хлебом и семечками. Падали мелкие хлопья снега. Конец октября.

Я любила зиму. Это время покоя. А осень... Осень — испытание психики. Прошлую я кое-как пережила. Ты сейчас согрел бы руки мне, а не ей... И мама никак не разберется в себе. А еще пытается мне указывать. Я спрятала пальцы в рукава, а нос в воротник. Воробьи в сотый раз расселись на ветках рябины, недовольно поглядывая на синий сполох внизу. Санька смеялся. Я вспомнила свой вчерашний разговор с бабушкой по телефону. Кончилось тем, что она, демонстративно напоследок всхлипнув, швырнула трубку. Она всегда звонит не вовремя. Потом мама поговорила с ней по мобильному. Я расслышала только «...перебесится... ты тоже не сахар... никаких проблем...». Ну да, никаких. Прошла Рита. Из пакета торчал батон.

Я вышла в коридор. Мама в ванной напевала «Веру» Меладзе. Пахло лаком.

Рита не открывала долго. Я заколотила в дверь ногой и неожиданно повалилась навзничь. Голова оказалась рядом с Женькиными армейскими штиблетами. Я встала и, не обращая внимания на хохот подруги, прошла на кухню.

— Ты что делаешь?! — Она бросилась ко мне, пытаясь вырвать бутылку, но я с размаху ударила ею по крану. Полетели осколки, вонючая гадость залила грязные тарелки в раковине.

— Дура! — не сдержалась я. — Что случилось?!

Рита оцепенело смотрела на хромированный кран со свежими царапинами.

— Мама меня убьет, — сообщила она буднично. — Я беременна.

Я упала на стул, продолжая сжимать горлышко с остатками наклейки:

— Что?.. Как... то есть с кем?!

— Ты его не знаешь... Дима зовут. На Танькином дне рождения познакомились, ну и...

— Сколько ему лет?

— Двадцать три. А что?

— Как что? Его посадят, а ты... Ты должна сделать аборт!

Глаза подруги наполнились слезами. Она жалко сморщилась и отвернулась к окну:

— До восемнадцати — только с разрешения родителей. Представь, что будет, если мама узнает. Она меня в детдом сдаст или... Как думаешь?

— Ты себе жизнь испоганишь. Сама еще ребенок... Что он наговорил тебе?

— Что хочет меня... Все.

В ушах зазвенело. Рита схватила меня за запястья:

— Я не хочу жить, как мне говорят. И плевать, что будет со мной.

— У тебя было только с ним?

— Да...

— Он знает? Ну, что ты... если да, то должен признать ребенка. Тогда все еще не так плохо.

— Я не знаю, где его искать. И Таня толком не знает. Он ей четыре или пять пирсингов сделал, раза в три дешевле, чем в салоне. У нее только номер его есть.

— Боже... — Я сунула горящую голову под струю ледяной воды. Мокрые волосы оказались в тарелке с крупинками гречневой каши.

Рита открыла форточку. Подошла ко мне, потянула за ремень джинсов.

— Хватит, простудишься. — Она подала мне не первой свежести посудное полотенце. — Вытрись. У тебя тушь потекла.

— Плевать.

Я взяла бутылку «Аоса».

— Сейчас смою... Все?

Рита пригляделась:

— Да. Фен надо?

— Угу. Мама удивится, что я у тебя голову мою.

Подруга натужно улыбнулась.

— Рит, какой у тебя месяц? Первый?

— Да, пока не поздно... Но, знаешь, Катя... Потом у меня вообще может не быть детей. Я боюсь.

— Поздно. Плакать, в смысле, поздно.

Мы убрали из раковины все остатки бутылки и вымыли тарелки. Осколки пришлось смыть в унитаз.

Скрежет ключа в двери.

— Катя, только молчи! Обещаешь?

Я оглянулась:

— Я подумаю, что можно сделать.

* * *

— Что тут у нас... «Не может наладить отношения с классом»? «Не сдает вовремя домашние задания»? Катерина, что происходит?!

А в самом деле, что?

— Не знаю. Я к тетя Любе пойду, если она дома.

— Нет, ты сначала ответишь мне, а потом пойдешь!

— Не кричи на меня!!!

Мама остолбенела. Еще бы.

— Ты как с матерью разговариваешь? Тебя что, воспитывали мало?!

— Много. Но результат — перед тобой, так что... — И я ушла, не оглядываясь.

Хороший человек тетя Люба, только вот с батареями в квартире у нее вечно проблемы. А живет она этажом выше. Поэтому нас с мамой она стрижет бесплатно.

— Как обычно, подровняйте, и хватит, — попросила я, занимая привычное место перед трюмо.

— Парня-то не нашла? — подмигнула тетя Люба, смачивая кончики моих волос.

— Найду — скажу.

На лестнице пахло сигаретами. Домой идти не хотелось. Мама будет портить настроение своими порицаниями, вспоминать, сколько времени, денег и сил убила на дочь, повторять в сто первый раз «я не такая была»... Пойти к Рите?

— А Риты нет и не будет, она у Тани сидит, — Женька захрустел пальцами.

— У Комоловой?

— Не знаю. У той, которая вечно с синими губами ходит... Эма которая!

— Эмо, — машинально поправила я. — Ну, пойду тогда.

— Кто опять накурил тут? Подъезд — место общественное, сколько раз говорить! — В пролете возникла грозная вахтерша Антонина Сергеевна, ведущая многолетнюю и непрерывную войну с «вредителями», курящими в пролетах. Впрочем, ее собственная совесть не мешала ей тянуть «Яву» непосредственно на рабочем месте вот уже двадцать три года.

Антонина Сергеевна вихрем пронеслась по лестницам и, не найдя злого курильщика, на всякий случай погрозила нам пальцем:

— Вот устрою собрание!

Я устало побрела к себе. Надо войти, сразу пробраться в комнату и лечь, пока мама смотрит новости. Хотя нет разницы, когда скандалить. Тем более что табачный запах явно из нашей квартиры.

* * *

15 ноября.

Я меняюсь. А ты ничего не замечаешь. Вчера Рита проколола мне уши. Было не больно, только они потом распухли и оттопырились. Мне пришлось ходить с распущенными волосами, Викина компания едва не умерла от смеха.

Ольга Игоревна все пишет маме в моем дневнике, жалуется на пропуски и долги, а мне, если честно, все равно. Тем более что после недавнего скандала мама отказалась покупать линзы. Нашла в шкафу очки. Сейчас такие на пике моды. Смотрится неплохо, как ни странно. С мамой отношения понемногу налаживаются, а вот со здоровьем все хуже. В моем организме как будто растет червь, и он пожирает меня, становясь сильнее. В первую очередь он добрался до мозга. Наверное, поэтому перестала понимать, что делаю. Иногда я включаюсь и вижу, что сижу на кухне с колбасой в руках.

А теперь еще и сердце. Болит, болит безумно каждый день. Это — любовь. Это — ты. У меня мутится в глазах, когда я думаю о тебе. То есть очень часто. Говорят, что человек чувствует, когда его любят. Ты что-нибудь ощущаешь? А может, ты считаешь, что это волны Викиной любви греют тебя, и набираешь ее номер?

Я не могу любить тебя. Мне нельзя. Может быть, мы с мамой переедем к бабушке в Калугу. Там мне станет легче, я не буду видеть вас с Викой. А вдруг нет? Вчера мама полезла в наш общий стол за сменными стержнями и чуть не нашла дневник. Не знаю, куда его девать. И Рита со своими проблемами... Ну как я могу ей помочь? Аборт ей сделаю?! Таня сказала, что у Димы девушка есть. Рите он ничего не сообщил.

Но и жениться вроде тоже не обещал, так что... А разве скажешь: «Сама виновата»? Я запуталась.

Внутри

— Та-ак, кто у нас пойдет к доске решать уравнение?

Девятый «Б» дружно сполз под парты.

— Вика?

— Я не знаю, как.

— Не знаешь? Или не сделала? — Бессменный школьный химик Анна Семеновна спустила очки на кончик длинного носа. Прodelала она это средним пальцем, отчего жест стал почти неприличным. Кто-то хихикнул. Вика покраснела.

— Я не сделала, потому что не понимаю!

— В прошлый раз задание было по этой же теме. Но, — ехидно продолжила старая учительница, — я-то прекрасно знаю, что этого упражнения нет в ваших хваленых «Готовых домашних заданиях»! И что же мы будем делать?

«Отбросы» злорадствовали. Анну Семеновну они любили. Эта старая женщина с пролетарскими замашками откровенно презирала школьную элиту и не упускала случая уязвить кого-нибудь, за что ее часто вызывали «на ковер». Она, впрочем, не унывала. Ей, лучшему химику в городке, нечего было бояться увольнения.

— Так, ладно, Горская, вам «неуд». А теперь мы поговорим о реакциях, с помощью которых возможно обнаружение перекиси водорода. Возьмите по набору для практики на парту.

Девятый «Б» осторожно разобрал разноцветные кошачьи лотки: Анна Семеновна предпочитала их стандартным подносикам за размеры и высоту бортиков.

— Перекись можете не трогать. Возьмем волосы Виктории, у нее их много.

Раздался смех. Мне почему-то стало гадко. Староста разрыдалась, громко, отчаянно, как в кино, когда нас всем классом водили на «Осень в Нью-Йорке». Ира и Леся кинулись ее утешать, а она отпихивала их и пыталась набрать чей-то номер. Потерпев неудачу, Вика швырнула телефон в таблицу Менделеева и выскочила за дверь. На парте остался раскрытый пенал с шикарным маникюрным набором и обкусанной ручкой.

Всю лабораторку Рита сделала практически одна. Я только подала ей кусочки мяса и белого хлеба из столовой и сходила за чистыми пробирками. Анна Семеновна подошла проверить работу и удовлетворенно кивнула. Последние пять минут мы сидели в полной тишине. Солнце отражалось на глянцевых плакатах, блестели пробирки и колбы в застекленных шкафчиках, ледяные узоры на окнах отливали то серебром, то золотом.

На задней парте вдруг вскочила Ирка:

— Синица, смотрите!

Ребята завертели головами и, разглядев птаху, загомонили. А та громко постучала в окошко.

— Примета плохая, — прошептала Рита.

Класс молчал.

* * *

— Рит, я страшная?

Я знала, что сейчас услышу.

— Нет, просто тебе надо сменить имидж — одежду, прическу. Тунику купи, серьги большие.

— Мне так удобно.

— Ты же сама...

— Ты еще не знаешь, что было, когда мама дырки в ушах заметила! Потом, правда, разрешила серебряные гвоздики, но не больше.

Мы притихли, дожидаясь, пока физрук отойдет подальше. Рита пробурчала:

— Как это — пересеченная местность?

— Ну, труднопроходимая — кустарники, лес, канавы... Мы на лыжах кататься будем, не слышала, что ли?

— Только лыж и не хватало... — недовольно заерзала подруга. — Еще и в лесу где-то...

— На трассе только спортсмены из «Олимпиака» занимаются. У школы денег на абонемент нет.

— Что ли буржуи купить не могут? Для своих же детей.

— У нас буржуев треть учеников. А платить придется за всех. И за меня в том числе. Знаешь, мама сейчас...

— Тсс!

— А сейчас, — шепотом продолжила я, — мама вообще с ума сошла. Этот... Алексей так на ней и не женился. Вот она и страдает. И мне покоя не дает. Правда, пообещала прийти на новогодний вечер. Даже платье купила.

— Красивое? — Рита так и загорелась. — Можно я приду посмотреть?

— Скоро увидишь, — засмеялась я, — на ней. Мама попросила прощения за то, что не была на собрании... Если бы она пришла! Они все, ВСЕ увидели бы ее. И никакая Вика бы не посмела... Кстати, я поговорила с Танькой про тебя. Она сказала, что Диме этому передаст. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Не тошнит даже. Только спать много хочется.

Уши вдруг заложило, и звуки доносились, как сквозь шапку. Физрук что-то долбил вдалеке. Рита шипела в ухо, щекоча дыханием. А я сквозь стеклянную дверь видела его: он окинул беглым взглядом сидящих ребят и, недовольно нахмурившись, ушел. «А на тебя даже не посмотрел», — ехидно прожурчал чей-то голос в моем мозгу. Я ощутила, как дрожат пальцы, и поняла, что у меня очень быстро бьется сердце.

Рита смотрела недоуменно:

— Ты что, спишь?

Я выскочила из класса.

* * *

Декабрь... На смену холодной сырости приходит тягучая неподвижность, устойчивость. Декабрь. Все его так ненавидят. Мама — потому что приходится отказываться от любимых каблуков. Антонина Сергеевна — потому что жильцам, видите ли, холодно курить на балконах. Теть Люба — потому что холодно мыть памятник на могиле мужа. Рита — потому что у нее болят суставы, травмированные на аэробике лет пять назад. Вика — потому что из-за шубы не видно фигуры. И даже Женька, несмотря на то, что празднует дембель. А я люблю: можно спокойно закутаться в шарф и шапку, и никто не увидит ни вздернутого носа, ни глупой косички. Как сейчас. Прохладно, конечно... но плюсов все равно больше.

На тротуаре сидел котенок. Вернее, кот-подросток, симпатичный, грязный и жалкий.

— Девочка, тебе котик не нужен? Смотри, какой!

— Нет, не нужен. Это ваш?

— Уличный... — Лицо у бабульки сморщилось. — Объявился тута дня три назад. Возьмешь? Подохнет на улице-то...

— Я не могу... Э... У мамы аллергия. — И я пошла дальше.

— Во, какие люди нынче! Бездушные! Ты посмотри, маленькая, а уже злыдня! — Меня будто снова ударили в спину.

— Раз вы такая добрая, себе возьмите!

— Мне зачем кот? Помирать пора... Да и прокормить его надо. А у меня пенсия маленькая... — Бабка еще что-то пробормотала.

Котенок пронзительно заверещал, я обернулась. Он бросился в сторону от выбежавшей из подворотни далматинки... Помчался наперерез серой «Ладе»...

— Стой!

— Ой, сволочь, ты ж что натворил! Душегуб! Живодер!

Щуплый парень, хозяин псины, начал оправдываться, изловил питомицу и потащил через дорогу. Поток машин остановился. Под правым колесом «Оки» лежала шкурка с разинутой пастью.

Я скрючилась, упала на колени, пытаюсь сдержать рвоту... Перед глазами оказались алые капли, чуть-чуть растопившие плотный снег...

* * *

Мама в который раз прошлась перед зеркалом. Серое шелковое платье выгодно оттеняло медно-рыжие волосы и глаза цвета темного жемчуга. Кудри она подобрала и заколола шпильками, слегка растрепав. Теперь ей нельзя было дать больше двадцати пяти.

— Мам, ты такая красивая! Вот бы мне...

Она засмеялась.

— Ты у меня Гадкий утенок.

— Я знаю.

Как, как она может говорить такое? И еще смеяться?!

— Ты забыла сказку? — Она накинула домашний халат и, открыв стол, достала пару чистых листов. — Кем он стал? Линейка, где линейка?

Я обняла ее, уткнувшись носом ей в затылок.

— Хм-м, не знаю... Тебе ванная не нужна?

— Иди, мойся, я пока схемы начерчу...

В ванной я пробыла долго. Хвойно-мятная пена для ванны и «Black Roses» от финских рокеров обеспечили забытие почти на час. Я вышла очень тихо, опасаясь, что мама уже спит. Нет, настольная лампа еще горит...

— Мама?

Она торопливо оправила халат на коленях. На пол упала, раскрывшись, толстая тетрадь. Наклейки, сердечки на полях...

— Ты читала? Мама!

— Что-то не так?

— Мама, ты что?! Это же личное!

— Какие секреты от матери? Я ничего от своей не скрывала...

— Есть вещи... Ты должна понимать! Это не только мои тайны! Зачем ты шарила в моем столе?!

— Это и мой стол тоже! Прекрати истерику!

— Не смей! Никогда не смей трогать мои вещи! — Вырвав тетрадь из ее рук, я убежала в туалет.

Часа в три ночи я прокралась к себе. Из маминой комнаты доносился сдавленный плач.

* * *

9 декабря.

Я не знаю, что делать... Она видела дневник. Я всегда прячу его под тетради, но мой ящик стола был весь вывернут. Сколько она успела прочитать?..

Сейчас я сижу в сквере на лавочке. Руки уже болят от холода. Мама не понимает меня. Иногда кажется, что лучше бы мне не родиться. В детстве я часто оставалась одна. Мама уходила на работу, а я оставалась. Мне было так плохо без нее. Теперь мне плохо с ней. На днях она звонила своей двоюродной сестре. Я ни разу не видела тетю, но я ее все равно не люблю. Мама сказала, что я совсем не вредная.

Вика почему-то перестала задевать меня. Ходит с ободранными ногтями и молчит.

Я ведь люблю тебя. Больше, чем Риту. Ужасно себя чувствую. У меня часто кружится голова. Хорошо, что пока нет физры. Из-за морозов. Прогулок на лыжах я бы не вынесла. А еще я боюсь, что мама узнает, что мне плохо. Она же потащит по врачам, те пропишут таблетки... Мир перестанет существовать. Я буду чувствовать пищу в желудке, одежду на теле, серьги в не до конца заживших ушах... А внутри — пустота...

Подарок

— Еще фто-нибудь? — Тетя Аня вечно говорила невнятно из-за жвачки.

— Две пачки творога, десяток яиц, — я сверилась со списком, — и во-он ту слойку, пожалста.

— Вам помочь?

Я обмерла. Сзади стоял он.

— Н-нет, сп-пасибо... Я сама...

Он ловко поймал слойку в целлофане почти у пола и улыбнулся.

— Я все-таки помогу. Вас как зовут? — И, аккуратно сложив мои покупки в огромный серый пакет, привалился к прилавку.

— Катя...

— А меня Валера. Очень приятно. — На каштановых волосах таял снег.

ОН ЗАМЕТИЛ МЕНЯ! В этой дурацкой шапке до бровей, в очках и с глупыми косичками!

* * *

Дверь открыл Санек и тут же завопил:

— Бу-уль, к тебе присли!

Я засмеялась.

— Сначала надо сказать: «Кто там?» — Во мне проклюнулись назидательные интонации моей Инны. — Ты почему дома?

Из кухни показалась мелированная голова в бигуди.

— И не говори, Катюш, учу, воспитываю, а толку... Мы бодем опять. Стричься пришла?

— Угадали. Вы заняты?

— Пойдем, чаю с нами попьешь, и начнем.

Запах мяты и меда витал почему-то лишь в границах кухни.

— Сашенька, надо выпить...

— Пф-ф-ф! Я лейка!

Пока я смеялась до колик, сердитая бабушка сменила забрызганный рыбьим жиром халат на симпатичную байковую пижаму и надела синий фартук.

— Бу-уль, конфету! — Санька потянулся к «Красному маку».

— Печеньку! Опять чесаться будешь!.. Садись на тубаретку. Как обычно, Катюш?

— Нет, — сердце предостерегающе стукнуло. — Как вы представляете... Ну, что мне подойдет?

— А-а... так-так, решила послушаться? Это ха-ра-шо-о! — Довольная собой, тетя Люба воинственно подцепила со стола распылитель.

Мой туго стянутый на затылке хвост распался длинными прядями, скрывая уши и щеки. Мастерница резким движением отвернула меня от трюмо и заявила:

— А давай как в том шоу, увидишь только результат. — И ее руки с расческой засновали вдоль моей спины, холодя позвоночник.

Я зажмурилась. Ножницы хрустели возле самого уха, тетя Люба напевала, перекивая жужжание фена, и, наконец...

— Ну, смотри! Как тебе?

Незнакомка. Большие темно-синие глаза, вздернутый нос и жесткие черные волосы. Очень короткая редкая челка, похожая на горнолыжный трамплин. Изыщные ушки чуть покраснели от горячего воздуха. За голову мы схватились одновременно.

— Это я? — Под пальцами хрустнули торчащие в разные стороны пряди. — Я???

— То-то! — Тетя Люба выпятила грудь, уронив филировочные ножницы. — Я тебе давно говорила. Мать упадет!

Мама? Я замерла.

* * *

— Катя... Что это?! Что за кошмар?!

— Почему сразу кошмар, мам? Просто я подстриглась. Ты привыкнешь...

— Ты теперь похожа на Татьяну! Только та дура, а ты вроде... Кто тебя так изуродовал? Люба? — И мама вылетела на площадку.

Я прислонилась лицом к перилам и сползла на ступени. Я должна была это предвидеть. Теперь уже поздно.

Валера. Завтра он придет к Вике и скажет мне: «Привет!» Если узнает. Какие у него будут глаза? Это стоит даже ссоры с мамой. И вообще, это мой подарок себе на Новый год. В открытую дверь донеслась мелодия «Livin in a world without you». Я побежала искать телефон. Игорь, кто же еще.

— Не тараторь, — предупредила я его. — Я не пойму.

— Да я по поводу Нового года. Вечер перенесли на двадцать седьмое.

— Завтра?!

— Ну да. А что? Ты придешь?

Забеспокоился, тоже мне...

— Ага.

Оглушительно заурчал холодильник, и я вздрогнула.

— С мамой?

— Ну... наверно. — Я поудобнее перехватила трубку и взяла шоколадную печенку из вазочки. Надкусила, положила обратно. — Я поговорю с ней.

— Кать, я подумал... там будут танцы. Обещаешь мне медляк?

— Д-да. Обещаю.

Игорь коротко хихикнул. Коротко и противно. И отключился. Я собрала пальцем крошки от печенья. Удастся ли помириться с мамой? Она желает мне добра. И давит во мне личность. Она пытается помочь мне. А как я буду жить САМА? Она любит меня. Даже слишком...

— Катя? — Мама устало опустилась на табурет, скинув вчерашнюю газету. Коснулась моей щеки. Я боялась посмотреть на нее.

— Не будем ссориться.

— Завтра у нас вечер, — сердце запрыгало. — Ты пойдешь?

— Да. Да, пойду. — В ее голосе было что-то странное. — Я тут подумала... Может, купим тебе линзы?

Я бросилась ей на шею.

* * *

«Новый год к нам мчится, скоро все случится...»

Пять классов бесновались в школьном спортзале под танцевальные ритмы. Мы с мамой пришли, немного опоздав. Зато туфли купили.

Сзади послышались шаги и голос:

— Инна Михална, здрасьте!

Мама оглянулась:

— А-а, Игорь. Привет, дружок.

— Катя не с вами?

Я расхохоталась.

Разочарование на лице парнишки сменилось восторгом. Я почувствовала себя королевой. А потом... Я видела все глаза, изумленно ищущие мою тень, и смеялась: вот вам! Вот вам за ваше пренебрежение! За оскорбления, подначки и издевательства! За все мои слезы, бессонные ночи, ненависть к себе! Вы меня презирали или не замечали. Провалитесь теперь сквозь землю...

Физрук, исполнявший обязанности диджея, ткнул в пульт, и Dj Smash умолк. А через пару секунд из допотопных динамиков полились по залу звуки вальса «Мой ласковый и нежный зверь». Игорь улыбнулся и протянул мне руку:

— Идем?

Рука повисла в воздухе.

— Катя?!

У меня что-то сжалось в груди.

— А, здравствуй... рада тебя видеть. — Я произнесла это как могла непринужденно. — Вот уж не думала.

— Потанцуем? — улыбнулся Валера. — Или ты занята?

Я сощурила глаза, пытаюсь разглядеть его лицо, но в зале было темно.

— Прости, я с Игорем. Игорь, это Валера. — Мне показалось, или они действительно посмотрели друг на друга с неприязнью?

Вика пришла, но выглядела ужасно. Она уже неделю так выглядит. А вдруг... хотя, почему бы и нет?

— Валер, ты ведь знаешь Вику? Она со мной учится. Пригласи ее, она будет рада.

— Не думаю... — пробормотал Валера, но направился в ее сторону. Староста робко улыбнулась, а я ощутила удовлетворение. Веселье начинается.

Мама всю кружила с Валерием Палычем, ради такого дела оставившим свои колонки. А Игорь, оказывается, здорово танцевал... по сравнению с другими, по крайней мере.

После медляка с Вовкой из десятого «А» новые туфли пришлось отмывать в туалете. В раковину стекал крем, заботливо нанесенный прямо в магазине на новые лодочки.

«Зеркала в янтаре мой восторг отражают, кто-то пел, на заре дом родной покидая...»

«Будешь ты в декабре вновь со мной, дорогая...»

Я резко оглянулась. В глазах потемнело, я схватилась за край раковины.

— Ты все-таки пришла? Не хотела ведь.

— Да. Маме показалось бы странным, что я не иду на гулянку. — Рита вскарабкалась на подоконник. Ее движения уже были стесненными. Она выглядела уставшей.

— Я потанцевала немного... Кстати, поздравляю, Вика уехала.

— Не поняла.

— Уехала. Я пришла посидеть в туалет, смотрю, она плачет. Как меня увидела — вылетела вон. И отца ее нет. Это все твой дебют, подруга.

Значит, я угадала. Они расстались.

— Чудесно. Долго еще до конца?

— Час примерно. Ты иди, я тут буду. Только зайди за мной, как соберетесь.

Я побежала в спортзал. Как там мама?

Твоя очередь

— Он классный. Умный, красивый, ласковый...

— Рада за тебя! — Я прижалась к маминой щеке. — Наконец-то ты счастлива. Как его зовут?

— Валерий.

Боже, неужели наш физрук?! Самый ярый женоненавистник в мире! Но, следует признать, мама справедлива в оценках...

— А теперь, — мама шлепнула меня пониже талии, — идем наряжать елку.

— Когда ты с ним познакомилась? На вечере?

— Вообще-то неделю назад. Он мне помог выйти из маршрутки, я же слабая женщина...

Мы расхохотались.

— Н-да, он джентльмен. Теперь твоя очередь.

Я покраснела до кончиков ногтей и полезла за дождиком.

— Мам, мне еще рано.

Она открыла рот, потом закрыла. На меня словно потянуло сквозняком. Дневник. Но мама сказала:

— В самый раз. Лучше нагуляться в молодости, чем начать к старости.

— У тебя, — я подала ей клубки мишуры, — у тебя еще и не зрелость даже. Так что прекрати. Что за привычка себя унижать?!

— Это лучше, чем позволить другому тебя унижить. Разве нет?

* * *

30 декабря.

Вчера мама рассказала мне про нового поклонника. Представляешь, это наш физрук! То-то он к ней все подкатывал. А еще она знала про Вику, просто хотела, чтобы я сама умела за себя постоять. Она сказала, что есть три пути: терпеть, бороться, уйти. И я прошла и первый, и второй. А третий — это уехать в Калугу? Сбежать? Она ответила, что да, но посмотрела как-то странно. Ну да Бог с ними, путями.

Я рассказала про Риту, правда, не назвала имени... Хотела посоветоваться. Мама ответила, что «эта девочка просто идиотка, раз так себя ведет». Разве можно однозначно

оценить человека?! Знала бы она... Хорошо, что сейчас каникулы, Рита хотя бы отдыхает. Галина Викторовна не нарадуется на дочь. Перебесилась, говорит, нагулялась, слава те Господи. Да уж, какие теперь гулянки...

Я часто мысленно разговариваю с тобой. Я люблю тебя. Я до сих пор радуюсь тому, что ты позавчера звонил...

* * *

— Алло?

— Кать, Катька! Это ты? — Таня орала, как ненормальная.

— Что случилось? — Просто так она никогда не звонит. Это ее положительная черта.

— Ритке плохо, она у меня... Приходи, я все расскажу, только быстро! Код подъезда — три и восемь, жми одновременно. Быстро!

Таня бросила трубку. Я кое-как напялила куртку, заперла дверь и побежала наверх. Забарабанила в соседскую дверь и, сунув открывшей тетя Любе ключи, бросилась к лифту. Что могло случиться? Рита легко переносит беременность... Неужели Галина Викторовна узнала? Как? Нашла тесты? Подслушала разговор или — сердце екнуло — прочитала в дневнике? Моем или Ритином?

Шапка осталась дома, и в волосы мгновенно набился снег. Я бежала по тротуару, легко обгоняя ползущие «пазики». В спину били гудки и свист. Забрызганная грязью дверь подъезда подалась нехотя. Я пролетела на третий этаж и с разгона — в Танькину квартиру.

В коридоре было темно, только справа доносились испуганные голоса и сдавленные стоны. Я, не разуваясь, пошла в комнату, но запнулась за мужские ботинки. Навстречу выглянула серая Таня.

— Иди сюда. Сейчас поймешь.

В комнате сидел незнакомый парень в косухе и всхлипывающая девица лет двадцати пяти, в белом халате и шапочке. На грязной простыне корчилась Рита, прикрытая пледом.

— Почему она тут? — Сейчас меня интересовало только то, почему Рита лежала на письменном столе. — На кровать ее надо.

Таня покачала головой.

— Дим, отвернись.

Дима? Вот тебе раз! Я уставилась на парня, заинтересовавшегося вдруг напольной вазой в углу.

Таня осторожно сняла с Риты плед. Рита лежала совершенно голая, судорожно сжимая руками живот. Под ней расплывалась лужа крови. Меня затошнило.

— Предки сегодня в ночную смену, вот мы и решили тут провести... — Голос у Тани дрожал. — Сначала все нормально было, потом у нее кровь потекла... Ты что?!

Дима заорал, пытаясь оторвать мои руки от своего горла. Тогда я вцепилась ему в волосы. Каждый мой рывок сопровождался его воплями и отборным матом.

— Сволочь, подонок, мразь! Это ты виноват! Я вас всех посажу!..

Девица в халате проявила прыть. Она ловко проскользнула мимо Тани, но запнулась за те же ботинки, что и я. Таня ловко уселась ей на спину, прижав руки к полу.

— Лежи тихо, кретинка!

Дима вырвался, оставив у меня в руках клочки волос:

— Ты, медсестра недоделанная! — бросился он к халату. — Ты же говорила, что все будет хорошо!

Медсестра завизжала с пола:

— Она не от меня залетела, если что! Сам и отвечай! Меня попросили — я сделала...

— Кто тебя просил?! — Я оттолкнула косуху, схватила ее за подбородок и рванула вверх, заставляя посмотреть мне в лицо.

— Дима... сказал... что надо малолетке аборт... Отпусти-и... — Ее спина под Таниным коленом угрожающе хрустнула.

— А малолетка согласилась?

Девушка в ответ лишь сипела. Я разжала пальцы.

— Да, — тихо ответила Танька. — Я пыталась отговорить ее, но она сказала, что в больницу не пойдет, лучше повесится. Она матери боится.

— И сейчас умрет из-за какой-то недоучки... Где вы ее выкопали?!

— Это моя девушка, — парень попятился от меня. — Она в меде учится... Вы ей, того, шею не сломайте.

Я привалилась к стене.

Рита снова застонала и прохрипела:

— Катя... Катя, не трогай ее. Если я умру, мама не расстроится.

— Я расстроюсь.

Я встала:

— Где телефон?

* * *

Собаки, помойки, переулки... После того как Риту забрала «скорая», а медсестру — менты, я поплелась домой. В голове стоял звон. Что, что, что делать? Дима сразу заявил, что не знает бывшую беременную, а спал с ней по пьяни, и вообще она на него сама бросалась, а девушку мы с Танькой заставили сделать подруге аборт. Милиционеры похмыкали и забрали рыдающую акушерку. Спросили наши с Таней имена и адреса, взяли с Димы подписку о невыезде.

А вдруг Рита умрет?

«Идиотка, раз так себя ведет...» Ну-ну. Теперь все узнают. Мама прожужжит мне все уши наставлениями, бабушка по телефону запретит общаться «со всякими», Галина Викторовна возненавидит меня за молчание...

Зазвонил мобильник. Мама. Я отключила звук. Возле магазина игрушек сидела нищая старуха в чистом буром пальто. Она привычным жестом протянула руку в сторону какой-то женщины с девочкой лет пяти. Я остановилась, шаря по карманам.

— Мам, ну купи... — тянула девочка у витрины. — Ну, ма-ам, купи куклу...

— У тебя их и так полно, — ответила ей мать, старательно не замечая просительного взгляда старухи.

— Такой нету... Мама! — Девочка зарыдала и выпустила ее руку. И осталась возле магазина, глядя вслед напоказ уходящей матери. Слезы капали на нарядную сиреневую курточку, мгновенно замерзали на ней...

Старуха зашевелилась. Вытащила из карманов и эмалированной кружки скомканные бумажки, подслеповато щурясь, сосчитала их и зашла в магазин. Мать девочки взглянула из-за угла:

— Иди сюда, кому говорю! Или ищи другую маму! — и снова скрылась.

Нищенка протянула ребенку куклу в роскошной коробке.

— Это тебе...

— Мама, ма-ама, смотри! — И девочка умчалась. Издалека снова донесся ее звонкий голос. Горькая улыбка скривила обветренные губы нищенки.

Я замерла, сжимая восемь рублей. Попятилась назад, чтобы не столкнуться со старухой, и перешла дорогу. С той стороны я увидела, как она складывает стул и убирает кружку в полосатую сумку. Глаза слезились, должно быть, от ветра.

* * *

Я вернулась из больницы.

— И что теперь будет?

— Это ты виновата.

— Мама?!

— Что, что «мама»? Ты должна была все рассказать Галине, а там пусть бы сами разбирались! Может, Галя сама бы запретила ей рожать!

Я встала со стула и сняла куртку.

— Да, запретила бы. И вымотала бы ей все нервы, и припомнила ей все пять или шесть пати, и прокляла бы ее...

— И была бы права. Потому что она мать. Она лучше знает... — Мама осеклась. Я смотрела на нее, не мигая.

— Не знает. И ты не знаешь. Дети сыты, одеты, значит, все прекрасно?

— Да какие у вас могут быть проблемы?! Учиться — вот твоя задача на ближайшие годы! Тебе еще жить и ума набираться!

— И до пенсии жить ТВОИМ умом? Ты даже сейчас ни слова против бабушки не скажешь! — Мама замерла, но меня понесло: — Ты всегда меня давила, не позволяла ничего решать самой! Я до сих пор возвращаюсь домой в девять вечера, как Маша с первого этажа! Только Маше восемь лет, а мне шестнадцать! Я еще не купила сама ни одной вещи, не потратила подаренные мне деньги без твоего разрешения! У меня даже нет своего ключа от дома!

Мама молчала. Я задыхалась.

— Ну что ж, иди, — наконец тихо прошептала она. — Иди, куда хочешь. За одной уже недосмотрели — и вот, пожалуйста! Едва не принесла в подоле!

Мама опустила на табуретку, держась за сердце. Откашлялась, выпила залпом стакан сока. По ее подбородку потекла оранжевая струйка и исчезла в вырезе блузки.

— В общем, так. Если тебе не терпится быть самостоятельной — иди работать. Но тебе будут рады только на панели, имей в виду. Я не потерплю никаких пати, никаких парней, никаких гулянок! В десять ты должна всегда быть дома, поняла? И еще. Я запрещаю тебе, слышишь, ЗАПРЕЩАЮ общаться с Маргаритой и Татьяной. И не советую врать мне.

Я пошла к двери, потом обернулась:

— Подожди, может, Рита и умрет... Тебе нечего будет бояться. И Галина Викторовна порадуетя...

— Ты что несешь?!

— Правду. А что такого? У ее матери Женя останется, а он не проститутка...

Я ушла к себе.

* * *

18 января.

Это невыносимо. Я ненавижу ее, ты не представляешь, как. Ненавижу эту уверенность в своей правоте. «Какие у вас могут быть проблемы?!» Моя лучшая подруга умирает из-за неудачного аборта, я не видела тебя уже четыре дня, скоро я опять встречу с Викиной компанией, и вместо матери со мной живет надсмотрщица...

Жизнь хороша, и жить хорошо! Разве нет?! Так хочется хоть кого-нибудь порадовать. Только сейчас я понимаю, что вид человека, которому ты сделал добро, может придать жизни смысл...

В прошлый раз я написала тебе про старуху возле детского магазина, помнишь? Я ходила туда вчера, хотела отнести ей денег. У меня было около двухсот рублей. Так вот, я пришла, а ее нет. Продащица сказала, что она не приходила с позавчерашнего дня (когда она купила девочке куклу). Странно. Сейчас я еще схожу. Прощаюсь ненадолго. Целую.

* * *

Мне так плохо. Я была у магазина. Та старушка, баба Валя, умерла. Я изо всех сил пытаюсь себя убедить, что я все равно не смогла бы ей помочь. Чувствую себя плесенью. Такая же ненужная, противная всем... Бесплезная, мерзкая грязь. Мама до сих пор со мной не разговаривает, только все названивает своему мужику. Вчера я мельком услышала что-то о переезде. Вот об этом не хотелось бы даже думать. Может, стоит уйти в монастырь? Я, правда, не верю в Бога, но там хоть не будет никаких забот... Я уже представляю себя в рясе. Там легче, потому что жизнь идет по расписанию: завтрак, обед, работа какая-нибудь, молитвы. И никакой свободы. За тебя уже приняты все решения...

Хотя обманывать себя — самое неблагодарное дело. Не стоит. Оставаясь наедине с собой, надо быть честной. Хватит и того, что другие люди обманывают меня каждый день. Лучше уж крестик над могилкой, чем на шее, на цепочке. А ты как думаешь?

Я скорее умру, чем подчинюсь маме. Она задушит меня своей заботой. Правда, сейчас ей надо еще и не упустить физрука... Пусть хоть выйдет замуж, родит себе кого-нибудь еще и отстанет от меня!

Мне тебя не хватает. Я поймала себя на мысли, что жалею, что вы с Викой расстались. Я бы каждый день видела тебя в школе. А так...

* * *

— Выживет, конечно, но детей иметь не будет. И то, если б нас вовремя не вызвали... Кто ее?

Галина Викторовна брезгливо пожала плечами:

— Какая-то студентка из меда... Кошмар! Бедная моя девочка! Когда я смогу ее забрать? Ей нужны лекарства?

— Еще недели три пролежит у нас, потом посмотрим. — Гинеколог записал что-то в Ритиной медкнижке. — Девчонку эту посадят. Не переживайте, я понимаю ваше горе, но все могло быть и хуже.

— Куда хуже... Хорошо, мы пойдем. До свидания.

— До свидания, — выдавила я, наматывая шарф.

— Всего хорошего, — устало улыбнулся врач.

Под моими ботинками скрипел древний линолеум. Галина Викторовна вдруг схватила меня за плечи. Я попыталась вырваться: у нее был безумный вид.

— Почему, ПОЧЕМУ ты мне ничего не сказала? Ты виновата во всем!

Я была рада этой ругани. Пусть она выльет на меня всю грязь, мне все равно. Главное сейчас — что Рита выживет. И пусть ее мать ненавидит меня.

— Ты сама не понимаешь, что натворила!

— Если Рита ничего не сказала вам, то я тем более не имела права выдавать ее. Вы бы позволили ей родить?

— Нет, конечно! Сделали бы аборт тихо, без шума. Зачем девке жизнь портить? Добыли бы ей справку... А теперь нашу фамилию везде треплют, я на остановку выйти не могу! Домой пустырями пробираюсь! Ты нас всех в грязь втоптала и еще гордишься собой!

Я не поверила своим ушам:

— Рита могла умереть! Или вам дочь вообще не нужна?!

— Ты поучи меня еще! Вот будут свои дети, вспомнишь меня тогда... От Женьки девушка ушла из-за этой дуры! Ее семья почти в полном составе к нам заявила! Еще и суд будет...

— Что вы тут расшумелись? Здесь больница! — Разгневанная медсестра старательно дожевывала что-то. Я оторвала от себя цепкие руки и пошла к выходу.

* * *

24 февраля.

Боже, позволь мне не сойти с ума... Хотя, как это ни странно, я в какой-то степени понимаю ее мать. Когда на твою дочь показывают пальцами и смеются за спиной, а некоторые и в лицо... Ужас.

Вчера Риту выписали, и я вывела ее погулять. Наша вахтерша, Антонина Сергеевна, прошипела ей вслед что-то вроде «шалаша». Я хотела ответить, но Рита покачала головой и утащила меня на скамейку. Она сказала, что не вернется в школу, а потом заплакала. В первый раз после того дня...

Я не могу ее бросить. Ее теперь ненавидят все, кому не лень. Даже тетя Люба мигом увела Саньку домой, хотя он и просился погулять с нами. Почему-то никто не думает, что подобное могло произойти и с ними или с их детьми. Никого не волнует, почему так поступила. Все видят только благополучную семью: папу, маму, дембеля-сыночка и лапочку-дочку. Трудно заметить момент, с которого все начинает расплываться, как неподшитая льняная ткань, и очень скоро остаются только торчащие нити, обрывки чьих-нибудь жизней.

Кроме одного раза

— Пиши мне почаще... Я никогда тебя не бросила бы...

— Ничего, — я улыбнулась через силу. Не хватало только еще больше расстроить Риту. — «Контакт» рулит!

Подруга засмеялась. Раннемартовский ветер развеивал ее кудри, сушил слезинки...

— Есть ли еще там «Контакт»?!

«Пассажирский поезд триста семьдесят шестой «Москва — Воркута» отправляется с платформы два, третий путь. Нумерация вагонов с головы состава». — Динамики с оглушительным шипением умолкли.

— Рит, топай в вагон. — Женька тащил последнюю сумку.

Мы обнялись. Риту с Женькой провожала только я.

— Все будет хорошо.

— Не обмани меня, Кать. И себя.

Рита долго высовывалась в окно. Потом поезд изогнулся, закрыв ее от меня...

Я еще долго стояла на платформе. Как она будет жить на новом месте? После выписки дочери Галина Викторовна провела высококонраивственную беседу в присутствии всей семьи. Про возвращение в школу и речи не шло.

Мобильник затрещал, требуя хозяйского внимания.

— Алло? Слушаю.

— Кать, это ты? — Голос показался знакомым.

— Валера?

— Да, я тут подумал... Может, сходим куда-нибудь? Посидим — неделю уже не виделись.

Идти никуда не хотелось. Просто бы сесть и подумать о своем... А вдруг обидится?

— Катя? Алло!

— Да, хорошо, конечно...

— Через полчаса у Акифа тебя устроит?

— Поторопись, я в двух шагах.

Я шла по тротуару, чувствуя, как замерзают промокшие ноги. Мимо ехали миниатюрные грузовики, заполненные грязным снегом. Работали день и ночь, увозя последние остатки зимней детской радости. Навстречу топала Викина компания, почему-то без королевы. Я поравнялась с Ирккой и плюнула ей под ноги, заставив с писком шарахнуться к стене дома. Ее красивые бежевые сапоги оказались в мутном миксе из песка и снега. Этот отчаянный рывок котенка в декабре показался мне знакомым... Ирка почти по стене выбралась из лужи, испуганно глядя на меня.

В кафе мы сидели молча. Тишину прерывала только трескотня Акифа. Хлопотливый шумный грузин заполнил собой пустоту между нами.

Сквозь пар над чашкой чая с «апэлисином» я наблюдала за Валерой.

— Ты похож на снайпера. Как будто в прицел смотришь.

— Хм-м, тебе виднее. Я хотел поговорить... о... Рите. Как она?

— Уехала. А что?

— Просто так. Как ты теперь будешь?

— Так же. Только одна.

— Ну да.

Чай стал горьким.

— Мне пора.

* * *

9 марта.

Я не понимаю тебя. Ты стараешься делать вид, что тебя интересует моя жизнь, мои друзья, мои проблемы. Ты не умеешь притворяться. Тогда зачем ты рядом? Валер, ты выбрал меня, когда я уже отчаялась. Ты за две минуты вернул меня к жизни. По крайней мере, я так думала... Вернулся бы к Вике... Для нее ты — счастье.

Для меня тоже... на расстоянии.

* * *

— Это Вика Горская. Можно Катю?

— Это я.

— Не узнала... У меня остался Ритин дневник. Заберешь?

— Да. Завтра принеси в школу. — Я положила трубку.

Тонкая сигарета в пальцах мамы чуть подрагивала.

— На днях придет Валерий. Он хочет пообщаться с тобой.

— Я тебе ясно сказала, что не хочу с ним видеться. Это твое дело.

— Ты почему такая эгоистка? — В уголках маминого рта углубились морщинки, губы сжались.

— Что воспитала, то и выросло, — меланхолично выдала я привычную фразу. — Мне плевать на него.

— И на меня, — тихо сказала мама, — на меня тебе, видно, тоже плевать...

Мне стало противно.

— Я не просила меня рожать. Или могла бы отказаться от меня. Делай выводы.

Мама загородила мне выход.

— И дай пройти.

— Сядь! — Что-то в голосе мамы заставило меня подчиниться, хотя внутренний протест едва не разорвал меня на части. Мама прикурила следующую сигарету и повернулась ко мне. На серо-жемчужных глазах блестели слезы.

— Я всегда слушала свою маму... Кроме одного раза... когда она уговаривала меня сделать аборт. Я отказалась.

— Что?..

— Она говорила мне, что у меня вся жизнь под откос пойдет из-за твоего папашки-козла, что меня с выродком никто замуж не возьмет, еще что-то... Она была права, как ты думаешь? Я всю жизнь посвятила тебе, и что я слышу? «Делай выводы»! Шестнадцатилетняя девчонка будет учить меня, как жить!

— Даже это не дает тебе права распоряжаться мной. И если ты считаешь иначе, значит, я для тебя только приятное напоминание о собственной самоотверженности.

— Ты думаешь? — Мама не скрывала слез. Я тоже.

* * *

11 марта.

Я вчера хотела сжечь эту тетрадку.

Мать теперь чужая для меня. Не хватает только физрука в семью для полного счастья. Как тяжело притворяться перед всеми. Жить по-прежнему, когда все, что ты любила, сметает чья-нибудь прихоть.

Мама рассказала мне о своем выборе «в пользу меня». Она что, надеялась на благодарность?! Я ответила ей, что если бы она послушалась бабушку тогда, то сделала бы самое доброе дело в жизни. По крайней мере, по отношению ко мне.

Вика сегодня так мирно поговорила со мной. Может, она не такая уж плохая?

И Риты теперь нет.

* * *

Серые липы и одинокая мокрая скамейка. На школьном дворе галдели только грязные грачи.

Я пришла в класс первая и теперь наблюдала через окно за злобными черными птицами, клюющими друг друга за какой-то кусок.

«А ведь они похожи на вас. Вон тот, крикливый, с куцым хвостом, — Вика, у которого грудь колесом — Игорь, робкий — Рита... А вон ты сидишь, унылая, вдалеке от остальных...»

Кто это сказал?!

Скрипнула дверь. Я судорожно вздохнула.

— Кать, привет! — Игорь деловито прошуршал через весь класс на свою «камчатку». Грохнул на парту рюкзак и подошел ко мне. — Я тебя напугал?

Я едва придержала язык. Мало ли что...

— Не выпалась. — Игорь хохотнул. Дурак.

— Вчера вас не было, красавица, а мы про вас помни-им. — И, обняв меня за плечи, принялся вертеть вправо-влево. — И скучае-ем. Ритка уехала?

— Да.

— Наше подличество вчера попросило меня отнести тебе дневник, но я ее послал.

Пришел бы хоть кто-нибудь... хоть Вика! Лишь бы он отстал...

— Молодец.

— Ты знаешь, я вчера познакомился с такими ребятами! Они крутые! Знаешь, наверно, Гвоздь, Тень, Стигмата...

— С ума сошел? Они же психи, готы!

— Ничего не психи, — оскорбился Игорь, отодвигаясь. — Просто их никто не понимает.

— А ты понял, значит?

— Понял. Это все врут, что они червей по кладбищам едят.

— А они там елки новогодние наряжают, да?

— Музыка слушают, Библию обсуждают. И вообще, говорят о жизни.

— И смерти.

— Это философия, — воздел большой палец Игорь. — Я к ним хочу.

— Попросись.

— Я попросился. Они сказали, что сначала я пройду церемонию посвящения...

Дверь едва не слетела с петель, и в класс ворвались, размахивая сумками и рюкзаками, «отбросы». Следом, как на пионерском параде, парочками, «элита». Поздороваться со мной каждый, видимо, считал залогом немедленного получения миллиарда евро. Что это с ними?

Вика взгромоздилась на свою парту. Конфетные ногти так и сверкали. Прокашлялась. Я насторожилась: «Подличество», как окрестил ее Игорь, просто сияло.

— Катя, милая Катя... Как дела?

В классе вдруг стало тихо.

Мысли завертелись, как молочный коктейль в блендере.

— Тебе-то что?

— Да так... Интересно. Как личная жизнь?

Он вернулся к ней? Странно, я не умерла на месте. Но как больно...

— Отлично, — нельзя показывать слабость, — тебе так же желаю.

Вика закрыла рот на пару секунд.

Проглоти и перевари. А я посмотрю, как ты побежишь звонить ему, и крикну на весь коридор: «Передай привет и поцелуй от меня!»

— Спаси-ибо. У твоей мамы все тоже хорошо, я смотрю... — Присные заржали. — Тоже парень, да какой... Красавец, молодой... И такой заботливый и нежный, цветы вчера купил... Тюльпаны!

Я пошла на свое место. Не хватало с ней разговаривать.

— Интересно, как вы жить будете, — она закатила глаза, — с одним мужем на двоих...

— Ты что сейчас сказала? — прошептала я, пытаясь обуздать прыгающую челюсть. —

Повтори...

— А что? — невинно приподнялись тонкие брови. — Не знала? Он же познакомился с тобой ради нее. И все равно скоро бросит вас обеих. Она уже старая для него, а ты... Кому ты нужна, гадкий утенок?!

Гадкий утенок...

«Ты забыла сказку? Он же превратился...»

«Не превратился, — шепнул кто-то. — В твоей сказке не превратился!»

Вика улыбалась.

Я, подняв голову, вышла из класса. Меня не остановил даже Игорь.

* * *

Рита, милая, привет. Мне очень не хватает тебя. Знаешь, я часто вспоминаю наше общее детство. Пишу тебе, сидя на нашей любимой «тарзанке» в парке. Зад болит от резиновой седушки-петли, как после трех часов непрерывного катания. Помнишь, как однажды ты раскачала меня, а тебя кто-то позвал, и ты отвернулась? А через секунду улетела кувырком, когда я врезалась в тебя спиной.

Сегодня я прошла по «нашим» местам. Набережная, парк, детская площадка в соседнем дворе, свалка арматуры, древняя недостройка, правда, без кучи песка, с которой мы летали на санках... Зимой песок растащили на посыпку дорог. Теперь я, возможно, ношу его частицы на своих паленых «каamelотах»...

Я перечитала написанное. Стало противно. Надо, надо...

...Мы всегда пытаемся отгородиться от чего-то неприятного. Ставим перегородки, как в японских домиках, которые мы видели в «Мемуарах гейши». Но когда за этой ширмой зажигается лампа, Страх становится почти материальным... Я закрылась от жизни, не видя или не желая видеть ее. А она легко ударила меня ножом через рисовую бумагу и потекла дальше.

Я люблю Валеру. Вика тоже. А Валера с моей мамой любят друг друга.

Я завидую Вике. Ей, видимо, все равно, с кем он будет, лишь бы не со мной. А мне?!

Мама...

— ... он мой, слышишь, мой!

— Катя, — мама держалась за сердце, — девочка моя, послушай...

— Я так давно люблю его, а ты... Ты же не знаешь...

... предала меня. Они давно вместе, а я, я наивная. Ничего не замечала. Или не хотела? Нет, не так. Просто я не ожидала удара именно от нее.

Мое состояние сейчас примерно как в детстве, когда, балансируя эскимо в одной руке и держась другой за маму, я пыталась пройти по бордюру в сквере. Она отпустила мою руку, и мороженко, медленно, очень медленно вращаясь, упало на тротуар...

Она говорила, что у человека есть три пути: терпеть, бороться или уйти.

Я не прошла ни первый, ни второй. И смириться не смогла, и решающей схватки не выдержала. Остался третий, и это не поезд номер 141 до Калуги. Не как у тебя.

Мама не знает...

— ... чего я хочу, о чем мечтаю! Ты никогда меня не понимала...

— Милая, давай уедем! Обещаю, я расстанусь с ним. Мы соберем вещи прямо сейчас, я даже не буду ему звонить! Я хочу, чтоб ты была счастлива, я все сделаю...

... где я. И пусть. Она чуть не заставила меня остаться. Сама недавно говорила, что я у нее в долгу за то, что дышу и живу. Она подарила мне почти семнадцать лет унижений.

Не хочу доставлять Вике радость издеваться надо мной. Пусть королева ищет другого Арлекина. А я Пьеро.

С любовью, Катя.

P.S. Я люблю ландыши.

Последние слова пришлось обводить дважды: в ручке закончилась паста. Я выкинула ее в последний нерастаивший сугробик, заклеила конверт.

* * *

— Отойти всем, немедленно! — Толстый дядька в серой форме орал в мегафон, толпа бесновалась...

Пожарные сновали далеко внизу прямо под моими ногами, и я гадала, сколько капель с моих ботинок и мороженого упало им на каски. Посчитать людей внизу не получалось, они без конца сновали от милиционеров, как кусочки фруктов в «Даноне» от ложки.

Теть Люба с Санькой... Наверно, он опять болеет. И Ольга Игоревна откуда-то взялась. Хорошие у меня линзы, все видно...

— Катю-уша, спускайся-а! Пожалуйста! Мать пожалей!

Я бросила вниз палочку от эскимо. Как она долго летит... Интересно, Игоря уже посвятили в братство готов?

Заскрипел чердачный люк, показалась голова какого-то мужчины в темно-сером пальто.

— Привет, Катюш. Зачем ты здесь?

— Идите отсюда.

— Подожди! — Он поднял руки, как бы сдаваясь, и отступил на пару шагов. Я ослабила руки, готовые сбросить меня с кромки. — Не делай глупостей. Ты всегда успеешь прыгнуть и покончить со всем. Только, знаешь, в момент падения ты можешь передумать.

«Чего он хочет?» — Я ощутила ярость.

— Убирайтесь, а то... — Я придвинулась еще ближе к краю.

Внизу истерически закричала женщина.

— Как скажешь, но все же подумай...

— Люк за собой закройте.

Ушел. Черт, тент натягивают...

«Конечно, ты не передумаешь. Пусть хоть эти любопытные внизу увидят, как ты впервые в жизни полетишь...»

Он был прав, этот голос.

— Катя! — Я вздрогнула. — Можно, я поднимусь к тебе?

Он выбрался вперед. Что-то сказал спасателям.

— Поднимайся один!

Запыхавшийся и грустный, он сел на край крыши шагах в пяти от меня.

— Почему ты не с мамой?

Он не удивился моему вопросу.

— Я люблю ее, она меня. Я не знал, что ты... Сейчас прошу тебя об одном...

— Я не пойду с тобой. Вдвоем вы будете счастливее.

— Твоя мама позвонила минут десять назад. Сказала, что все кончено. Я пошел к ней, но...

— Решил по пути спасти меня? Не жди «спасибо».

— Не жду, — улыбнулся он.

— Как же я люблю тебя...

Алексей БОКАРЕВ

Родился в 1986 году в Рыбинске. Публиковался в журналах «Арион», «День и Ночь», «Девушка с веслом», «Русский путь на рубеже веков», в московских сборниках «Новые писатели» (2008, 2009), в местных коллективных поэтических сборниках, а также в областных периодических изданиях.

Участник V, VII и VIII Форумов молодых писателей в Липках.

Аспирант кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Твоя божество

* * *

С отцом, неведомо зачем,
в том времени, где ты жива,
идем, отец мой глух и нем,
и я молчу ему слова.
Отец не курит и не пьет,
на лбу блестит рабочий пот,
мелькает седина;
а я — в пальто и башмаках,
в нелепой шапке, а в руках —
гитарная струна.

Немало я таких порвал
усильем пятерни,
где времени работал вал,
отсчитывая дни.

Там был приятель у меня,
он ноты изучал
и, тщетно струнами звеня,
нам музыку молчал.

Я как и все: я сплю и ем
(представь себе мои черты),
но, как отец мой, глух и нем,
но строже и мрачней, чем ты.
Мне времени невнятен ход,
тугим молчаньем полон рот,
я обхожусь без рифм.
И муза, разумом слаба,
молчит тебе мои слова,
и мы не говорим.

* * *

Пока я над грязным склонялся листом,
ты быстро прошла под чугунным мостом,
где дети в войнушку играли.
Минуя огонь несмертельных атак,
из общего времени сделала шаг,
застыв ненадолго на грани.

А я, напрягая свое естество,
творил в меру сил из тебя божество,
твою ощущая утрату.
Бродил под мостом, неопратно одет,
и лег, неожиданной пулей задет,
на снег, прямо в ноги солдату.

Смешались железо, песок и стекло.
Заботливо время меж нами легло.
А рядом, возвысившись гордо,
завод во все трубы усердно дымит,
и ритм шагов твоих тайно хранит
моста безымянная хорда.

Когда после смерти откроешь глаза,
чтоб время не значило впредь ни аза,
все тот же, с громадой завода,
увидишь пейзаж, но не сможешь понять:
и мертвого будет тебя охранять
его ледяная забота.

* * *

глубока мне была река
было времени через край
видит глаз не возьмет рука
хоть в него с головой ныряй
оставалось у берегов
рвать кувшинки пугать мальков
и утрами покинув спящих
караулить стрекоз блестящих
на камнях золотых жуков

что из фауны этой всей
уцелело на берегу
я по руслу как моисей
боже сам от себя бегу
собираюсь уснуть прилечь
чтоб воде как и прежде течь
и мне снится побег забыт
у реки шашлыки с винцом
но затылок налит свинцом
и в гортани песок хрипит

9.12.2007

это все трехгрошовая опера
это слабые мыслью умы
это музыка вышла из ступора
и убогая просит займы
это было а вроде и не было
это есть а как будто бы нет
я бы спел это господи набело
исцели мою речь логопед

Надежда ПАПОРКОВА

Родилась в 1984 году в г. Рыбинске Ярославской области.

Аспирант кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского. Работает преподавателем литературы, культурологии и риторики в университетском колледже при ЯРГУ им. П. Г. Демидова. Член Союза российских писателей с 2004 года.

А за окном шумит эпоха

* * *

Этой стужей дышать, этой грустной землей любоваться,
Красотой ее кроткой, закутанной в нищие клочья...
Приходя, чтобы снова уйти, мы должны оставаться.
И любой наш ответ — лишь вопрос. И не в силах помочь я

Ни тебе, мой любимый, поверить, что все не напрасно,
И свечение нашей земли сквозь снега — различимо
В бледном небе, что даже без яркого света прекрасно,
Оттого, что больнее, сильнее, сиротливей любимо...

Ни печальному ангелу этих бесцельных скитаний,
Ни прохожим, едва поднимающим взгляд от дороги...
Никому-никому... Свой бессмысленный счет трепетаний
Остановит когда-нибудь сердце, устав от тревоги.

Разве самое важное — сколько мгновений осталось?
Лишь бы выдержать стужу, пригоршни тепла не растратить,
В тихих песнях сберечь грустной родины нежность и жалость...
И отпустит Господь. И дорогою — снежная скатерть.

* * *

Откроешь зимнюю тетрадь, и первой чистою страницей
Вдруг станет мир — на миг, но весь, на краешек, зато бескрайний...
Земля моя, ни умирать, ни жить веселою синицей
В твоих ладонях никогда я не умела. Но сыграй мне
На нервах истонченных блюз. Чтоб мука музыкой казалась...
(Ты помнишь— Анненский...) Для муз едино все, различья нет им.
Пусть будет музыкой все то, что вызывает смех и жалость
У здешних, взрослых и таких, как нужно, жителей планеты.
С недоумением и тоской, с неузнаванием и плохо,
Неузнаваемо, смешно я говорю с тобой и плачу.
Нам снится воля и покой. А за окном шумит эпоха
О том, кому тебя вручить, как вещь ненужную, впридачу.

* * *

Пусть ты никогда не услышишь меня,
От первого сна до последнего дня

Ничто не напрасно, ничто не пройдет.
Сквозь вечность пространства, сквозь времени лед

Летя, замирая, в горячей мольбе
Душа моя рвется и рвется к тебе.

Пусть разум, как дедушка в длинном плаще, —
Бродячий философ про жизнь вообще,

Писатель про заек и двоечник про
Конкретное зло и живое добро —

Все бродит по книгам, маячит в мечтах,
И делает выводы, не дочитав:

«Реальность — не в этом, реальность — не в том»...
Но что же — в летящем листе золотом,

В дожде, в серебристом речном ветерке?
Кто выдумал образ синицы в руке,

Тот знает, быть может, ответ на вопрос.
Взлетает синица над россыпью рос,

Над россыпью судеб, над болью земной...
А ты навсегда остаешься со мной.

* * *

Не надо, снег, пожалуйста, не прячь
Открытую испуганную землю.
Она твой шепот обратила в плач,
Не оттого ль, вернее, не над тем ли

Несбывшимся мгновением весны,
Которое ты отдаляешь снова...
Поверь, не гибель ждет тебя, а сны
О краткой вечности всего земного.

И ты расскажешь там, на небесах
Что знал тепло и не жалел об этом,
И понял вдруг, что гибель — не в слезах,
А в торжестве над радостью и светом.

* * *

Смешались слезы и апрельский снегопад...
Благословенна та чудесная, чьи руки
Тебя качали и удерживали над
Землей холодной, полной горести и муки.

И на ладонях, всех обветренных, сухих
Которых в руки не возьмешь ты — не родные —
Изгибы рек других, набросок мук других,
Других и присно, и всегда, и даже ныне,

Когда ты в сердце солнцем ранящим молчишь,
Когда шепчу сквозь ледяные дуновенья:
О мой любимый, недоверчивый малыш,
Дай удержать тебя от боли и забвенья...

Но нет ни в мире, ни над миром волшебства,
Чтоб две души — две разных грани поднебесья —
Соединились, как бродячие слова
В печальной песне.

В творческом содружестве

Нынешний 2011 год — юбилейный для Ярославской области, отмечающей 75-летие со дня своего образования. Минувшие непростые в истории страны десятилетия стали не только периодом формирования экономики региона, но и временем важных достижений в области культуры, в частности литературы. И здесь огромную роль сыграло становление профессионального писательского сообщества Ярославского края.

Официальной датой образования ярославского отделения Союза писателей считается 1938 год. Но и до этого при Советской власти существовали писательские объединения. В первые послереволюционные годы сформировались Союз поэтов (отделение Московского Союза поэтов) и объединение рабочих писателей «Литьё». По свидетельству Марии Петровых, она начала посещать собрания этого Союза в 1922 году.

В конце 1920-х годов в Ярославле образовалась активная писательская группа, в которую входили широко известные впоследствии литераторы А. Сурков, А. Афиногенов, В. Смирнов, В. Герасимова. Сюда приезжал работать над «Разгромом» Александр Фадеев, закончивший этот роман в 1927 году. В то же время начали печататься Д. Горбунов, А. Кузнецов и А. Флягин. Первым руководителем данного литературного объедине-

ния с 1925 по 1927 годы был А. Флягин, пьеса которого «Чудак» была поставлена на сцене Волковского театра в 1930 году. В 1927 году, когда возникла Ярославская ассоциация пролетарских писателей (отделение РАПП), один год ею руководил А. А. Сурков.

В марте 1938 года было создано Ярославское отделение Союза советских писателей (Союз писателей СССР). Возглавил его В. А. Смирнов, впоследствии известный прозаик, лауреат Государственной премии. На общем собрании писателей 14 июня 1939 года членами бюро ЯО ССП, кроме Василия Александровича, избрали В. Быстрова, П. Лосева, В. Немцевича и М. Хардина.

Творческая жизнь уже в ту пору была довольно активной: дважды в год выпускался литературный альманах, регулярно выходили книги А. Кузнецова, М. Лисянского, В. Смирнова, В. Немцевича, Д. Бондарева, А. Зайцева и других авторов, проводились встречи с читателями...

В период Великой Отечественной войны Ярославское отделение Союза писателей СССР было закрыто. Но в издательстве продолжали выходить книги, с фронта присылали свои рукописи А. Кузнецов, А. Флягин, П. Лосев, В. Смирнов. Без задержек выходил «Ярославский альманах».

Отделение ССП вновь открылось в 1947 году, и снова его возглавил В. А. Смирнов, автор ставшего широко известным к тому времени

романа «Сыновья». Были переизданы повести А. Кузнецова «Ювелиры» и «Пошехонская новь», а также книга рассказов А. Флягина (оба писателя погибли на войне). Вышли новые книги Павла Лосева и Марка Лисянского.

С фронта вернулись молодые талантливые литераторы, которые составили затем ядро писательской организации: Ю. Ефремов, Е. Савинов, П. Голосов, И. Смирнов, В. Рымашевский, Н. Серов. Эти поэты и прозаики, обладавшие богатым жизненным опытом, служили примером гражданской и творческой зрелости для начинающих авторов. Литературная работа фронтовиков значительно способствовала росту авторитета писательской организации.

В 1949 году В. А. Смирнов был выдвинут на должность секретаря правления СП России. Ярославским отделением руководили в разные годы П. Лосев, Н. Грибков, В. Московкин.

Наиболее заметные книги конца 1940-х и начала 1950-х годов, выпущенные местным издательством: «Открытие мира» В. Смирнова, повесть Н. Грибкова «Огни», «Династия Соловьевых» П. Лосева, поэма Н. Колотилова «Простор». Позднее были опубликованы исторический роман М. Рапова «Зори над Русью», повесть К. Брендючкова «Дважды рожденные», очерк Е. Савинова «Зоины товарищи», повести В. Московкина «Как жизнь, Семен?» и «Шарик лает на луну», сборник стихов В. Ковалева «Небо остается синим», литературоведческое исследование В. Рымашевского «Некрасов и Маяковский», повести Н. Серова «Мещанка» и «Хозяйка». Все эти произведения вызвали большой интерес у читателей и получили высокую оценку критиков и читателей.

В связи с созданием в 1957 году Союза писателей РСФСР появилось новое название: Ярославское областное отделение Союза писателей РСФСР, с 1967 года — Ярославская областная писательская организация Союза писателей РСФСР, ныне — России.

Большой вклад в укрепление организации внес И. А. Смирнов, работавший ответственным секретарем с 1964 по 1981 годы. Этот

период оказался очень плодотворным для ярославских писателей.

Сменивший его на этом посту известный прозаик Ю. С. Бородкин успешно продолжил дело своего предшественника. Двадцать один год возглавлял он писательскую организацию, способствуя расцвету творчества ярославских литераторов.

Много замечательных имен дала литературе советского периода ярославская земля: Алексей Сурков, Лев Ошанин, Марк Лисянский, Мария Петровых, Маргарита Агашина, Сергей Смирнов, Николай Ушаков, Сергей Воронин. Заметным явлением в духовной жизни ярославцев стало творчество Николая Колотилова, Александра Иванова, Константина Яковлева, Владимира Ковалева, Алексея Тарасова, Виктора Малышева, Льва Коконина, Эммы Марченко, Ирины Бариновой.

Большой популярностью в 1991—2001 годах пользовался у читателей литературно-краеведческий журнал «Русь», где публиковались не только писатели Ярославской области, но и соседних регионов. Напутствие этому журналу в свое время дал А. И. Солженицын. Инициатора создания журнала и первого главного редактора В. А. Замылова сменил С. А. Хомутов, потом Б. М. Сударушкин.

Заметный читательский резонанс в 1980-х — 1990-х годах вызвали роман Василия Смирнова «Сыновья», роман Юрия Бородкина «Кологривский волок», удостоенный Первой премии СП СССР и ВЦСПС, трилогия «Потомок седьмой тысячи» Виктора Московкина, роман Валерия Замылова «Иван Болотников», роман Александра Конопина «Время дождей», повести Алексея Грачева и Николая Серова, литературоведческие исследования Вячеслава Рымашевского и Алексея Тарасова, сборники стихов Ивана Смирнова, Юрия Ефремова, Павла Голосова, Евгения Савинова, Владимира Ковалева, Николая Якушева, Владимира Лебедева, Эммы Марченко, Александра Иванова, Владимира Сокола, юмористические произведения Юрия Оловянова.

В это же время самобытно заявили о себе поэты и прозаики более молодого поколения — Анатолий Грешневиков, Сергей Хомутов, Ирина Барина, Евгений Чеканов, Борис Сударушкин, Семен Работников, Наталья Михайлова, Михаил Лебедев, Николай Родионов, Евгений Кузнецов, Тамара Пирогова.

В 1991—2001 годах в регионе выходил литературно-краеведческий журнал «Русь». Инициатором создания и первым главным редактором его был В. А. Замыслов.

В 2003—2006 годах писатели Ярославской и близлежащих областей публиковали свои стихи, прозу, литературоведческие материалы в журнале «Русский путь» (позже «Русский путь на рубеже веков»). Бессменным главным редактором являлся поэт и издатель Е. Ф. Чеканов.

Сегодня в ярославском отделении Союза писателей России, являющемся правопреемником и продолжателем традиций Союза писателей СССР, 32 человека. С 2002 года и по сей день его возглавляет Г. В. Кемоклидзе, прозаик, автор трех романов — «Панков», «Салин», «...Тысяча...».

По-прежнему неутомим и энергичен Ю. С. Бородкин, член высшего творческого совета Правления СП России. В 2010 году Юрий Серафимович выпустил в свет стихотворный сборник.

Сложные жизненные и философские проблемы в своих произведениях поднимает прозаик Евгений Кузнецов (романы «Быт Бога», «Жизнь, живи!»). Он первый из ярославских писателей стал лауреатом областной премии им. Л. Н. Трефолева.

Валерий Замыслов, перу которого принадлежат 24 исторических романа, трижды становился лауреатом премии имени И. З. Сурикова. За большие заслуги в области литературы он награжден «Почетным знаком города Ярославля» и Орденом Дружбы. С присущей им творческой энергией по-прежнему активно работают, не стремясь к сиюминутному успеху, писатели-фронтовики А. В. Коноплин и В. А. Тухтин. Поэт Николай Родионов выпустил роман «Быть не просто», рассказы-

вающий о судьбе сельского жителя в переломное время.

И пополняется ЯРО СПР людьми талантливыми. В последние годы в его ряды были приняты новые творческие силы: тонкие лирические поэты Валерий Мутин, Тамара Пирогова, Владимир Серов, философ-лирик Валерий Топорков, выпускник Литинститута прозаик Алексей Серов, по-детски искренняя поэтесса Надежда Кудричева, прозаики Альберт Максимов, Альфред Симонов, Ольга Скибинская.

Несмотря на большие моральные и материальные трудности продолжают издаваться книги, в которых отражается жизнь страны и региона, поднимаются серьезные наиболее проблемные. На личные скромные средства самих писателей выпущен номер газеты «Ярославский писатель». И по сей день регулярно выходит «Ярославский альманах» — ежегодный литературный сборник новых произведений ярославских писателей.

Крутой исторический разлом рубежа 1980-х — 1990-х годов привнес серьезные изменения в российский литературный процесс. В частности, тяга писателей к самоопределению привела к тому, что единое в годы советской власти писательское сообщество страны распадалось на части.

Следствием активного стремления резко порвать с советскими традициями стало рождение Союза российских писателей (СРП), отделение которого появилось и в Ярославской области.

Первое организационное собрание по учреждению в Ярославле «новой писательской организации, действующей на принципах демократии», состоялось 26 февраля 1993 года. Секретарем-координатором областного отделения СРП был избран поэт и публицист В. Д. Пономаренко, руководивший организацией до 1999 года.

Заметную роль в формировании ЯРО и организации литературного процесса играл в то время член СРП прозаик и публицист Борис Черных. Недолгое время возглавляя редакцию вновь сформировавшейся областной

газеты, он заложил основы журналистики нового типа. При газете начали выпускать ежемесячное литературное приложение, «вкладыш», своим названием связавший региональный литературный процесс конца XX века с истоками ярославской литературы и журналистики XVIII века, первым русским провинциальным журналом «Уединенный пешехонец». Эта литературная страница продолжает выходить и по сей день.

С новым писательским союзом связано литературное признание поэтов Константина Васильева из пос. Борисоглебского, Николая Смирнова из Мышкина, Любви Новиковой из Ярославля.

В это время в Ярославле начинает издаваться ежемесячная литературная газета русской провинции «Очарованный странник». Ее возглавляли Л. В. Королев и Б. И. Черных. Эта газета фактически стала первой единой творческой площадкой для областных отделений обоих писательских союзов. Но кроме ярославцев на ее страницах публиковались проза и стихи авторов из практически всех регионов России.

В 1996 году под Ярославлем состоялось организованное СРП совещание молодых писателей России, на котором в союз была принята и группа литераторов из Ярославской области. Среди них Тамара Рыкова, Владимир Перцев, Леонид Советников, Александр Калинин, Евгений Ермолин.

В 1999 году председателем правления ЯО СРП был избран критик Е. А. Ермолин, благодаря усилиям которого организация получила юридический статус. Затем в разное время отделение возглавляли О. С. Гонозов, Т. М. Рыкова, недолгое время И. А. Грицук. Сейчас организацией руководит поэт В. Ю. Перцев.

Исторически сложилось так, что большинство членов ЯРО СРП — поэты. Немало в союзе рыбинцев; это братья Александр и Максим Калинины, Ольга Коробкова, Надежда Папоркова и др. Но костяк, конечно, ярославский.

Несмотря на молодость ЯРО СРП некоторые его представители уже ярко заявили

о себе. Они издают коллективные и авторские сборники, публикуются в общероссийских периодических изданиях. Например, поэт, прозаик, публицист Николай Смирнов — лауреат премии им. Н. Лескова. Прозаик Наталья Черных — лауреат губернаторской премии. Александр Калинин — лауреат премии фонда «Демократия». Его брат, поэт и переводчик Максим Калинин, публикуется в журналах «Иностранная литература», «Вестник Европы», «Новая Юность» и др. Поэт Константин Кравцов — лауреат Есенинской премии и областной премии им. Сурикова. Принятая в 20 лет в СРП Надежда Папоркова — дипломант общероссийских литературных конкурсов. Активно работают Н. И. Туманов, Б. Ф. Фарафонов, В. Г. Колабухин и др.

Академик Академии русской словесности, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения Е. А. Ермолин является заместителем главного редактора журнала «Континент» (Москва). Он один из ведущих литературных критиков страны, лауреат Всероссийской литературной премии «Антибукер», премии журнала «Дружба народов». В качестве председателя Комиссии по литературному наследию Константина Васильева является одним из организаторов Васильевских чтений. Проводимый с 2003 года этот литературный форум стал единой площадкой для творческих сил ярославских отделений обоих писательских союзов.

Стоит заметить, что некоторые талантливые ярославские писатели предпочли не связывать себя с писательскими союзами. Это, например, признанные в России поэты Александр Беляков, Юрий Рудис, прозаик Валерий Есенков. Своими путями идут и некоторые молодые литераторы.

Оба писательских союза активно работают с молодежью. Ярko проявляют себя участники литературных объединений Рыбинска, Данилова, Углича, Тутаева, Некрасовского и, естественно, Ярославля. Ежегодно проводятся литературные семинары молодых авторов.

При ЯРО СРП вот уже восемь лет работает молодежное объединение, где много талант-

ливых ребят, хорошо зарекомендовавших себя не только на областных, но и на всероссийских молодежных литературных форумах: Евгений Коновалов, Владимир Столбов, Дмитрий Кшукин, Григорий Ананьин, Любовь Серикова (Афоничева), Надежда Шестерина, Андрей Коврайский, Владислав Шашкин. Вышло несколько коллективных сборников. Некоторые участники объединения имеют свои отдельные книги, побеждали во всероссийском конкурсе «Дебют», публиковались в центральных литературно-художественных журналах и газетах.

При ЯРО СРП активно работает, пополняясь новыми талантами, молодежное литературное объединение «Третья пятница», руководимое Л. Новиковой.

В канун юбилея областного центра был создан городской клуб любителей словесности «Тысячелетие», руководимый членом СРП Т. М. Рыковой.

Вопреки расхожему мнению интерес к литературе у читателей не пропал. Об этом красноречиво свидетельствуют презентации книг и творческие вечера наших писателей. В библиотеках и домах культуры, в школах и вузах, в воинских и милицейских подразделениях, в ветеранских организациях — везде с неизменным успехом выступали и выступают молодые поэты и прозаики, а также ветераны творческого цеха.

Писатели — неперенные участники, а порой и организаторы культурно-массовых мероприятий, в том числе литературных форумов, проводимых в Ярославле и области: Некрасовского праздника поэзии в Карабихе, чтений, посвященных Н. А. Некрасову, Л. Н. Трефолеву, И. З. Сурикову, И. Е. Бариновой, К. В. Васильеву.

Ярославские писатели поддерживают дружеские отношения со многими литературными музеями России — имени Николая Рубцова в Вологде и с. Никольское, имени Алексея Фатьянова в Вязниках, с «Музеем одной песни» имени Алексея Суркова в дер. Кашино под Истрой, с Домом-музеем Александра Блока в С. Петербурге, с Домом-музеем М. Ю. Лермон-

това в Москве и другими. А в Таманском музее М. Ю. Лермонтова оформлен целый стенд, посвященный защитнику Тамани, ветерану Великой Отечественной войны, ярославскому писателю И. А. Смирнову.

Конечно, в статье о ярославских писателях нельзя не назвать имена Н. А. Некрасова, И. З. Сурикова, Л. Н. Трефолева, К. К. Павловой, М. А. Кузмина, чьи творческие и человеческие судьбы тесно связаны с нашим краем. Впрочем, не обойтись и без имен мологжанина Анатолия Чивилихина, Виктора Блинова, Ивана Иванова, Александра Иванова, Евгения Старшинова, Сергея Грибова, Алексея Новоселова, Алексея Флягина.

Кто ж не знает улиц имени Алексея Суркова и Александра Кузнецова в Ярославле, Владимира Ковалева в Мышкине? А библиотеки имени Н. А. Некрасова? Библиотеки имени Марии Петровых?

Имена других литераторов, не успевших вступить в писательские союзы, не успевших получить широкое читательское признание из-за того что слишком обжигаяще жили, преданно служа Слову, хранят в памяти их коллеги и друзья по писательскому цеху...

В начале 2011 года состоялась встреча ярославских писателей с губернатором области С. А. Вахруковым. Давно ожидаемая в силу множества назревших вопросов, прежде всего связанных с книгоиздательской политикой Правительства Ярославской области и с поддержкой инициативы писателей по возрождению литературно-художественного журнала, она во многом оправдала наши прогнозы. Сергей Алексеевич с пониманием отнесся к высказанным предложениям и почти на все дал положительный ответ.

При поддержке губернатора отныне в Ярославле будет регулярно выходить литературный журнал «Мера», первый номер которого вы держите в руках. Журнал является единой творческой площадкой для обоих писательских союзов.

Руководитель области поддержал идею создания экспертного издательского совета, призванного регулировать выпуск художе-

ственной литературы, не допускать выхода откровенно слабых в художественном плане вещей, издаваемых за счет средств областного бюджета. Также он принял к сведению и взял на контроль проведение Некрасовских праздников поэзии в Карабихе, которые стали в последнее время все более превращаться исключительно в «народные гулянья» со скоморохами, дедами мазаями, водяными и лешими, тогда как собственно поэтическая часть некогда грандиозного праздника всероссийского масштаба пускается на самотек.

Итак, в регионе начали создаваться условия для поддержки и развития литературного процесса, что, несомненно, должно послужить рождению новых талантливых произведений ярославских поэтов и прозаиков.

Евгений ГУСЕВ,
член Союза писателей России

В оформлении вкладки использованы материалы музея Ярославского отделения Союза писателей России, ЯОУНБ им. Н. А. Некрасова, Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова и библиотеки-филиала № 15 им. М. Петровых МУК «ЦБС г. Ярославля», из архивов авторов

В Е Р С И Я

Альберт МАКСИМОВ

Родился в 1957 году в Ярославле. В 1979 году окончил Ярославский политехнический институт по специальности «инженер-механик», работал в тресте «Ярхимпромстрой». В 1980-м перешел на комсомольскую работу. С начала 1990-х занимается предпринимательской деятельностью, в том числе книготорговлей. В студенческие годы сочинял стихи; в 1980-х написал несколько фантастических повестей, донныне не опубликованных. В 2005 году в ярославском издательстве «Нюанс» вышла первая книга А. Максимова «Русь, которая была. Альтернативная версия истории», в 2006 году увидела свет «Русь, которая была-2». Затем были изданы книги «Хазарское безумие», «Суровые законы», «Пепел Клааса». Пятитысячные тиражи этих изданий очень быстро разошлись по стране. Член Союза писателей России. Живет и работает в Ярославле.

Святослав и Владимир: дядя и племянник?

В 944 году князь Игорь выступил в поход на Византию. Дойдя до Дуная и получив выкуп, Игорь заключил с греками договор, текст которого был приведен в «Повести временных лет». Интересный текст! В нем перечислены имена послов от вельмож русов, причем явно с учетом их иерархии.

Первым в списке идет сам князь Игорь, далее его сын и наследник — Святослав, затем жена Игоря — Ольга, мать наследника. Четвертым значится племянник Игоря, тоже Игорь, потом Володислав, Предслава,

Сфандра — жена Улеба, Турды, Арфаст, Сфирьк, Акун — племянник Игоря и далее другие.

В этом списке мы видим двух племянников Игоря, один на четвертом месте, другой лишь одиннадцатый. Уровень родства мог быть разным, отсюда и разные места в «табеле о рангах».

Пятым в списке, сразу после Игоря-племянника, стоит некий Володислав. На мой взгляд, это внук князя Игоря, будущий креститель Руси князь Владимир. Дело в том, что существуют две версии происхождения второй половины этого имени. Более распространенный вариант — от слова

«мир». Другой вариант — от реликтовой основы — «мер». Мер = слава. В летописях Владимир назывался именно так: Володимерь или Володимер.

Седьмым номером в договоре названа Сфандра, жена Улеба, точнее, надо полагать, вдова, так как сам Улеб не упоминается. В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» пишет о некоей Ефанде, жене Улеба. Кем же мог быть этот Улеб, чья жена оказалась седьмой по знатности на Руси? Могу предположить, что Улеб был старшим сыном князя Игоря. В самом деле, почему мы знаем лишь об одном его сыне — Святославе, еще мальчиком лишившемся отца? Игорь явно не был молод, если упоминался в летописи еще в 913 году. Должны же быть у Игоря и другие дети, умершие или погибшие раньше его.

Можем развить гипотезу. У старшего сына Игоря, Улеба, где-то в 941—942 годах рождается первенец, которого называют Володиславом. Его отец новгородский (т. е. ярославский) князь Улеб вскоре гибнет во время похода в Закавказье. С юных лет Володислав княжит в Новгороде = Ярославле (см. Максимов А. *Нов город Ярославль*. Русский путь. 2007 № 10), регионе с преобладанием МЕРЯНСКОГО населения. Скажите, какое имя президента вы предпочтете, к примеру: Кара-буль-буджо-оглы или Караслав?.. Возможно, здесь первоначальное имя Володислав со временем перешло в идентичное по смыслу — ВолодиМЕРЬ, близкое и славянам, и мерянскому населению края.

Кстати, на вполне уместный вопрос о том, что 3—4-летний ребенок в договоре с греками уже имеет своего посла, отвечу, что в этом же договоре вторым номером значится посол от такого же ребенка — Святослава. А Святославу в том году тоже было всего несколько лет от роду.

Вернемся к списку в договоре с греками. Первый номер — главный русский князь Игорь. Вторым идет его сын-ребенок. То есть первым наследником является младший сын, а не сыновья его умерших бра-

та (Игорь) и старшего сына — Улеба (Володислав). Третья в списке — жена Игоря Ольга, мать наследника. Четвертый — сын старшего брата, а пятый — сын погибшего старшего сына, т. е. внук Игоря.

По аналогии с номерами 2 и 3 списка договора с греками: Святослав + Ольга (сын и мать) — после 4-го и 5-го номеров второстепенных наследников в списке должны быть соответствующие этим наследникам родственные женщины. Действительно, далее идут именно женщины: Предслава и Сфандра. Предслава — скорее всего, жена Игоря-племянника, а Сфандра — вдова Улеба и мать Володислава, который, как и Святослав, был еще совсем ребенком, а потому жены ни он, ни Святослав иметь пока не могли в отличие от давно уже взрослого Игоря-племянника. Поэтому-то в договоре они и представлены своими матерями.

Как видите, здесь реконструкция получается довольно простой и правдоподобной. Традиционная версия не дает разъяснений по поводу перечисляемых имен — кто есть кто.

Восьмым номером значится некий Турды. В «Повести временных лет» читаем: «Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы». Здесь вполне можно отождествить двух летописных героев — Турды и Туры как одного человека, им мог быть один из знатных воевод русов.

Девятый по списку — Арфаст или Фаст. Здесь у меня нет никаких предположений. Но зато десятый в списке — Сфирьк! С. М. Соловьев, рассматривая именной список этого договора, слегка удивлен отсутствием имени знаменитого Свенельда и делает вывод, что Свенельд не родственник Игорю.

Но, на мой взгляд, упомянутый Сфирьк и Свенельд — это одно и то же лицо. Помочь нам в этом утверждении могут византийские авторы Лев Диакон и Иоанн Скилица, которые, описывая войну Святослава с греками, упоминают о некоем русском вожде

по имени Сфенкел или Сфангел, и которого наши историки отождествляют именно со Свенельдом. Сравните два имени в переводе с греческого: одно имя событий 945 года Сфирьк, а другое имя 971 года Сфенкел. При этом Сфенкел, по мнению историков, — это Свенельд из русских летописей. Если имена Сфирьк и Сфенкел окажутся тождественны, то Сфирьк = Свенельд.

Конечно, вы можете задаться вопросом, не слишком ли старым для похода на греков оказался Свенельд. Ведь ему должно быть к тому времени около 70 лет. Но почему Плано Карпини в 65 лет смог добраться до Монголии, причем в тяжелейших условиях — в голод и холод, а Свенельд уже не мог? А до Болгарии путь не так далек, как до Монголии.

Получается, что князь Владимир, креститель Руси, мог быть вовсе не младшим сыном князя Святослава, а его племянником, к тому же погодком. А отсюда получается совсем иной расклад борьбы за власть, начавшейся после смерти Святослава. Против его сына и наследника, юного Ярополка, выступил Владимир, его двоюродный брат, и не зеленый еще юнец, а уже относительно зрелый мужчина.

Давайте рассмотрим ситуацию тех лет через религиозную призму, определимся, кто есть кто по вероисповеданию.

Крещение Руси в 988 году представлено как одномоментная акция князя Владимира, после чего люди, слепые в поступках и безбожные в мыслях, вдруг разом обрели веру. Но разве раньше, до этого события, на Руси не было христианства? Княгиня Ольга была христианкой, а вот ее сын князь Святослав в «Повести временных лет» представлен как язычник, отказавшийся креститься.

Обратите внимание на описание быта Святослава и его привычек: перед нами образец жизни степняка. Такой же была и его дружина. Но степняки не всегда бывали язычниками или, скажем, мусульманами. Те же половцы, по мере общения с Русью, принимали христианство. Вероятно, не все,

но определенная их часть... Все это я говорю к тому, что Святослав вряд ли оставался язычником, как принято считать в нашей истории, а был христианином. Сразу оговорюсь: мысль эта не моя, а Бушкова. Он ссылается на книгу Мавро Орбини, в которой сказано: «После смерти Ольги правил ее сын Святослав, шедший по стопам матери в благочестии и христианской вере». Далее по А. А. Бушкову: «В самом деле, получалось несколько странно: мать Святослава — ревностная христианка, старший сын (это про Ярополка. — А. М.) — ревностный христианин, зато сам он — язычник».

Кстати, в той же книге Орбини пишет: «Поскольку сын Игоря Вратослав был еще слишком мал и не мог править, все дела вершила его мать Ольга». Через некоторое время вновь упоминается сын Игоря, однако уже иначе: «После смерти Ольги правил ее сын Святослав...». Не спорю, что возможно Орбини в первом случае ошибочно назвал Святослава Вратославом. Но если это не ошибка? Вратослав, к примеру, мог быть старшим сыном Ольги, умершим при ее правлении.

Но им мог быть и внук Игоря от Улеба (Улеб, старший сын Игоря, родился от другой женщины, т. к. не мог быть сыном Ольги по возрасту) — Владимир, носивший, как я уже выше писал, имя Владислав. Сравните: Владислав и Вратослав (Вратислав). Это все же явно ближе, чем имена Святослав и Вратослав. А то, что он назван сыном Ольги, так то ошибка, вызванная тем, что Ольга после смерти Игоря оказалась как бы опекушкой пасынка-внука, который вполне мог претендовать на главенство на Руси, хотя практически шансы его были невелики. Но прошло много лет, прежде чем Владислав-Владимир и Святослав подросли, и к тому времени Ольга уже протолкнула на правление Святослава.

Единственное, что стоит добавить, это то, что, согласно летописям, Владимир был язычником. Смотрите: «Повесть временных лет» однозначно утверждает, что Святослав с детских лет не только отвергал

просьбы Ольги о крещении, но и насмехался над крестившимися. Дети Святослава согласно летописи были от разных жен, что дает повод полагать его многоженцем, а это характерно для князя-язычника. Но почему Ольга, ставшая правительницей Руси, не смогла убедить мальчика Святослава креститься?

А если принять гипотезу, что Владимир не был сыном Святослава? В этом случае выстраивается четкая цепочка христианской семьи: Ольга, ее сын Святослав, его сын Ярополк, который, как считается, был христианином. И Святослав оказывается вовсе уже не многоженцем, раз Владимир не его сын. А вот Ольге Владимир чужой, поэтому-то и остался он язычником. Правда, возникает резонный вопрос: а зачем нужно было чернить доброго христианина Святослава? Зачем на это пошли Ярослав Мудрый и его потомки? Иметь в роду длинную цепочку предков-христиан — не каждый мог этим похвастаться. Но все дело в том, что и Ярослав, и его дети, внуки, все они как раз НЕ БЫЛИ ПОТОМКАМИ СВЯТОСЛАВА. Ярослав Мудрый — сын Владимира, и поэтому Ярослав был Святославу лишь внучатым племянником, да и то только по Игорю, который имел нескольких жен. Поэтому-то крестителем Руси и стал Владимир, ПРЯМОЙ ПРЕДОК киевских и всех других русских князей.

Впрочем, то, что Святослав не был родным дедом князю Ярославу Мудрому, не является главной причиной превращения христианина Святослава в язычника. Ответьте: какого обряда придерживался Святослав: римского или греческого? В этом то как раз главная причина таких манипуляций со Святославом.

Как стала христианкой княгиня Ольга, нам известно из «Повести временных лет»: в 955 году, прибыв в Царьград, Ольга приняла христианство. Но по тому, как описываются эти события, сквозь летописные строки проступает лубочная картина русских сказок — кто кого перехитрит: Ольга или византийский император? Вероятно,

Ольга уже с детских лет была христианкой. Если ее мать — пленная болгарка, то последняя была крещеной и, соответственно, могла передать свою веру дочери Ольге.

Не стоит сбрасывать со счетов и такой, хотя и менее вероятный, вариант: до поездки в Царьград Ольга могла быть иудейского вероисповедания. Это может вытекать хотя бы из того, что в X веке христианство еще не раскололось окончательно на две ветви — католицизм и православие (хотя уже шла ожесточенная борьба за сферы влияния), а противоречия с исламом и иудаизмом были не такими острыми.

В самом деле, иудаизм основан на том же Ветхом Завете, что и христианство. Киев, благодаря близости и исторической связи с иудаистской Хазарией, в те годы был главным центром иудаизма на Руси. Русы же, как известно, были заметно активны на Черном море. И хотя их основная масса была язычниками, какая-то часть могла принять иудаизм, господствующую религию Хазарии.

Какой веры была Ольга до своего путешествия, определить невозможно, но известно одно: итогами своей поездки в Константинополь Ольга оказалась раздосадована. Причин здесь могло быть несколько. Возможно, Ольга ожидала более торжественного приема, а может быть, рассчитывала на удачный брак своего сына Святослава. По крайней мере, по возвращении в Киев «прислал к ней греческий царь послов со словами: “Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда возвращусь в Русь, много даров пошлю тебе: челядь, воск, и меха, и воинов в помощь”. Отвечала Ольга через послов: “Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе”». Это из «Повести временных лет».

В 959 году Ольга направляет посольство к германскому императору Оттону I, просит прислать на Русь епископа и священников. В 961 году в Киев отбывает миссия во главе с епископом Адальбертом, только что специально поставленным От-

тоном I епископом Руси. Но миссия оказывается безуспешной, и на следующий год Адальберт возвращается. Если бы этого не произошло, Русь могла бы пойти по католическому пути. Итак, получается, что латинство на Руси не состоялось? Нет, скорее всего, это все же не так.

При изучении данного вопроса нужно рассмотреть две группы источников: русскую и западную. В тех и других факт принятия латинской веры на Руси отвергается. Для русских источников это вполне понятно: князь Владимир крестил Русь по греческому обряду, и Русь всегда была и должна оставаться православной. В нашей стране вопрос сохранения веры, борьбы с униатством, т. е. с подчинением православия римскому папе, вставал неоднократно. Если бы выяснилось, что христианство на Руси первоначально было принято с Запада, а не из Византии, то этот факт оказался бы большим козырем для римской церкви. Однако зная, как правились русские летописи, нельзя им особо доверять. И неудивительно, что историками давно высказывались мнения, что сообщения о взаимоотношениях между Русью и Римом при Ярополке и Владимире первоначально присутствовали в наших летописях, но позднее были вымараны антилатински настроенными православными монахами-летописцами.

Но что западные источники? Они не молчат, а также отмечают, что миссия Адальберта на Руси потерпела неудачу. Но и им, как вы сейчас убедитесь, не следует слепо верить. И вот почему. В 968 году Оттону I удается решить вопрос о создании Магдебургской митрополии. Это сделать было не просто, император добивался ее создания несколько лет. Первым епископом митрополии в обход всех церковных канонов был назначен Адальберт. В те времена перемена епископом своей кафедры была категорически запрещена: епископ получал епархию раз и навсегда. Прецеденты смены епископами кафедр имелись, но ни к чему хорошему не приводили. Та-

кие смены считались неканоническими. К примеру, преемник неканонического епископа Эбона аннулировал все его рукоположения!

Но Адальберт несколькими годами ранее уже был рукоположен епископом Руси! Чтобы хоть как-то обелить новое назначение Адальберта, которое произошло после его возвращения из Руси, нужно было придумать этому объяснение: так появилась версия, что язычники прогнали епископа из Киева. На самом деле Адальберт вернулся в Германию по каким-то другим причинам. А на Руси проповедовал ферденский епископ Бруно. Придуманная история с изгнанием Адальберта в документах сохранилась, а что было на самом деле, быстро забылось, не сохраненное на бумаге.

Христианином был и сын Святослава Ярополк. В 973 году его послы присутствуют на кведлинбургском съезде, организованном Оттоном I, что само по себе не случайно. И наша наука по различным косвенным данным считает, что Ярополк симпатизировал католицизму. Анализ немецких источников показывает, что Ярополк, скорее всего, был женат на дочери швабского герцога Конрада. А это могло произойти лишь в том случае, что Ярополк был христианином, иначе бы в этих источниках брак не зафиксировали как состоявшийся.

Но правление Ярополка было недолгим, вскоре, в 980 году, к власти в Киеве приходит Владимир, убивший Ярополка. Владимир ВОССТАНАВЛИВАЕТ языческие культы в городе. «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Смаргла, и Мокошь».

Что же было дальше? Крещение Владимиром Руси в 988 году? Однако и здесь не все так просто. Дело в том, что средневековый ученый Марвази, живший в XI веке, писал, что царь исповедовавших христианство русов Владимир принял ислам из Хо-

резма. Во времена Марвази Русь активно христианизировалась, и поэтому поводов для такого ошибочного заявления у этого автора не было. Следовательно, Марвази пользовался какими-то источниками, указывавшими на данный факт. Что, если он прав?

Изучение «Повести временных лет» как раз говорит о длительном колебании Владимира при выборе веры. С большой неохотой Владимир крестился, лишь когда серьезно заболел. Мог он до этого принять ислам? По политическим соображениям это вполне допустимо. Его противники Ольга, Святослав, Ярослав были христианами. Убив Ярополка, захватить Киев и сразу же принять христианство — религию побежденной партии означало бы показать свою слабость. Невыгодно было Владимиру принимать и иудаизм: это была религия разгромленной Хазарии, тоже религия побежденных. А вот принятие мусульманства открывало хорошие перспективы. Исламской была Волжская Булгария, против которой Владимир воевал в 985 году и заключил с ней мир. Вспомните строки из «Повести...»: «Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдем поищем себе лапотников». Богатой, значит, являлась страна. Очень богатым был и мусульманский Хорезм. Если бы Владимиру в 985 году удалось покорить мусульманскую Волжскую Булгарию, вполне вероятно, что в конечном итоге Владимир твердо выбрал бы ислам, и исповедовали

бы мы сейчас все учение пророка Мухаммеда.

Но этого не произошло, и в 988 году Владимир крестит Русь по греческому обряду. Именно этот год и считается годом крещения Руси.

А теперь дадим слово ангулемскому монаху Адемару Шабаннскому: «Святой же Бруно обратил к вере область Венгрию другую, которая зовется Русью... Но когда святой Бруно отправился к печенегам и принялся проповедовать там Христа, то пострадал от них... Спустя некоторое время на Русь прибыл один греческий епископ и обратил ту половину страны, которая еще оставалась предана идолам, и заставил их принять греческий обычай рашения бороды».

С этого момента на Руси и появились христианские греческие имена, а славянские имена какое-то время еще сохранялись именно благодаря первоначальному крещению по западным правилам. Если бы не греческие священники, то сегодня в России, возможно, преобладали бы настоящие славянские имена: Владиславы, Мстиславы, Ярославы...

Как видите, ситуация прояснилась: христианизация Руси началась при Ольге и велась западными миссионерами, а при Владимире процесс активно продолжался приглашенными им греческими священниками, которые и удержали нарождающееся христианство в их греческой вере. Католицизм потерпел поражение, последствия которого оказали глобальное значение на всю дальнейшую историю мира.

Князь Святослав погиб в Болгарии?

О болгарском походе князя Святослава, из которого он так и не вернулся, сохранилось сравнительно много свидетельств, но, несмотря на это, в данной истории много до сих пор непонятного и таинственного. По византийским

сообщениям, у русов было три вождя: первый — князь Святослав (по-гречески Сфендослав), вторым был Икмор, третьим — Сфенкел. Зато «Повесть временных лет» называет лишь князя Святослава и воеводу Свенельда.

Икмор и Сфенкел в 971 году погибли в битвах с ромеями, а Святослав, израненный стрелами, заключил мир с греками, ушел из Болгарии. Но до Киева так и не добрался: на обратном пути его подстерегли печенеги и убили. Из его черепа печенежский князь Куря сделал чашу. Свенельд же с остатками войска вернулся в Киев.

Загадка первая: вождь Икмор, о котором молчит русская летопись, кто он?

В 945 году послы князя Игоря, отца Святослава, заключали договор с греками. До нас дошел список «табели о рангах» того договора. Первым значился князь Игорь, вторым — князь Святослав (тогда еще младенец), третьей — княгиня Ольга, а вот четвертым — Игорь, племянник князя Игоря. Больше об этом племяннике информации нет. Можно лишь предположить, что в 945 году он был тоже мал, как и его двоюродный брат Святослав.

Иоанн Скилица, византийский автор, оставил нам сочинение, в котором есть описание событий балканского похода Святослава:

«Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, нападая на ромеев, и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж, по имени ИКМОР, который ПОСЛЕ ГИБЕЛИ СФАНГЕЛА пользовался у них наивеличайшим почетом».

По Льву Диакону, который в отличие от Скилицы был непосредственным свидетелем тех событий, Икмор считался первым после Святослава из предводителей русского войска. Итак, Икмор — второй человек в войске по главенству после Святослава.

Имя Икмор в летописях не встречается, и у наших историков тоже почему-то не в почете: можно прочесть не одну солидную научную книгу о времени Святослава, но этого имени и не встретить, хотя Сфенкел в опубликованных исследованиях встречается частенько. Может, поэтому и не обращают историки внимания на схо-

жесть имен Икмор в греческом варианте и ИГОРЬ в русском. Это, конечно, не князь Игорь Старый (отец Святослава), кстати, по-гречески названный Ингором, что весьма близко к Икмору. Но у него же был племянник — Игорь! Резонно предположить: не есть ли этот Икмор тот самый племянник Игорь, упоминаемый в договоре с греками? Вполне вероятно.

В вышеупомянутой войне принимал участие и Свенельд, в 971 году возглавивший войско, расположенное в болгарской столице Переяславце. Греки, внезапно окружив город, берут его штурмом. Здесь, по сообщениям греков, гибнет Сфенкел, которого ряд историков отождествляет со Свенельдом, а болгарский царь Борис попадает в плен к грекам. Но согласно русским летописям Свенельд остается жив. Кто же тогда погиб?

А вот еще одна загадка вышеупомянутого болгарского похода. Украинский историк XIX века Багалея весьма подробно изучал и сравнивал византийские и русские источники об этой военной кампании Святослава. По его мнению, они писали об одном и том же сражении под Доростолом, где согласно русской летописи во главе русов стоял Святослав, а по Льву Диакону — некий вождь, УБИТЫЙ в этом сражении. Но Святослав согласно «Повести временных лет» погиб позднее от рук печенегов на обратном пути в Киев.

Давайте подробно рассмотрим этот эпизод войны.

Итак, происходит несколько важных битв, сам Святослав, по словам Льва Диакона, «ИЗРАНЕННЫЙ стрелами, ПОТЕРЯВШИЙ МНОГО КРОВИ, едва не попал в плен». Русские идут на заключение мирного договора с греками: «Показался и Сфендослав (т. е. Святослав. — А. М.), приплывший по реке на скифской ладье; он СИДЕЛ НА ВЕСЛАХ И ГРЕБ вместе с его приближенными, НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЯСЬ ОТ НИХ... Одевание его БЫЛО БЕЛЫМ и отличалось от одежды его приближенных только ЧИСТОТОЙ. Сидя в ладье на скамье

для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал».

Израненный стрелами и потерявший много крови Святослав чудесным образом исцелился? Как иначе можно объяснить эти противоречивые описания, данные Львом Диаконом? Если Святослав был сильно изранен и потерял много крови, то как он мог грести наравне со всеми? Почему одежда его была белой и чистой? А где следы выступившей крови на повязках, которые ОБЯЗАТЕЛЬНО должны быть при таких ранениях и которые не мог не заметить Диакон?

Следовательно: или Святослав не был ранен, или в ладье был вовсе НЕ СВЯТОСЛАВ, А КТО-ТО ДРУГОЙ. Диакон раньше Святослава не видел и мог посчитать за него иного человека.

Так кто же был в лодке: Святослав или некий его двойник?

Свенельда сразу следует исключить: слишком стар. Мне думается, что после тяжелого ранения Святослава, а вероятней всего СМЕРТИ СВЯТОСЛАВА, всю полноту власти взял на себя Свенельд, который и заключил именем Святослава мирный договор, прислав на переговоры его двойника. Поэтому-то Свенельда и упоминает «Повесть временных лет», говоря о заключении мирного договора: «Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде...»

Представьте себе, что произошло, если бы Святослав погиб и об этом стало известно византийцам? Положение русских войск в этот момент было тяжелейшим: только что они потерпели поражение, многие погибли или получили тяжелые ранения, их покинули союзники. Наконец, они были окружены превосходящими греческими войсками и находились на чужой территории.

В такой ситуации после известия о гибели Святослава дух войск оказался бы полностью подорван, а византийцы ни за что бы не пошли на мирные переговоры, наоборот, сделали бы все, чтобы добить

русские войска. Вот что пишет С. М. Соловьев: «Святослав не принял вызова Цимисхия на поединок, конечно, не из трусости, но из того, чтоб не отделиться от дружины, не покинуть ее на жертву врагам в случае своей смерти». То есть, по Соловьеву, в случае гибели Святослава дружину ждало уничтожение. Таким образом, сокрытие факта гибели вождя и замена его двойником — единственно правильный ход верушки русов, в данном случае Свенельда.

О том, что на Руси существовала практика двойников, говорит, к примеру, ситуация, возникшая в ходе Куликовской битвы: князь Дмитрий Донской выставил вместо себя двойника, поменявшись с ним одеждой и доспехами...

Обратите внимание на сообщение Иоанна Скилицы: именно Святослав настоял на личной встрече с императором. Но насколько насущной она была в действительности? При описании встречи Святослава с византийским императором отмечено, что они перекинулись несколькими словами — и все. Сам мирный договор оформили послы. Для чего же нужна была русам эта встреча? С одной целью: показать грекам ЖИВОГО И ЗДОРОВОГО СВЯТОСЛАВА.

Впрочем, гибель Святослава в битве на Болгарской земле в 971 году — всего лишь моя гипотеза, а документы говорят только о его ранении. Давайте посмотрим, что же произошло дальше. Но прежде отметим, что, по мнению многих отечественных историков, рассказ о событиях войны русов с греками списан с болгарской хроники и лишь история зимовки Святослава на Белобережье и его гибели от печенегов принадлежит русскому летописцу...

Итак, остатки войск русов двинулись на родину. Дальше в нашей традиционной истории снова появляются странности и загадки. Святослав хочет возвращаться на ладьях по Днепру, но Свенельд сообщает ему о засаде печенегов. Святослав проявляет нерешительность и возвращается к устью Днепра. Здесь русов ждет голодная зима, а весной при попытке прорваться по

Днепру он погибает, а из его черепа печенежский князь Куря делает себе на память чашу. А что же Свенельд? «Свенельд пришел в Киев к Ярополку». Как это ему удалось, летопись не поясняет.

История с печенегом по имени Куря принадлежит перу русского летописца, в отличие от событий, описывающих балканский поход Святослава. И вот здесь мы натываемся на маленькую, практически незаметную деталь, которая сильно портит правдивость всей летописной истории гибели Святослава. Дело в том, что в 1096 году в летописях упомянут набег на Русь ПОЛОВЕЦКОГО (половецкого, а не печенежского) хана по имени Куря. А раз так, то есть большая вероятность того, что история с гибелью Святослава просто выдумана более поздним летописцем, который взял первое пришедшее ему на ум степное имя. В самом деле, трудно предположить наличие одинаковых имен у вождей печенегов и половцев.

Впрочем, и здесь не обошлось без плагиата из болгарской истории. В 811 году византийское войско выступило против болгар. Вначале ему сопутствовала удача, византийцам удалось взять и сжечь болгарскую столицу Плиску. Но затем болгары сделали ночью набег и убили императора Никифора в его шатре. Череп Никифора

болгарский хан Крум велел отделать золотом и превратить в чашу. Куря и Крум без огласовок — КР и КРМ. Не воспользовался ли русский летописец историей о чаше, сделанной из черепа византийского правителя? Только имя слегка подправил...

А теперь вернемся к С. М. Соловьеву и зададим вопросы, которые он ставит в своей «Истории России с древнейших времен».

1. Почему Святослав, который так мало был способен к страху, вдруг испугался печенегов и возвратился назад зимовать в Белобережье?

2. Если испугался в первый раз, то какую надежду имел к беспрепятственному возвращению позже, весной?

3. Почему он мог думать, что печенеги не будут сторожить его и в это время?

4. Если Святослав испугался печенегов, то почему не принял совета Свенельдова, который указывал ему обходный путь степью?

5. КАКИМ ОБРАЗОМ СПАСЯ СВЕНЕЛЬД?

На эти вопросы ни С. М. Соловьев, ни другие историки не дают вразумительных ответов. Между тем предложенная здесь гипотеза гибели Святослава дает ответ на все эти вопросы.

Первый в российской провинции

Ярославль — родина первого российского провинциального журнала «Уединенный пошехонец», выходившего с 1786 года на средства, выделяемые генерал-губернатором А. П. Мельгуновым. Всего было напечатано двадцать четыре номера, первый из которых увидел свет 225 лет назад.

Известный масонский писатель XVIII века сенатор Иван Лопухин в своих мемуарных записках, касаясь обстоятельств ареста в 1792 году крупнейшего деятеля российского масонского Просвещения Николая Новикова, повествует о том, как того после ареста везли из Москвы в Шлиссельбург «окольными дорогами»: «Приставу от князя Прозоровского предписано было с особливою опасностью проезжать Ярославль, потому-де, что в нем была некогда Масонская ложа и под покровительством бывшего там Генерал-губернатором Алексея Петровича Мельгунова, которого тогда и с ложей уже несколько лет на свете не было...». Записки были изданы А. Герценом и Н. Огаревым в 1860 году в Лондоне, и в них содержалось одно из первых свидетельств о существовании в Ярославле масонской ложи. Ярославское масонство XVIII века сыграло значительную роль в культурной жизни города. Органом этого кружка естественно считать и первый в российской провинции журнал — «Уединенный пошехонец» (1786).

Справедливо говорить о масонском Просвещении как об альтернативе рационалистическому и скептическому Просвещению французского образца в стиле Вольтера и Дидро. Поэт-масон А. Лабзин пишет: «Ложное Просвещение, пролившееся всюду, есть та река, которая стремится поглотить Истину, хотящую породить нам мужественное чадо и бегущую для того из градов в пустыни и степи». Характерен и полемический жест против вольтерьянства в «Уединенном пошехонце»: «Сократ, Марк Аврелий, Невтон, люди различных состояний и стран, признавали и возносили свои моления тому ж истинному и единому Богу. Невтон, при произношении Высочайшаго Существа имени, приклонял каждый раз со уничтожением голову: а по сему надобно уже быть во всеочечном ослеплении, иль иметь развращенное сердце; естли б кто не подражал оному» (статья «Твердь», январь). Масонство в контексте этой эпохи является антитезой и дополнением к скептической философии французских просветителей-энциклопедистов, к духовному релятивизму и упадку нравственности, принимавшим в русском обществе угрожающие размеры. По точному суждению А. В. Себеки, «русские масоны восстали против всеобщей деморализации общества».

Масонство как культурный феномен формируется в России в момент духовного разброда и кризиса церковной жизни — в качестве объединения стремящихся к высшей цели

людей на началах братской любви, взаимной поддержки и помощи. Русское масонство объединяло в момент своего расцвета людей, стремящихся к утверждению идеальных начал в бытии. Практическая сторона масонства — благотворительная и книгоиздательская деятельность, педагогика, организация университетов, пансионов, семинарий, ученых и литературных обществ, — просвещение России. Будучи врагами произвола и тирании, масоны стремились так организовать и воспитать общество, чтобы из него ушла всякая рознь, несправедливость, противоречия, нужда. Они мечтали о стране честных, добрых, верующих в Бога людей, объединившихся без всякого внешнего принуждения для счастливой возвышенной жизни.

Хорошо о масонах «новиковского» периода сказал А. С. Пушкин: «Мы ещё застали несколько стариков, принадлежащих к этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, к которому они принадлежали».

В деятельности наместника края с 1777 по 1788 годы Алексея Мельгунова государственная целесообразность органично сочетается с личной инициативой и идеалистически мотивированным энтузиазмом. В ретро-горизонте Мельгунов предстает незаурядной личностью, ярким представителем своей эпохи, ее духовных исканий и культурного синтеза. Это сподвижник Петра III и екатерининский вельможа, выдающийся администратор, приобщившийся к духу Просвещения и посвященный в ма-

сонские тайны. Он начальствует в Сухопутном шляхетном корпусе, способствует появлению указа о вольности дворянства, участвует в дворцовых интригах, терпит поражение, губернаторствует в Новороссии, становится министром — но всюду, где он оказывается, куда заносит его зигзаг судьбы, Мельгунов интересуется культурой, вопросами духа: заводит типографии и печатает книги (сначала

в кадетском корпусе, потом в Елизаветграде и Кременчуге, а затем и в Ярославле), театр, производит исторические разыскания (знаменитый «мельгуновский клад» из скифского захоронения, некие «зырянские бумаги»), вступает в общение с умнейшими людьми эпохи, переводит из французской Энциклопедии...

В своем наместничестве Мельгунов пытался реализовать масонскую мечту о гармоничном обществе. Вера, закон, милосердие — краеугольные камни мельгуновского правления. Осуществление власти имеет своей целью утверждение идеала масонского «рая» — общества всеобщего мира, справедливости и взаимной любви. В конкретных очертаниях мельгуновской деятельности власть реализовала себя не путем деспотического принуждения, а на основе европейской концепции просвещенного монархизма. Она опирается на идею согласия сословий, ведущего к общему благу. Он стремился исполнять роль просвещенного монарха-философа на троне.

Разумное и справедливое управление должно было привести к благоустроению края и нравственному просветлению общества...

В этот-то контекст и оказался включен замысел журнала. Первый русский провинциальный журнал «Уединенный пошехонец» —

орган *масонского Просвещения* — и реализует программные принципы направления (См. с. 195: Уединенный пошехонец. 1786. Из личной библиотеки Л. Н. Трефолева. ГЛМ). Тираж журнала едва ли превышал 300 экземпляров. Очевидно, он распространялся бесплатно или по подписке среди ярославского дворянства и купечества, а возможно, и шире. В 1787 году журнал был продолжен «Ежемесячным сочинением». Выход его был прерван болезнью и смертью Мельгунова.

Как таковой журнал вовсе не заслуживает той снисходительной оценки, которая с легкой руки Л. Трефолева стала в какое-то время практически повсеместной. Ярославский журнал, несомненно, является изданием не оппозиционным, но осознанно программным; утверждение, что литературные достоинства журнала малы, выглядят голословным приговором. К «Уединенному пошехонцу» уместно отнести глубокую характеристику, данную изданию подобного рода Г. А. Гуковским: не борьба, а учительство, вернее таинство на глазах публики — вот задача журнала. Журнал был нравственно-религиозным изданием с философским уклоном (читатели приглашались размышлять об основаниях своей веры). На его страницах последовательно излагается определенная социально-философская программа издателей. В ее основе — идеал духовного просвещения, совмещающийся с масонской заботой о социальном благоустройении, нравственном самосовершенствовании, с проповедью уединения и практикой размышления на возвышенные темы.

Редактором журнала выступил секретарь Ярославского приказа общественного призрения титулярный советник Василий Демьянович Санковский, фактический секретарь Мельгунова, имевший к тому времени, когда он взялся за свой труд, эпизодический журналистский и литературный опыт. Будучи студентом Московского университета, он усердно сотрудничал в журналах активно осваивавшего масонские мотивы поэта, директора университета Михаила Хераскова «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763) как переводчик, поэт и прозаик. Здесь

сложились и литературные вкусы, и убеждения Санковского; определился круг его друзей и единомышленников. В числе членов литературно-религиозного кружка Хераскова — И. Богданович, Д. Фонвизин, А. Ржевский, ярославец по происхождению В. Майков и др.

По окончании университета, в 1764 году, Санковский предпринял издание и собственного ежемесячного журнала «Доброе намерение», куда привлек своих товарищей из круга Хераскова. Между канцелярскими трудами он занимался литературой и позднее, переводил Овидия и Горация; возможно, участвовал в петербургском журнале Хераскова «Вечера».

Вероятно, Санковский был рекомендован Мельгунову общими знакомыми; по крайней мере, в Ярославле он оказался в одно время с наместником. Пожалуй, в городе в это время не было равных им по образованности. В ярославской главной народной школе Санковский «преподавал Закон Божий и историю российскую, а также всеобщую». Несомненна и верность его идеалам юности. Трудно усомниться в том, что Санковский принадлежал к мельгуновской ложе. И еще труднее, что журнал издавался без участия самого наместника, хотя документальных подтверждений этого и нет — кроме легендарного объяснения происхождения названия журнала тем, что Мельгунов якобы удалялся на три месяца в год с редактором, Санковским, для работы над изданием в «пошехонскую усадьбу» Суханово, где жил пустынником. Мельгуновская усадьба Суханово, однако, находится отнюдь не в пошехонских местах, а в Подмоскovie, южнее Москвы. В названии журнала скорее отразились идейные установки мельгуновского кружка, в котором уединение воспринималось как залог и условие духовного сосредоточения, медитации, молитвы.

Интерес же самого Мельгунова к литературным занятиям сложился, очевидно, уже в петербургском Сухопутном Шляхетном корпусе — этом аристократическом дворянском лице XVIII века. В корпус он вступил в 1837 году. В трогательных мемуарах С. Н. Глинки есть воспоминание о том, что в Сухопутном корпусе существовало Общество любителей рос-

сийской словесности. Воспитанники корпуса читали друг другу свои сочинения и переводы. На вечерах в Обществе слушали чужие и читали собственные переводы, оригинальные произведения и подражания, высказывали суждения, создавали и разрушали репутации. Для кадетов в корпусе имелась богатейшая библиотека: чтение трагедий Шекспира, комедий Мольера, книг Монтеня и Фонтенеля, поэтов античной древности Эзопа, Вергилия, Горация формировало творческие начала личности. В это созданное тогда юным кадетом, а впоследствии известным русским писателем Александром Сумароковым общество входил и Мельгунов.

Спустя годы, 16 декабря 1756 года, Мельгунов был назначен главным директором того ж самого корпуса. Здесь при его участии организуется типография и вскоре выходит первый номер журнала «Праздное время, в пользу употребленное».

Круг авторов ярославского издания исчерпывающе определить не так просто. Многие статьи печатались анонимно. В переводных сочинениях не указаны ни их авторы, ни источники, откуда извлечены сочинения, ни имена переводчиков. Как определила Н. Д. Кочеткова, в «Пошехонце» опубликованы переводы из книги французского просветителя Луи Себастьяна Мерсье «Мой спальный колпак» (отобраны философско-нравоучительные статьи «Твердь», «Шар земной», «Страх божий», «Последний суд», «Действие сна», «Хозяйство», «Сон. Фортуна и слава», «Благополучие», «Странноприимство», элегическое «Письмо Овидия, писанное им в заточении своем к приятелю», а также две главы сатирического характера: «Подушка» и «Баснь»). Разыскания показали, что в журнале (а также в продолжающих его «Ежемесячных сочинениях») опубликованы в переводах произведения Цицерона, английского поэта-просветителя Александра Поупа («Христианин, торжествующий при смерти»), французского поэта, академика Жана-Франсуа де Сен-Ламбера, швейцарского естествоиспытателя и философа Шарля Бонне, «Рыбаки» Феокрита, «Похвальное слово Леону Великому, папе, от Эразма Роттердамского».

В журнале (май) напечатан и оригинальный перевод написанной по-латыни элегии духовного писателя и эрудита, сначала панегириста, а потом критика Петра I, митрополита Рязанского и Муромского, местоблюстителя патриаршего престола и президента Синода Стефана Яворского — «Стихи, писанные перед смертью митрополитом Рязанским Стефаном Яворским к библиотеке своей».

Среди местных авторов, чьи имена известны, — Василий Санковский и его сын Николай, учитель ярославской семинарии и ярославского главного народного училища М. В. Розин (физик и математик), вологодский учитель И. Ф. Фортунатов, семинарист В. Васильевский, архиепископ Арсений Верещагин (он же — духовный цензор издания).

Создатели журнала пытались преподнести читателю на его страницах некий общий образ мироздания. Это мир, в котором человек соотношен прежде всего с вечностью, с Богом. Мир, где реалии повседневности, социальные и культурные вопросы, историко-краеведческие сюжеты и т. д., и т. п. — включены в глобальный христианско-мистериальный контекст, от сотворения мира до Страшного Суда.

Стремление внести общий порядок в бытие проявляется в усилиях по его классификации, упорядочению. Характерна, к примеру, подписанная Н. С. (Николай Санковский?) мартовская статья «Система легчайшей философии», в которой дается связное толкование природы человека в его способностях и возможностях, исходя из принципа богоподобия (в разуме).

Моральный аспект в журнале выступает как едва ли не главный. Правильная жизнь, верное поведение — важнейший вопрос, на который дается ответ. Ежемесячный журнал рассматривался как средство духовного влияния, воспитания читающей публики. Об этом свидетельствует давно замеченное обилие статей на темы воспитания и кратких нравственных наставлений и рассуждений (о дружбе, воле, самолюбии и проч.), а иногда наблюдение нравов. К примеру, в февральском номере в статье «Богатая одежда» мы находим характерное рассуждение: «Благоразумной человек довольствуется простою одеждою; только б оная

подложена была добродетелию. Он уверен, что таковой наряд наиболее приличествует непорочности нравов, означая доброе расположение ума и сердца. Напротив неумеренная роскошь есть знак слабья души, которая не в состоянии занять себя достойнейшим предметом, обращает все свое внимание к самым маловажным вещам, прибегает к лавке торгашей и посредством многого числа денег мнит обратить на себя взоры простаго народа, но вместо того выменивает презрение от благоразумных». При обращении к иностранной литературе ярославского переводчика привлекают сочинения и главы в первую очередь «философско-нравоучительного содержания». Возможно, к таким переводным работам относится, например, «Письмо некоего сельского Священника к Милорду» в январском номере: «Из всех повреждений сердца, по мнению моему, нет правосудительнее для человека, как сделать себе из игры единственное упражнение. Сколько б свет ни был развратен, однако не видно еще примера, чтоб страстный игрок когда-нибудь мог быть во всеобщем почтении: по крайней мере я не знаю, как ныне об оном рассуждают. Надобно, чтоб все вещи уже приняли на себя другой вид после тех пор, как я был в последний раз в городе».

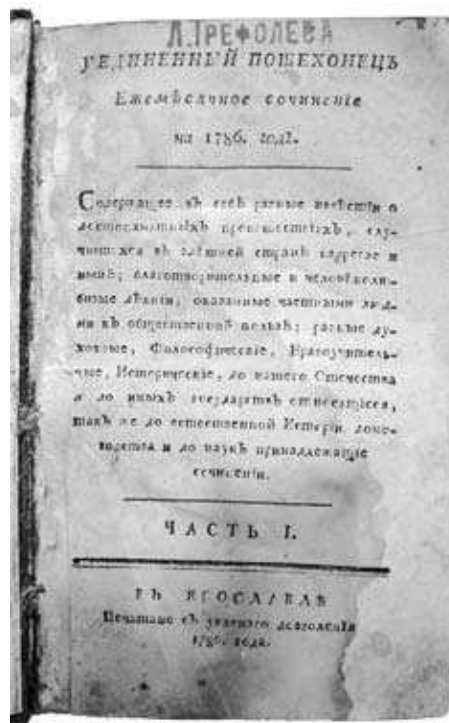
Простыми советами и рекомендациями дело вовсе не кончается. Наставление «Посехонца» вписывается в глобальный религиозный контекст и связывается с эсхатологическими мотивами (скажем, в мартовской оде «Последний суд» или там же, в мартовском номере, в покаянном «Письме герцога Д. при смерти, писанном к Ф., другу своему», где в устах автора блеск и роскошь здешней жизни теряют цену в преддверии смерти и Суда).

Философические размышления авторов журнала исходят из барочного в основе своей чувства сокровенной тайны, загадочности мироздания. В извлеченной у Мерсье статье «Шар земной» (январь) читаем: «Разсуждая о шествии вообще вселенныя, помрачается даже и мысль наша. Она в скором и безпредельном своем течении приводит в ничтожество государства, расхищает принятыя мнения и системы, раз-

зоряет деянии и применяет наружные виды; и в то самое время, когда течение природы нам кажется быть равным, шествие оной, измеряющееся вечностию, не позволяет более различать ни времени, ни мест». Есть и тайна предопределения, есть свойственное культуре барокко представление о великом театре мироздания, о чем сказано в статье «Всеобщая комедия» (февраль). «Свет наш есть театр, люди в нем суть актеры, случаи сочиняют Пиесы, фортуна раздает роли; Богословы, созерцая порядок действующих в сем театре машин, показывают всем чудныя оных движения; а

Философы суть проницательные зрители всех видимых явлений. Богатые откупили все ложи, великомощные Амфитеатр; а для бедных и несчастливых достались задняя лавки партера. В нем женщины стараются всякому в больших стаканах подносить напиток прелести и гонение фортуны снимает с свечь. Там глупость составляет Консерты, время поднимает завесу, Пиеса играется там чаще, называемая: *Мир желает подвержен быть обману; то пусть обманывается*».

Загадочен и человек. Душа его полна противоречий. Им владеют неясные силы, страсти и влечения сердца. Статей об этом в журнале немало (например, только в феврале: «Действие сна», «Страсти причиною наших заблуждений», «Сила любовныя страсти»). Масонский

интерес к этой таинственной, богатой, внутренне свободной душе человека предполагает опыты самопознания. Журнал обращает читателя к анализу нравственного опыта, к интроспекции, предлагает искать истину в душе, а не во внешнем мире. Уже в первых строках первого номера мы находим характерное на сей счет суждение: «...истина есть превечное правило и внутреннее светило, везде в нас присутствующее».

Самая главная работа человека — работа самосознания и самосовершенствования. В статье «Страх Божий» (февраль) этот взгляд получает форму апологии человека как существа разумного и сознающего мир и себя: «О человек! помысли, что глава твоя стократ более удивительна, нежели блистающее солнце, кое себя не знает, а ты оно понимать и рассуждать о нем можешь. Оно освещает вселенную огнем вещественным; но ты имеешь право быть причислен к вышшему чину природы. Звезды суть ничто иное, как нечувственные со всем орудии; тебе ж дозволено проразумевать их пружины, коими действует природа; ты знаешь учреждать собою в определенном тебе месте, чувствовать независимость своих мыслей и невольничество твоей плоти; ты ощущаешь свои силы и слабости. Словом: тебе известно, к какому чину ты помещен во всеобщем устройении мира». Человек призван бодрствовать и трудиться над собой, призван к самовоспитанию: «Пусть засыпает зверь, определенной к единому пресмыканию и к доставлению себе пищи: но человек может ли сказать: я терплю скуку и не знаю, чем себя занять. Весьма странна сия жалоба в устах существа разумного» («Шар земной», январь).

Самосознание, по логике авторов журнала, имеет и моральный вектор: «Погася огонь и положи главу на подушку, входим в рассмотрение внутренности нашей души. Глава, которая возмыслила о каком-нибудь злом намерении, кажется тернием покрыта, и Гагайчатой самой мягкой пух жесчеет под безпокойною главою злодея» («Подушка», февраль).

Это воспитание духовно развитой, душевно богатой и щедрой личности в процессе упор-

ного и напряженного переживания и осмысления проблем собственного существования. Авторы журнала предполагают, что только духовное бодрствование, моральное самоусовершенствование делают человека *человеком*. Без этого ни происхождение, ни богатство, ни имя не дают такого статуса. «Исследование наших деяний, зделанное со вниманием и безпристрастием, есть неоспоримо нам нужно, для утверждения или обращения себя на путь добродетели: и для сего то советуют нам весьма убедительно оное Толкователи Слова Божия, под именем *Испытания совести*, так как первый шаг к раскаянию. Наблюдение сего толико для нас нужно, что без того были бы мы вечными младенцами в жизни, готовыми всегда быть обольщены теми же приманками, ослеплены теми же мечтами» («Уединение», август).

Призывы к осознанию своего общественного долга и к деятельному участию в жизни сменяются в журнале меланхолическими размышлениями об изменчивости и непостоянстве в мире, который «желает подвержен быть обману»; о бренности живущего, о скоротечности человеческой жизни. «Летит быстротекуще время, / Неся на крылах тварей бремя, / И в двери вечности входя, / Все в море оной погружает, / От зрака смертных удаляет, / Ко храму Вечного паря» («Ода на Новый 1786 Год», январь).

Человеку приличествует «жизнь смешенная с злостью», которая научает его «познавать самого себя и изыскивать в себе способы к поправлению» — и в это же время личности, не понимаемой обществом или чуждой социальному злу и рутине, достойно блюсти себя независимо от обстоятельств. Авторы журнала ведут критику города, света («Там ложь, иль хитросплетенные противу ближнего замыслы составляют тайно их ков. Здесь раззорительная игра, распутство и всякаго роду расточении опровергают основание целых домов и несчастное семейство ведут путями отчаяния, кое не умедлит низринуть их в бездну гибели. Тщетно стирают они руки к небесам, ставши позором и уничтожением пред глазами человеков» («Деревня», январь). Человек обречен на терзания и печали: «Сре-

ди забав, среди сладчайших утех / Тревожат наш покой нечаянны помехи, / К вздыханью нашему премного в свете средств / Болезней, беспокойств, досад, смущений, бедств...» (стихотворение В. Санковского «Ох», сентябрь).

В духе масонских рецептов самосовершенствования человека понимается как процесс углубленной внутренней работы, протекающей в уединении. Ради этого не грех уйти из общества в пустыни и дебри, к тем близким людям, которые способны к благодарности и любви. Вот откуда апология жизни вне города, удаления в пустынную «Пошехонию», бегства «из печальных жилищ гордости и невольничества, градов великолепных, где пресмыкающийся порок толь часто под образом смиренных добродетели себя являет». Журнал хвалит вольную и невинную сельскую жизнь, где нет лицемерия, коварства, обманчивых фетишей и лжи света, где уходит суетное и где совесть не страдает от измен.

В мире природы если и не раскрывается образ Бога, то даются ключи к Его познанию. «Сии все прекрасныя явления, все чудеса, все таинственныя природы начертания не сильны ли и мое сердце убедить к живому познанию непостижимаго величества Божия?» («Размышление Спокойнаго поселянина, торжествующаго посреди роскошествующия весною природы», апрель).

Авторы журнала предлагают отрешиться от светской суеты и в мирном уединении искать покоя и гармонии в общении с природой, вдали от городов, в сосредоточенном труде на земле, в размышлениях и занятиях науками. «Я оставляю вас, печальныя жилища гордости и невольничества, грады великолепныя, где пресмыкающийся порок толь часто под образом смиренных добродетели себя являет, где злато заменяет все драгоценныя чувствованию природы под блистательною безумия наружностью. Я паки узреваю тебя, любезная деревня, приятное убежище щастия и невинности. Свободен став от оков света, начинаю в тебе дышать сладчайшим воздухом вольности. Мысли мои разпространяются подобно обширному горизонту, коего пределы уходят от зре-

ния. Некое тайное удовольствие объемлет все мои чувства. Приближаюсь к познанию своего щастия, вступая в вожденный свой шалаш. Спешу исполнить предопределение природы. Умеренные труды будут довольствованием моих нужд. Сад, возделанныя поля, стада скотов представляют изобильныя выгоды для печности моей, находя себя вне опасности от поражающих стрел ненавистнаго злословия и вредоносной клеветы» («Деревня», январь).

Почти в тех же выражениях тема изложена в замечательной статье «Уединение» (февраль): «Счастлив тот, кто, доволен будучи природным своим воздухом, ограничивает желании свои и попечении на нескольких десятинах земли, которую получил в наследие от своих предков.

Стада снабжают его молоком, поля хлебом, овечья кожа платьем, летом деревья его производят тень, а зимою огонь.

Не зная беспокойства, имеет он тело здоровое, соединенное со спокойною душою, и чувствует протекающие приятно свои часы, дни и годы.

Размышление и наука, перемешанные покоем, умеренные труды; но более всего неповинность делают ему во всякую ночь спокойной сон.

Хотел бы я жить так, не знаем и не ведом, хотел бы я умереть так, не оплакан, и чтоб после побегу моего из сего света ни один камень не говорил: *он здесь лежит*».

Идеальная личность в журнальном описании — это человек, застигнутый историческими испытаниями, который отнюдь не отказывается от просветительского оптимизма, но все чаще поверяет его логикой стоического долженствования «вопреки всему» — и душевно эмигрирует из несправедливого и вероломного общества в круг друзей, подобных, по суждению автора «Письма герцога Д...» в мартовском номере, «великодушному Ф... которой есть другой я», в братство масонской ложи и на лоно всепримирающей природы.

Евгений ЕРМОЛИН,
член Союза российских писателей,
академик Академии русской современной
словесности

Неизвестный рассказ Леонида Трефолева

Казалось бы, такие фигуры нашего общественного и исторического достояния, какой был и остается для Ярославля и всего Ярославского края поэт, журналист, историк Леонид Николаевич Трефолев (1839—1905), уже давно должны были не оставить исследователю и надежды отыскать о них что-то новое — узнать еще неизнанное, открыть неизвестное. Впрочем, опыт архивиста и источниковеда меня, к счастью, постоянно убеждает, что на этом пути могут являться удивительные открытия. Вот и сегодня, в начале XXI века, Леонид Николаевич преподносит нам сюрприз — открывает еще одну неизвестную страничку своего творчества.

В конце 1990-х годов мне посчастливилось привезти из Москвы в Ярославль архив известного советского историка, профессора МГУ Сергея Сергеевича Дмитриева (1906—1991). Вернее сказать, в предоставленной части личного архива сохранилось то, что имело непосредственное отношение к нашему городу — малой родине видного ученого. И все это Игорь Сергеевич, сын и наследник историка, счел возможным и необходимым передать на вечное хранение в Государственный архив Ярославской области.

Какие жемчужины удалось обнаружить среди почтенных бумаг этого во всех смыс-

лах любопытнейшего архива! Ярославцам, любящим и интересующимся историей своего родного города, уже трудно представить нашу местную историческую литературу без воспоминаний отца историка — Сергея Васильевича Дмитриева (1875—1949), редкостного мемуарного источника о жизни Ярославля на рубеже XIX—XX веков. Особый дар мемуариста позволил увидеть и подметить частное, зафиксировать «вкусные» детали ушедшей повседневности, показать выразительный срез быта провинциального общества, купеческо-мещанской среды, выстроить целую панораму персонажей и типов «патриархальной» городской жизни накануне мощных социальных потрясений и перемен. Впервые опубликованные в Ярославле десять лет назад (Дмитриев С. В. Воспоминания / вступ. ст. и коммент. Я. Е. Смирнова; подгот. текста А. М. Рутмана. Ярославль: Александр Рутман, 1999. 392 с.), эти мемуары стали дороги не только ярославцам, с интересом изучающим и с удивлением открывающим исчезнувший «текст города». Заметен интерес к воспоминаниям и со стороны профессиональных историков, в том числе зарубежных. В одной из рецензий, опубликованной в немецком научном историческом журнале, книга ярославских мемуаров была названа подлинным открытием, уникальным документальным источником в историческом контексте провинциальной России.

Ах, сколько еще удивительных открытий скрывает щедрый дмитриевский архив! Но одно из них — уже перед вами, дорогой читатель! Подлинная рукопись Л. Н. Трефолева «Рассказ о том, как даниловцы по канату ходили. (Исторический анекдот)» была обнаружена в архиве профессора Дмитриева.

Читатель непосвященный, пожалуй, удивится такой оказии: каким образом столичный ученый стал обладателем раритетной рукописи провинциального литератора? Ответить на этот вопрос довольно просто. Будучи еще молодым человеком, Сергей Дмитриев с большим энтузиазмом участвовал в краеведческом процессе 1920-х годов (кстати сказать, не без судьбоносного влияния замечательного «ярославского старожилла», архивариуса Илариона Тихомирова, которого молодой ученый, в свою очередь, почитал своим учителем), и темой его первых исследовательских штудий являлось творчество Л. Н. Трефолева.

Бывая в доме у потомков Леонида Николаевича, начинающий краевед знакомился с сохранившейся его перепиской с редакторами исторических журналов — историками Петром Бартеневым, Михаилом Семевским, Сергеем Шубинским. Значительную часть этих «эпистолий» Дмитриев смог тогда же опубликовать. В те времена в семейных архивах многих ярославцев можно было отыскать интереснейшие документальные свидетельства о безвозвратно канувшей «дореволюционной» эпохе. Не редкостью были и рукописи знаменитого поэта-демократа, историка — рядового служащего губернского земства. Их-то и собирал, спасая от возможной утраты, краевед-археограф. В 1929 году Сергей Дмитриев покинул Ярославль, и с тех пор его

судьба была связана со столицей. Всю свою жизнь ученый, плодотворно занимавшийся изучением истории культуры и общественного сознания России XIX столетия, бережно хранил многие ярославские материалы, в том числе и эту порядком обветшавшую от давности времени трефолевскую рукопись.

В публикуемом рассказе о «даниловцах-самоварниках» читатель с легкостью узнает литературное перо Трефолева — живое, бегущее скороговоркой и всегда ироничное, с эдакой хитрецей подтрунивающее над стариной. Публицистическая заостренность «старинных» рассказов зачастую оказывалась для писателя-историка формой и способом намекнуть на «вопиющую» современность. Вообще жанр исторического анекдота был для Леонида Николаевича любимым, ходким, он частенько и факты в архивных документах выглядывал соответствующие — курьезные, смеху подобные. А это уж, как говорится, свойство натуры, личности человека, что сполна отразилось в

литературном наследстве нашего даровитого сочинителя. И вновь открытый рассказ о даниловцах — тому не исключение.

Была ли предлагаемая вашему вниманию миниатюра когда-либо опубликована самим автором? Однозначный ответ дать сложно. Во всяком случае ни в одной библиографии Л. Н. Трефолева эта публикация не значится. Нет ее и в списке из 101 статьи его собственных и других ярославских «старинариев», который он еще в 1876 году предъявлял редактору «Исторического вестника» Шубинскому в виду предполагавшегося тогда ими обоими к выпуску сборника «Ярославская старина» (замечу, самого раннего в историографическом ряду с таким названием).

Впрочем, уже из первых строк ярославского «исторического анекдота» становится понятно, что обращен он был к вполне определенному читателю — «россиянину, который на нижегородскую ярмарку прибыл». Очевидно, здесь и кроется разгадка этого неизвестного (или забытого?) трефоловского произведения. В 1880-х годах литератор активно сотрудничал с печатным изданием знаменитого всероссийского торжища — «Нижегородской почтой» и не раз просил своего друга, ростовского купца Андрея Титова, быть посредником и ходатаем за него в редакции этой газеты... «ради презренных четвертаков».

Так это или нет и верна ли моя догадка, — ответить поможет только специальное ис-

следование, проведенное на основе изучения документов архивных и библиотечных хранилищ. Однако независимо от ее доказанности мы счастливы вновь прикоснуться к творческому наследию одного из самых ярких ярославских краеведов XIX — начала XX века через обретение его подлинной рукописи. Для архивиста и исследователя прошлого, пожалуй, ничто не может сравниться с волнующим обаянием «живого» исторического документа.

Ярослав СМИРНОВ,
заведующий отделом Государственного
архива Ярославской области,
главный редактор журнала
«Ярославская старина»

Леонид ТРЕФОЛЕВ

Рассказ о том, как даниловцы по канату ходили

Исторический анекдот

Полагаем, что каждому благовоспитанному россиянину, который на нижегородскую ярмарку прибыл, известны следующие исторические факты: пошехонцы-слепороды в трех соснах заблудились; любимцы-бахвалы козу пряником кормили, а сами без портов ходили; романовцы-луковники барана в люльке качали, его «батушкой-баринном» величали; угличане состряпали колбасу, да и та не понравилась голодному псу; мологжане построили 500 кабаков на 500 дураков: по сколько на брата приходится? Ростовцы в своем озере глубоком топились, утонуть не могли: воды не хватило.

Все сии исторические факты, повторяем, общеизвестны и не подлежат ни малейшему сомнению. Но мы думаем, что, несмотря на процветание отечественной истории, от внимания ее ускользнул замечательный факт, случившийся, как и все вышеупомянутые события, в той же Ярославской губернии, именно — тот факт, что даниловцы-самоварники по канату ходили. Это было в 1841 году при следующих обстоятельствах, достоверность которых мы не затрудняемся подкрепить нашей подписью. Nonni soit qui mal у pense...¹

¹ Да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (фр.) — девиз английского рыцарского Ордена подвязки. — Я. С.

В мае означенного года император Николай I изволил следовать из Ярославля в Вологду и далее на север — в Архангельск. Путь лежал чрез город Данилов. Там, вместе с уездом, власть олицетворялась в особах земского исправника Пазухина и городничего Балаболкина. Последний был старый кавказский служака времен Ермолова. Благодарные даниловцы верили, что в целом мире нет человека храбрее Фрола Терентьевича Балаболкина: так гармонически назывался сей герой! Равным образом даниловцы не сомневались и в блестящих умственных способностях исправника, Михаила Павловича Пазухина, и пребывали в сем приятном заблуждении до воследования над ним строгой, но вполне справедливой высочайшей конфирмации.

Осведомившись о предстоящем счастье видеть государя, даниловцы толпами стекались на большую дорогу. Бабы и девки устилали между березовыми аллеями «царский путь» холстами, новинами и полотнами. Все радовались, что государевы лошади затопчут их, — тем лучше: «царский знак» останется! Но невинных даниловских патриотов вскоре постигло горькое разочарование. Прискакал на границу уезда, в деревню Усолкино, земский исправник и глубокомысленно спросил баб и дев юных и неопытных:

— А что это такое по дороге белеется? Ась?

— А это наши полотна на царском пути белеются! — воскликнули невинные патриотки, думая, что сия жертва будет угодна царю.

Запыхтел Пазухин, ибо (по свидетельству туземных историков) весьма тучен был, так что «под тяжестью его тела неоднократно рессоры в экипажах ломались»; запыхтевши, спросил:

— А кто тот злоумышленник, который вам сие дело присоветовал? Ась? И какими законами Российской империи вы руководствовались?

Бабы и девки смиренно покаялись, что они доподлинно виноваты: не испросили надлежащего разрешения у начальства; согрешили же без всякого подговору, неумышленно, по усердию, думая, что тут ничего такого, что законами Российской империи воспрещается, отнюдь не содержится; если же, паче чаяния, оные законы повелевают убрать новины и полотна с дороги, то они уберут их беспрекословно, обязуясь впредь ничего подобного себе не дозволять. Мы отказываемся утверждать, что именно так, буквально так выражались даниловские патриотки; но не удалимся от истины, заметив, что они дали исправнику «подписку» в этом смысле.

— Убрать! — живо решил Пазухин. — Поедут государевы лошади, увидят на дороге белые полотна, примут их за чрезвычайное, сверхъестественное явление — за белый снег в мае месяце, и испугаются, и понесут, и опрокинут государеву коляску; а он, как недавно в Чембарском уезде случилось, изволит вывихнуть себе ручку... Кто тогда отвечать будет? Ась? Убрать, такие-сякие!

Убрали. Царская дорога сделалась опять черною. Помчавшись далее, исправник увидел в селе Архангельском на реке Касти несметную толпу мужиков, стоявших на горе, и спросил:

— Вы зачем здесь шумите, с-ны дети? Ась?

— Да вот, ваше благородие Михайло Павлович, ждем не дождемся царя-батюшку. Кафтанишки и зипунишки на дорогу стелем, чтобы, значит, по ним царские лошадки покатались...

— А кто сей злоумышленник? — и т. д.

Последовала вновь ссылка на печальный случай в Чембарском уезде: «Государевы лошади испугаются, увидя ваши рыжие и седые бороды... понесут, опрокинут коляску... Я же буду в ответе... Кафтанишки убрать! Живо! На дорогу не выступать! Оцепить ее канатом и ходить за канатом!»

Сказано — сделано. Означенное мудрое распоряжение было объявлено заблаговременно, т. е. часов за 10 до царского поезда, почему и канатов и веревок оказалось достаточное количество. Оцепив таким образом дорогу, Пазухин еще, кстати, распорядился:

— Чтоб лошади не испугались, «ура» не кричать: стоять и молчать!

Так и было. Народ стоял за канатом и, по многозначительному выражению Пушкина, «безмолвствовал». Молчание это удивило императора Николая. Он привык видеть и слышать народные шумные, восторженные встречи... И вдруг здесь, в каком-то захолустном Даниловском уезде, нет народного голоса! Людей видимо-невидимо, но все молчат, стоят «по ранжиру», не приближаются к нему, не приветствуют его громким «ура»!

В деревне Грабежеве, видя то же странное явление, император приказал остановить лошадей. Сопровождавший его шеф жандармов, граф Александр Христофорович Бенкендорф, закричал:

— Исправник! К государю, сюда!

Но исправника не оказалось: он умчался далее, полагая, что долг службы требует встретить августейшего путешественника у городской заставы, а затем верноподданнейше рапортовать о благополучном состоянии уезда.

Вместо исправника к императору подошел дряхлый, седой старик на костыле, в солдатской амуниции:

— Здравия желаем Вашему императорскому величеству!

— Ты, старина, знаешь меня?

— Младенцем видал, воротясь из швейцарского похода, с князем Суворовым, значит, при государе Павле Петровиче...

— Молодец, старина! Спасибо за память. — Государь дал ему «на погребение» 50 рублей. — Ну, а не знаешь ли ты, почему здесь от меня народ сторонится?

— По канату, Ваше императорское величество!

— Как так, по канату?

— Исправник распоряжение мужикам отдал, чтобы они по канату ходили, подальше от тебя, государь...

— Ах, он... дурак! Вели разорвать канат! Ко мне, дети!

Последовала трогательная сцена, которую описывать не беремся. Императорский поезд отправился далее. У городской заставы государь остановился и закричал:

— Исправник! Где ты?

— Здесь, Ваше императорское величество. Имею счастье всеподданнейше рапортовать: в Даниловском уезде все обстоит благополучно!

— Ты устроил канат? Для чего?

— Для пользы службы, Ваше императорское величество!

— Как тебя зовут?

— Михаил Павлов сын Пазухин, Ваше императорское величество!

— Бенкендорф, запиши имя этого дурака. Следует знать всех на Руси: и умников, и таких молодцов, как он. А тебе, Пазухин, объявляю всенародно, что ты — дурак...

— Слушаю, Ваше императорское величество!

— Может быть, ты устроил канаты и дальше?

— Вплоть до границы Любимского уезда, Ваше императорское величество!

— Хорошо. Скажи туда и везде уничтожь канаты. Я не хочу, чтоб мой народ — мои дети — ходили по канату. А потом, не показываясь мне на глаза, отправься в Ярославль, явись к губернатору и доложи, что ты арестован мною на гауптвахте, как дурак, на целую неделю. Доложи еще Полторацкому (губернатору), что я сожалею о ярославском дворянстве, избирающем подобных тебе дураков... Понял?

— Имел счастье понять, Ваше императорское величество!

Исправник полетел исполнять высочайшую волю, и государь приказал городничему ехать вперед; но ему было оттрапортовано, что он, городничий, не дерзает опередить августейшего монарха.

— Ты, должно быть, тоже из «умников»? — улыбнулся государь.

— Не могу знать, Ваше императорское величество!

— Императорским словом приказываю тебе ехать впереди моего экипажа и показать кучеру моему приготовленный для меня дом. Марш!

Кавказский герой повиновался, но в дверях учинил ретираду и на приказание государя показать ему комнаты вновь отозвался невозможностью идти впереди обожаемого монарха, имея только чин подполковника. Государю показалась эта отговорка очень забавною, и он спросил:

— Ты где служил, подполковник?

— На Кавказе, Ваше императорское величество!

— На чеченские аулы ходил штурмом?

— Сколько раз, Ваше императорское величество!

— А покажи мне, как ты ходил. Представь себе, что это аул в горах. Марш! Вперед, храбрее!

Городничий изобразил собою штурмующее войско и хотя в дверях несколько и струхнул, но, сделав полуоборот направо, вступил бочком во «дворец» и доложил:

— Аул взят, государь!

— Молодец! Как твоя фамилия?

Следует заметить, что городничий имел слабость даже в официальной переписке величать себя сполна, а потому и на сей раз отрекомендовался «Фролом Терентьевичем Балаболкиным». Государь и Бенкендорф захохотали.

— Как? Как? Повтори!

— Фрол Терентьев Балаболкин, Ваше императорское величество!

— Бенкендорф, запиши! Прощай, Фрол Терентьевич Балаболкин!

Засим Николай I отправился, после краткого отдохновения, в дальнейший путь, милостиво дав поцеловать свою державную руку кавказскому герою. Сей же последний, находясь однажды в компании с Пазухиным и Некрасовым (отцом поэта), который служил земским исправником Ярославского уезда, примирил их. Некрасов обозвал Пазухина «дураком». Оскорбленный вознамерился жаловаться уездному суду; но Ф. Т. Балаболкин, как благородный свидетель, сослался на «высочайшую конфирмацию», учиненную в 1841 году, — почему М. П. Пазухин и не дерзнул жаловаться ни уездному суду, ни ярославской уголовной палате, где, достигнув маститой старости, он доблестно служил дворянским заседателем.

Николай ПАЙКОВ

Когда заходит разговор о вкладе Николая Николаевича Пайкова (1951—2010) в науку, в первую очередь все говорят о Пайкове-некрасоведе. Конечно, Некрасов — центр научных интересов филолога Пайкова, но при этом само некрасоведение было для него безграничным, потому что включало в себя и поэтику некрасовских поэзии и прозы, и биографические исследования, краеведение, и Некрасова как творческую личность, и литературный процесс второй половины XIX века, но кроме всего этого Некрасов для Пайкова — средоточие русского национального характера, поэт, давший

России голос особый, свой, отчетливый, полный задушевной мысли.

Впрочем, как исследователь Пайков никогда не ограничивал себя; не было явления в культуре, на которое он не обращал бы внимания. Так в круг его интересов вошла древняя — античная — литература, которая была одним из его любимых периодов, так вошла русская литература XX века и современный литературный процесс. Обладая широчайшими знаниями в области истории литературы, он много занимался литературным процессом и исторической поэтикой. Много времени посвящал теории и практике филологического анализа и интерпретации текста, которые считал основой филологии. Через них, наверное, он пришел и к теории литературы, что отразилось в тематике его последних научных статей, посвященных исследованию творческой индивидуальности, художественного мира, литературного процесса, нарратологии — в каждой из этих областей Пайков сказал свое оригинальное слово. И все же была заветная область, о которой Николай Николаевич лишь обмолвливался, то сокровенное, что объединяет все, о чем сказано выше, — загадка человеческого сознания. Недаром в свои научные интересы он всегда вписывал: философия...

Интересовался Н. Н. Пайков и Лермонтовым, и Тютчевым. Но вторым по-настоящему важным поэтом для него стал Константин Васильев. Недаром Н. Н. Пайковым, заместителем председателя Комиссии по литературному наследию К. В. Васильева, так много сил было вложено в Васильевские чтения, которые во многом благодаря энтузиазму и огромной эрудиции Николая Николаевича превратились из местечкового события в научную конференцию, а «Голоса русской провинции» зазвучали на всероссийском уровне.

Известные ученые, писатели, литераторы, студенты и аспиранты вузов Москвы и Ярославля делятся на Васильевских чтениях своими размышлениями, посвященными как личности и творчеству Константина Васильева, так и актуальным вопросам регионального литературного процесса. Так, в центре исследований литературоведов и литературных критиков не раз оказывалось творчество прозаиков и поэтов Ярославской области: В. А. Замыслова, А. В. Конопина, Г. В. Кемоклидзе, А. Гаврилова, А. М. Калинина, В. Ю. Перцева, Л. Н. Советникова, Л. Н. Новиковой, С. Лукина и др., а также творческой молодежи.

В первом номере журнала мы публикуем статью Н. Н. Пайкова, посвященную анализу романа Герберта Кемоклидзе.

Событие и характеры в романе Г. В. Кемоклидзе «Салин»

Оригинальный роман, написанный ярославским писателем, — событие нерядовое. И вовсе не потому, что в нашем в регионе писание романов такая уж экзотика. Стоит вспомнить военную, биографическую, лагерную прозу Александра Конопина, романы-эссе Валерия Есенкова, «деревенщические» романы Юрия Бородкина, исторические Виктора Московкина. И этот ряд легко продолжить. Дело в другом. Писателю в провинции, особенно решающему обратиться к крупной литературной форме, трудно бывает избежать в той или иной степени повторения открытий большой классической и современной литературы. Если же «уроки» классики романисту, не причисленному к «большой» литературе, удастся переплавить в нечто своеобычное — это удача.

Думается, с такого рода удачей мы имеем дело в романе ярославского прозаика Г. В. Кемоклидзе. Его роман «Салин» предстает как жанрово-тематически многослойная и дискретная по способу подачи материала литературная конструкция. Ее событийно-персонажную основу составляют две практически независимые друг от друга истории: повесть о демобилизованном воине-интернационалисте, вернувшемся из Афганистана со страшным

травматическим опытом, сломанной психикой и отсутствием жизненных ориентиров, и повесть о становлении революционера, последовательного и убежденного борца за освобождение трудящихся от эксплуатации, во имя всемирной революции и уничтожения среди людей национальных различий. Финалом второй истории и истоком всей конструкции романа выступает историческое расследование-реконструкция событий ярославского антибольшевистского восстания 1918 г. В романе присутствует и философский план содержания, представленный, с одной стороны, жестким памфлетом о деградации коммунистической идеологии и форм социалистического быта, с другой — ирреально-мифологической параболой о гуманистическом смысле человеческого существования в антично-новозаветных декорациях. Наконец, роман нашего писателя пропит фрагментальными включениями метаповествования о современном писателе, занятом расследованием-воссозданием исторического события в городах, где ему довелось жить, выявляющего логику бытия нескольких поколений одной семьи и обращающегося к экскурсам философско-этического характера.

Г. В. Кемоклидзе лет 20—30 назад был известен скорее как писатель — юморист и сатирик.

Об этом свидетельствует и одна из его литературных премий — болгарский «Золотой еж». Но эстрадные лавры, совратившие в то время столь многих, как-то миновали его. Писатель эволюционировал к серьезной прозе. Однако острая чувствительность к жизненному абсурду составила едва ли не лучшие (а уж самые сочные безусловно) страницы его последнего произведения. Касается ли писатель того, как «гуляют» дембеля или празднуют нувориши, как бабки воюют с работягами и милицией за старый парк или как толпа митингует, как герой теряет невинность или как спорят священник Леонтьевской церкви и врач «из прежних», как собачатся друг с другом Свердлов и Троцкий или отстаивает правду «пламенная большевичка», как старухам возвращает молодость бессмертный Молх или как проповедует Диоген, — автор вновь и вновь сталкивает разные системы ценностей, недалекие претензии или наивность и недемонстративное понимание раскрываемой им сути вещей.

И наоборот, чернуха, убийства, насилие, случайная близость, криминал предстают заурядной и повседневной обыденностью, на которую лишь устало откликается сбитое с панталыку сознание.

Есть, конечно, в романе и другая тональность повествования, другой пафос мировосприятия. Скрытое неблагополучие, проявляющее себя поначалу лишь в трудностях перехода сержанта Салина к формам обыденного общения, следуя логике невозможности его существования в рамках «довоенного» бытия, тем более «неонзповского» контекста 1990-х, и в ходе переплетения его истории с историей его «прадеда» Семена Нахимсона, начинает крепче звучать все трагичней и неотвратимей. Столкновения с милицией будто бы «по дурацки» и под водочку перерастают в бесконечную и неостановимую войну с барыгами и идеологическими реликтами самого разного разбора, с властью как источником безличного насилия и личным предательством (или тем, что таковым представляется). Возникает абсолютный тупик, из которого может освободить только собственная смерть.

У Хэмингуэя «проклятое поколение» уходит трагически, но унося с собой личные идеа-

лы. У Ремарка «потрясенным» молодым людям не во что верить, но надо как-то жить. Поколению мальчишек, прошедших Афган и Чечню, видевших смерть товарищей и тех, кого они убивали сами, — именно тем, кто смог выжить, потому что стал профессиональным убийцей, оказывается, жить не для чего. Их головы свернуты на сторону, их «профессиональные» навыки не могут быть востребованы нигде кроме преступного мира, они нуждаются в глубинной ценностно-психологической реабилитации. Но есть ли дело государству, обществу, порой даже близким людям до их проблем? Простого понимания этих проблем? Увы. Вот и ходят среди нас неприкаянными эти духовные калеки. Пьют и дерутся в дни пограничника, ВДВ, морфлота и проч., буйствуют в фонтанах, в лучшем случае показательно ломают голову кирпичи... И не в том дело, что они плохи по определению, а в том, что они так и остались не возвращенными с войны в мирную жизнь.

Да и какая жизнь вокруг? Есть тонкая пленка людей, живущих ценностями, а не одними материальными и житейскими интересами, тех, для кого живущий рядом не надсада, не повод к зависти или средство для достижения личных целей. А остальное разлитое море? Вот бывший работник идеологического отдела обкома партии, ныне торгующий нефтью за границу. Вот другой, из орготдела, продолжает работать там же и произносит дежурные надгробные речи. Вот доставала шоферит при большом начальнике: надо — был членом, сейчас же платить взносы он не дурак. Вот старая партийка, насквозь пропитанная прежними представлениями, никак не может взять в толк, что это такое происходит на ее глазах. Вот доблестные стражи порядка, которые хлопчут совсем не о человеке, которого призваны оберегать, а о том, как ущучить виноватого, на их взгляд. Никто ни за что не хочет отвечать, все хотят брать, и лучше больше и сразу. Отец, дальновидно приспособившийся к новым обстоятельствам, полагает, что выгода сама по себе способна убедить сына с его недетским опытом влиться в стаю наживающих. А вокруг цветет буйным цветом «купи-продай», «кинсорви», «закажи-замочи». Вот и получается:

за что же эти «кирпич о голову» кровь проливали?

Или вот логика жизни и логика войны: одна — жить и давать жизнь, другая — убивать, чтобы выжить. Одни ищут и ждут самого-самого, «строителя» будущего, дома, семьи, другие — мыслят себя самих безусловным и необсуждаемым призом, ибо столько перенесли, это не они, а им все должны.

И поверх этого из детства кричащее кризисное: «Зачем вы меня послали на чужую гражданскую войну?!» В этом вопросе, как и в цепи множась убийств, действует одна внутренняя логика — отрицание всех форм и проявлений лжи настоящего единственным способом, доступным нашему герою, — отнятием жизни у тех, кого он не приемлет. В натурах и деяниях порожденных обществом духовных калек оно само себе выносит приговор.

Повествующий автор признается, что целью его было вникновение в природу события и характеры участников ярославского восстания. Точкой отсчета в повествовательной оптике мог стать и Давид Закгейм, и большевичка Розанова, и кладбищенский сторож Осинкин, и священник отец Никодим, и заключенные «баржи смерти». Сомнения решил случай. Реальный ярославский «убивец» сержант Салин, оказывается, имел фамилию, повторяющую один из партийных псевдонимов Семена Нахимсона, перед самым восстанием назначенного комиссаром ярославского, в ту пору центрального военного округа и павшего одним из первых. Г. Кемоклидзе допустил, что супруга ярославского комиссара могла родить ему дочь уже после смерти мужа, а та захотела взять псевдоним отца в качестве собственной фамилии. Тем самым возникла возможность связать две далекие друг от друга истории в одну семейную сагу.

К этой связи мы еще вернемся. А пока в латышском городке Либава начинается история юноши из состоятельной семьи еврейского кондитера родом из Польши. Кроме весьма скудных строк документов из партархива вряд ли можно найти сколько-нибудь обстоятельную и достоверную информацию о деятелях революционной эпохи. Жители города о лю-

дях, чьими именами названы многие ярославские улицы, практически ничего не знают. Вот почему то, что не удосужились сделать историки, принял на свои плечи писатель. И под его пером ожила давно ушедшая жизнь.

Самое начало прошлого века, поражение российских войск под Порт-Артуром и в Цусимской бухте. Рост латышско-немецкого национализма, еврейские погромы, начавшись на юге, докатились до тихой Латвии. Местная бундовская молодежь создает боевую организацию «Еврейская самооборона». После провала революции 1905 года местные радикалы либо дрейфуют в сторону реформаторства, либо уходят в подполье. Семен из последних. Поэтому не случайно он становится делегатом 3-го Лондонского съезда социал-демократов, а позже убежденным большевиком и даже членом ВЦИК.

Частью реконструирована, частью домыслена и другая, личностная сторона этого незаурядного человека. Его стихи, статьи, письма, даже псевдонимы дали повод вообразить его полудетские страхи и первые опыты отношений с женщинами, супружескую жизнь, стиль поведения, круг интересов, жизненную позицию. Перед читателем встает не холодный кованный барельеф, а живое человеческое лицо.

Зачем же эти две столь разные и по времени, и по существу истории увязаны писателем в один узел? Тут мы вступаем в особый пласт суждений писателя. В очищенном виде идея такова: революционное насилие, ниспровергающее общественный порядок, порождает власть насилия, эта власть творит насилие в форме идеологических мифов и жупелов, которое в образе тех самых духовных калек обращает новое насилие на его же истоки. В финальных фразах невольный убийца сержант Салин в своих бедах и страданиях винит прадеда-революционера.

Эта жесткая публицистическая конструкция, увы, отдает привкусом того же догматизма, против которого она сама обращена. Как говаривал в свое время К. Чуковский, это всего лишь «противоположное общее место». Убедительны страницы, рисующие психологическую почву, которая породила убеждения

идеалистов поколения Нахимсона. Как убедительны и те страницы, которые показывают тупики «простых» расстрельных решений (эпизод с городским Любецким). Но выстрел в собаку Диогена как-то прозрачно назидателен. Ильич же в беседе с молодым бундовцем — грубо-плакатная и неубедительная карикатура на очень непростую историческую личность. И уж совсем кадром из хичкоковского нагромождения ужасов предстает сцена, где веревкой в дерьме роняют распятого Христа и кровяца по рвам хлещет потоком. Несмотря на шахматы и карамельки не перестает быть вполне «картонным» образ Альберта Лаудиньша. Внук его удался не в пример «вкуснее». Как-то скороговорочно и по касательной показано могшее стать ярким эмоциональным акцентом событие ярославского восстания. Самое живое в этих сценах — допрос Осинкина и расстрел Николая Николаевича. Лишь сожаление вызывают и псевдоэзотерические рассуждения героев

и повествователя о «каиновой печати» (серп и молот), о превращении ее в свастику. Подобные «построения» никак не удивительны для всякого рода подметных изданий, но в книге уважаемого писателя они чужеродны. Представляется даже, что везде, где Г. Кемоклидзе прямолинейно акцентирует любезную его сердцу сквозную публицистическую идею, там сразу понижается эмоциональное сочувствие событиям и характерам мира произведения, зримо тормозится осмысленный читательский интерес.

Совсем иначе звучат те драгоценные находки, где публицистика отодвигается живописью слова. Это могут быть несколько фраз об учителе военного дела или сцены с Катей, любовью сержанта Салина, изображенные наперсточники или девицы с несложившейся судьбой, учительница Филоза и пан Сосновский, допрос подполковника Будкина и особенно речевой и

характерологический портрет Сталина. Это, как кажется, безусловная художественная и психологическая удача.

Здесь сложно было оказаться оригинальным. Этот характер многократно литературно и кинематографически воссоздавался. Но Г. Кемоклидзе удалось найти прием лукавой и двусмысленной беседы, где нормальная логика одного собеседника теряет прочность и весомость в столкновении с уклончиво-иезуитской игрой другого в «кошки-мышки», где «кошка» еще не решила, съесть ли «мышку» сразу или оставить на потом. И это при генетическом родстве той и другой. Писатель здесь явно усложняет свой взгляд на носителей революционной идеи. В ней ли самое дело? Или дело в проклятом родстве справедливости и несправедливости, свободы и насилия, независимости и эгоцентризма, в амбивалентности человеческой природы вообще?

Здесь блестяще сработала и многократно обыгранная

ситуация лишь предполагаемого развития событий в заданных обстоятельствах. Выживи Нахимсон в ярославском восстании, что бы его ждало? Несомненно, судьба Кирова и Бухарина, Зиновьева и Троцкого, тысяч других. В условно-художественной форме писатель без какого бы то ни было публицистического нажима открыл читателю гнусную историческую перспективу.

С легкой руки М. А. Булгакова («Не так, не так все было!») стали множиться апокрифические версии священной истории. Свою скромную лепту в это собрание внес и Г. В. Кемоклидзе. Его Симеон с большевистской идеей справедливого насилия, подобно Вечному Жиду, и так же, как Агасфер, не признав Христа, обречен скитаться во временах, беседуя то с Диогеном, то с Молхом, то с митрополитом Агафангелом, то с самим Сыном Божьим. Вряд ли бе-

седа Симеона и Человека со крестом принадлежит к несомненным эстетическим и философским вершинам в литературе, но в рассматриваемом романе это ключевые сцены, стоившие немало душевного труда автору и стоившие этих трудов. Самая манера речи этого Христа, притчеобразная, с умолчаниями и перепадами внутренних состояний, делает страницы о Нем полными не только очевидного, но и подспудного смысла. И это тоже немалое достижение художника.

Скажем теперь нечто собственно о технике письма в нашем романе. Выстроен он, как уже было отмечено, во-первых, по типу «текст в тексте», во-вторых, с ритмическим «перебивом»/контрапунктом истории современного «невозвращенца с войны» с историей его «прадеда» и виртуально-историческими и мифологизированными картинками встреч в вечности.

Другая особенность романа — построение повествования от первого лица разных героев и автобиографического повествователя. В результате возникает система множественных оптик с противостоящими друг другу кругозорами, психологической реактивностью, ценностными установками. Мир текста перестает быть монологичным, событие становится стереоскопичным, а характер обсуждаемых истин приобретает диалогическую взаимосоотнесенность и неоднозначность.

Тот же отход от прямолинейного дидактизма находит свое воплощение и в остранении точки зрения героя реальностью. Касается ли это матери, отправившей сына на войну и потерявшей его, но желающей верить, что «на той стороне» не могут не понять, что ее мальчик не воин и его обязательно пожалеют. Или речь идет о ценностном выборе и деянии главного героя, пытающегося в мире лжи жить «не по лжи», но всякий раз парадоксально прихо-

дящего к очередному безобразному поступку или полуневольному преступлению.

Весьма любопытен также в романе характер действия двойной — финитарной и генетической — логик повествования. Согласно одной трагической конец окрашивает все рассказанные обстоятельства, даже совсем не драматического свойства, в тона рефлексивной нагруженности и проблематичности. Согласно другой совершенно естественные и поначалу могшие казаться невинными завязи телеологически неотвратимо должны привести к эсхатологическому бедствию и страшному суду. Первая — логика открытия глубины. Вторая — логика неотвратимого рока и публицистического проклятия. Первая убеждает, вторая посеивает сомнения. Но их взаимоотстранение, переплетение, увязанность с иными привходящими философско-этическими размышлениями снимает остроту отмеченной дихотомии, переводя общее движение мысли в русло романной незавершенности и дискуссионности.

Тем самым метаповествовательные включения с автобиографическим повествователем из частного компонента в конструкции произведения выдвигаются на место серьезной организующей инстанции, выдвигающей в качестве центрального события романа не составляющие его истории или рефлексивно-виртуальные отступления, но самодискуссионность и проблематичность связей личностно-экзистенциального и социокультурного начал человеческого бытия на некотором конкретном жизненном примере. О частных характерах, это событие выражающих, было сказано выше.

Повторимся еще раз: роман ярославца Г. В. Кемоклидзе — живое и стоящее читательских размышлений литературное событие.

Наши юбиляры

Нынешний год оказался юбилейным для некоторых из наших писателей.

90 лет исполнилось **Ивану Алексеевичу Смирнову**. Поэт и воин — эти два слова соединились в Иване Алексеевиче. За героизм в Великой Отечественной войне Иван Смирнов имеет многочисленные награды: медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и другие. Иван Алексеевич — автор многих поэтических сборников. В течение долгих лет он возглавлял ярославскую писательскую организацию Союза писателей СССР. Почетный гражданин города Пошехонье.

85-летие отмечает **Александр Викторович Коноплин**. Ему тоже довелось повоевать, но после Победы его ждало еще одно суровое испытание. На шесть лет Александр Коноплин был определен в ГУЛАГ. После возвращения и реабилитации он активно занялся литературной работой. Его перу принадлежат многие книги прозы, вышедшие в Ярославле и Москве. Все пережитое автором воплощено в этих книгах.

75 лет исполнилось поэту **Владимиру Федоровичу Соколу**. Он автор многих поэтических сборников и поэмы «Романиха». Стихи Владимира Сокола оптимистичны, пронизаны тонким лирическим чувством.

Отдельные стихи переведены на болгарский, украинский, чувашский, грузинский языки. В течение многих лет член Союза писателей России Владимир Сокол был составителем и редактором ежегодного издания «Ярославский альманах». Лауреат областной премии Ленинского комсомола.

А краеведу и публицисту, члену Союза писателей России **Владимиру Александровичу Гречухину** в этом году — **70 лет**. Хотя писатель живет в небольшом городе Мышкине, его всероссийской известности могут позавидовать многие почитающие себя знаменитыми поэты и прозаики обеих столиц. Город Мышкин сделал известным Владимира Гречухина потому, что Владимир Гречухин во многом посодействовал известности города Мышкина. Все музеи, которыми изобилует этот районный центр и которые притягивают к себе туристов со всего света, — детища Владимира Гречухина.

60-летие празднует прозаик и поэт **Николай Родионов**, живущий в городе Ростове Великом. Широкий диапазон его творчества — от небольших лирических стихов до крупных романов. Член Союза писателей России Николай Родионов еще и издатель. Много времени он уделяет вы-

пуску «Ростовского альманаха», в который кропотливо собирает все ценное, что написано в Ростовском крае и о Ростовском крае. И еще Николай Родионов — активный общественник, депутат Ростовской думы.

Исполняется **55 лет О. С. Гонозову**. Олег Сергеевич родился в августе 1956 года в Ярославле. Окончил Московский государственный институт культуры. Член Союза российских писателей, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры. Прозаик, автор нескольких книг.

Острое чувство справедливости, самоотверженность в борьбе за сохранение природы и нравственных устоев жизни — все это привело А. Н. Грешневику в Государственную Думу РФ, депутатом которой он является уже много лет. Это же привело его и в литературу. То, что депутат отстаивает в Думе, находит отражение и в его

книгах и статьях, пронизанных болью и тревогой за настоящее и будущее России: «Президент не слышит экологов», «Елки-палки, лес пустой», «Уходит почва из-под ног» и многие другие. Предметом его заботы уже много лет является ежегодный сборник «Любитель природы». Член Союза писателей России, лауреат премии журнала «Новый мир» **Анатолий Николаевич Грешневиков отмечает 55-летие**.

В октябре 2011 года исполнится **45 лет поэту Александру Ивановичу Авдееву**, выпускнику Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза российских писателей Авдеев — автор поэтического сборника «Невидимая Птица».

В ноябре исполнится **45 лет И. Ю. Перуновой**. Ирина Юрьевна родилась в Воркуте. В 1992 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, член Союза российских писателей, автор нескольких поэтических книг.

Памяти поэта-земляка

25 марта 2011 года исполнилось 90 лет со дня рождения нашего земляка, уроженца деревни Поройки Воскресенской волости (ныне Некоузский район), русского поэта Анатолия Дмитриевича Клещенко. Судьба его замечательна и трагична. Родившись в Ярославской губернии в семье «богомаза», он в раннем детстве с семьей перебирается в Ленинград. В одиннадцать лет Толя решает убежать в Америку, но вместо этого в Молдавии попадает в табор к цыганам и почти год кочует с ними. Отец разыскивает беглеца и отвозит его в Киево-Печерскую Лавру, где подросток обучается иконописному мастерству. Затем будущий поэт возвращается в Ленинград. Но нигде Толю не оставляет единственная страсть — стихи, которые он пишет с детства. Его любимый поэт — Вийон,

такой же бродяга. Одно из первых опубликованных стихотворений Клещенко так и называется — «Вийон читает стихи».

Его творчеством интересуются Ахматова и Борис Корнилов, которые вводят Клещенко в литературные круги Ленинграда. Но талантливого поэта ждут не признание и слава, а сталинские лагеря. В девятнадцать лет Клещенко обвиняют в «создании контрреволюционной молодежной организации фашистского толка и связи с троцкистско-зиновьевским подпольем». В 1941 году Анатолия Клещенко осуждают и этапируют на Урал, позже переводят в Красноярский край. Он освобожден в 1950 году и отправлен в ссылку. Его реабилитируют только в 1957 году, и только тогда Клещенко может вернуться в Ленинград.

По ходатайству Ахматовой, Чивилихина, Бориса Шихарева поэта принимают в Союз писателей (сведения о том, что он был его членом еще в 1939 году, недостоверны). Принимают, но стихи его не печатают. Поэту приходилось зарабатывать на жизнь переводами, прозой. На лето Клещенко нанимался сезонным рабочим в геологическую экспедицию и уезжал в тайгу и тундру — страсть к «бродяжничеству» была в нем неискоренима. В конце концов, он навсегда покидает Ленинград, завербовавшись на Камчатку охотинспектором...

Он умер 9 декабря 1974 года в поселке Ключи от двухстороннего воспаления легких. Врачи думали, что это бродяга, каким всегда и считал себя «русский Вийон», поэт Анатолий Клещенко. «Меня скоро не будет. Вы, Анатолий Дмитриевич, потом ко мне приходите...», — это были последние слова, которые он слышал от Ахматовой. «Меня похоронишь рядом», — оставляет он жене свое завещание, стоя у железного ахматовского креста на Комаровском кладбище. Судьба и люди не разлучили их — так они и лежат теперь неподалеку: Анна Ахматова и Анатолий Клещенко...

В 2011 году ярославской Творческой ассоциацией «Пост», «Поэтической Мастерской» при ярославском Дворце молодежи и музыкально-поэтической гостиной «Сти-

хия» в честь выдающегося поэта учреждена первая ярославская независимая поэтическая премия имени А. Клещенко. Она присуждается в начале года и торжественно вручается на ежегодном поэтическом вечере «WORDOBOPOТ». Выдвижение на премию происходит по рекомендациям членов объединений-учредителей и лауреатов прошлых лет. Каждому из соискателей премии она может быть присуждена только один раз. Премия им. А. Клещенко является независимой (оцениваются исключительно стихи, а не принадлежность к писательскому союзу и т. п.) и не имеет денежного эквивалента.

Первое ее вручение состоялось 19 февраля 2011 года в ярославском Дворце молодежи. В шорт-лист вошли ярославцы Сергей Баталов, Ярослав Жемчужников, Евгений Коновалов, Надежда Кудричева, Антонина Макрецкая, Любовь Серикова (Афоничева), Никита Титаренко, а также Вячеслав Барышников, Дарья Хавина (Иваново), Владимир Макряк (Сыктывкар) и Леонид Собченко (Череповец).

По единогласному решению жюри, в состав которого вошли Тимур Бикбулатов, Андрей Стужев и Владимир Столбов, первым лауреатом премии им. А. Клещенко стал ярославский поэт Евгений Коновалов.

В гости к Ирине

21 мая 2011 г. в Петровске прошел очередной — третий по счету — музыкально-поэтический фестиваль имени ярославской поэтессы, члена Союза писателей России Ирины Бариновой.

Ирина Евгеньевна — петровчанка по рождению, здесь ее родовые корни и, надо полагать, творческие истоки поэтического таланта. С посещения местной школы, где училась поэтесса, и начался этот творческий форум. Гости и участники возложили цветы к мемориальной доске в честь

именитой ученицы и посетили школьный музей, где целый стенд отведен памяти о землячке. Директор музея А. Ф. Суханова поделилась воспоминаниями о своей любимой ученице, о первых ее литературных опытах, рассказала о творческих вечерах, которые Ирина Баринова проводила в школе совместно со своими коллегами-писателями: «Это было столь ярко, светло и возвышенно, что навсегда осталось в сердцах учеников и преподавателей».

Фестиваль продолжился в Доме культуры, где первым выступил музыкальный коллектив из Ярославля — Валентина Малышева и Николай Матвейчев исполнили песни на стихи И. Бариновой «Зимнее свидание», «Не дари мне сережек рубиновых...», «Две остановки...» и другие. Эти артисты, долгое время дружившие с Ириной, создали теплую и доверительную обстановку, сохранившуюся на время всего фестиваля. Затем на сцену поднимались ансамбль «Многоцветье» из села Песочное, певица Елена Тарадай, семейный дуэт «Родник», ансамбль «Бирюзовые колечки», квартет «Мужички из Ростова».

Поэтический марафон открыли ярославцы Александр Симакин и Татьяна Галиц. Свои лучшие стихи читали их собратья по перу из Ярославля, Рыбинска, Ростова Великого, Петровска, Красных Ткачей: Галина Полякова, Алексей Филиппов, Александр Богачук, Геннадий Хохлов, Елена Трипольская, Софья Перцева, Дарья Кожанова, Ника Маринина, Ангелина Беккер, Мария Сборщикова, Андрей Коврайский, Елена Ихваненко, Тамара Капор-

цева, Анастасия Мартыненко, Ангелина Ильяшенко, Зоя Горюнова.

В рамках фестиваля прошел конкурс детского поэтического творчества, лидером которого в номинации «Детское поэтическое творчество» стала ученица начальных классов Настя Панкова. Ей был вручен диплом победителя и сертификат на подготовку книги от издательского центра «Большая перемена». На высшую ступеньку пьедестала почета во «взрослой» категории поднялась учительница из поселка Песочное Ростовского района Н. Ф. Черезова. Впрочем, никто из участников фестиваля не был обойден вниманием, все получили дипломы лауреатов и памятные подарки, а также книги известных ярославских писателей с дарственным автографом.

Мать Ирины Бариновой, Ольга Николаевна, выразила сердечную благодарность «за память о дочери, за организацию и проведение столь значимого, нужного и важного мероприятия, которое было и остается заметным событием творческой и культурной жизни Ярославской области».

Васильевские чтения-2011

13—14 августа 2011 года состоится IX Васильевские чтения. В первый день в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского пройдет научная конференция «Голоса русской провинции». Откроет Чтения председатель Комиссии по литературному наследию К. В. Васильева академик Академии русской современной словесности, заведующий кафедрой журналистики ЯГПУ, доктор педагогических наук, профессор Е. А. Ермолин. Ожидается приезд известных литературоведов из Москвы: доктора филологических наук, профессора МГУ В. А. Недзвецкого, доктора филологических наук, профессора МГУ С. И. Кормилова, доктора филологических наук, профессора НИИО О. И. Федотова, доктора филологических наук, доцента

Российского университета дружбы народов А. О. Шелемова, профессора РГГУ Ю. Б. Орлицкого, а также американского профессора Дианы Осиповны Немец-Игнашевой. На литературный форум приглашены ученые-филологи из Минска и Ташкента, Архангельска, Смоленска, Твери и Ярославля. В этот же день состоится презентация литературно-художественного журнала «Мера».

В рамках Васильевских чтений пройдет II поэтический конкурс памяти Константина Васильева «Чем жива душа». Второй день Чтений откроется в ярославском городском клубе любителей словесности «Тысячелетие» при библиотеке № 19, во Дворце культуры им. Добрынина. По уже

сложившейся традиции начнется он с торжественной мемориальной части — музыкально-поэтической композиции по

творчеству К. Васильева. Затем состоится награждение победителей конкурса, финалисты прочтут свои стихи.

Лауреаты премии в области культуры

Девятнадцать человек в 2011 году удостоены высшей региональной награды в области культуры. Это известные художники, реставраторы, музыканты, режиссеры, художники, другие деятели культуры и искусства. Награждение лауреатов прошло в Большом зале Губернаторского дома (Ярославском художественном музее).

Обращаясь к участникам торжественной церемонии, губернатор С. А. Вахруков подчеркнул, что вручение премии — это оценка того вклада, который каждый из собравшихся внес в культуру Ярославской области. Он также отметил необходимость системной поддержки региональной культуры и заверил, что Правительство области продолжит создавать все условия для успешной реализации талантливых и трудолюбивых людей.

Лауреатом литературной областной премии им. И. З. Сурикова стал председатель правления Ярославского отделения Союза писателей России Г. В. Кемоклидзе. Эта премия была учреждена администрацией Ярославской области в 2005 году. И с тех пор Герберт Васильевич во второй раз становится ее лауреатом. Высокой награды удостоен его роман «Тысяча...», выпущенный к 1000-летию Ярославля при поддержке бюджета Ярославской области.

Отмечены премиями и авторы других книг. Известный ярославский фоторепортер Ю. И. Барышев, не один десяток лет отдавший журналистике, получил областную премию им. Л. Н. Трефолева за создание книги «Мой XX век», изданной при финансовой поддержке Фонда Анатолия Лисицына.

П. С. Чахотин удостоен звания лауреата областной премии им. И. А. Тихомирова

за исследовательскую работу, подготовку и издание книги «Святая великомученица Анастасия. Священный образ и храмы в Европе». Эта книга в 2009 году вышла на итальянском языке в Италии, а в 2010-м на русском в России. Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский, который летом минувшего года открыл презентацию издания в северной столице, сказал много теплых слов в адрес Петра Чахотина и той миссии, которую он выполняет по восстановлению памяти образа великомученицы Анастасии, прозванной на Руси Узорешительницей. Позже презентация книги прошла в Угличе и Мышкине (радением того же Чахотина, при поддержке местных властей в 1990-х в честь святой возведена часовня в мышкинском селе Учма).

Правнук костромского крепостного крестьянина, ставший в Италии художником, Петр Чахотин в последние годы живет «на две страны».

«В ходе многолетних исследований документально установлено, что святая Анастасия была первым миротворцем, который отправился с Запада на Восток. Это личность протоевропейская», — считает автор книги, создатель и руководитель проекта «Святая Анастасия — надежда на мир».

Выпущенная книга — лишь часть долгосрочного проекта Чахотина, о котором слышаны не только ярославцы. Так, в середине 1990-х в разгар войны на Балканах у Петра Сергеевича родилась идея миротворческой акции — отправить в космос чудотворную икону великомученицы Анастасии с призывом прекратить кровопролитие. Две святыни — иконописная и вышитая — были изготовлены углически-

ми художниками Николаем Гавердовским и Надеждой Лавровой. После возвращения икон на Землю с орбитальной станции

«Мир» Чахотин организовал паломничество с образами по России, Турции, Греции, Франции, Германии, Италии.

Некрасовская лира

В июле прошел традиционный для ярославцев День поэзии «Я лиру посвятил народу своему», в нынешнем году приуроченный сразу к двум датам — к 190-летней годовщине со дня рождения Н. А. Некрасова и 65-летию литературно-мемориального музея-заповедника «Карабиха».

Литературный праздник в Карабихе, сорок четвертый по счету, сегодня единственное масштабное общероссийское мероприятие, ежегодно привлекающее общественное внимание к имени Н. А. Некрасова. В 1960—1970-е годы сюда съезжались и читали свои заветные строки Лев Ошанин, Ираклий Андронников, Юлия Друнина, Белла Ахмадулина, Михаил Дудин, Алексей Сурков, Виктор Розов и другие, поэты из братских союзных республик. В последние полтора десятилетия ряды именитых гостей заметно поредели...

Торжества традиционно начались в Ярославле у памятника Некрасову на Волжской набережной, а в полдень продолжились на заветной поляне в музее-усадьбе. Карабиха — то самое место, куда постоянно приезжал Николай Алексеевич, скрываясь из шумного Петербурга. Старинный раскидистый парк, каскад прудов, богатые охотничьи угодья — все вдохновляло поэта. Не случайно именно здесь с 1861 по 1875 годы им были созданы поэмы «Русские женщины», «Современники», стихотворения «Орина, мать солдатская», «Каллистрат» и другие, здесь шла работа над эпической поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Какой литературный праздник без поэтических строк? Перед любителями поэзии выступили ярославские поэты Евгений Чеканов, Владимир Перцев, Тамара

Пирогова, Валерий Мутин, Андрей Коврайский и другие.

Свое слово сказали гости — известный литературный критик, писатель и публицист Лев Аннинский, не забывающий родную землю поэт, литературный критик и философ Константин Кедров, представители редакций журналов «Новый мир», «Юность», «Радио России» и другие.

Болгарский поэт и переводчик Йордан Милев после пламенного выступления на тему «Николай Некрасов — Болгария — и мировой поэтический Космос» преподнес музею «Карабиха» награду от имени своих земляков-писателей — орден Ивана Вазова на ленте. Награда, носящая имя патриарха болгарской литературы, символизировала высокую оценку братьями-славянами роли Некрасова в великой русской литературе. Народная артистка России Валентина Талызина прочитала отрывки из поэмы Некрасова «Мать».

Впервые за много лет праздничное настроение хозяев и гостей не было испорчено дождем, и, пока шла литературная программа, на аллеях парка развернули свой товар коробейники и книжные ярмарки, а в разных уголках усадьбы забавляли народ театрализованными сценками по произведениям Н. А. Некрасова самодельные артисты, выступали музыканты и певцы.

Сотрудники музея тоже подготовились к двойному юбилею. Извлекли из фондов и отреставрировали памятник поэту. Совместно с Домом-музеем К. И. Чуковского в Переделкино (ГЛМ, Москва) была подготовлена экспозиция «Чуковский в гостях у Некрасова», открывшаяся в Большом доме усадьбы.

Корней Иванович Чуковский любим и широко известен в нашей стране как детский поэт, как переводчик М. Твена, О. Уайльда, Р. Киплинга. Несмотря на то, что уже более четырех десятилетий его нет с нами, автор «Мойдодыра» и «Тараканища» даже в период предельной коммерциализации отечественного книгоиздания в начале XXI века возглавляет топ-десятку наиболее издаваемых в России авторов, пишущих для детей. Но только специалисты знают его как публициста, критика, литературоведа и как... авторитетного некрасоведа. Не только как члена Союза писателей СССР, но и как почетного доктора филологии Оксфордского университета.

Еще в 1917 году Чуковский засел за многолетний труд о Николае Алексеевиче, разбирая массу рукописей, кропотливо составляя научный комментарий к текстам. Именно благодаря ему в 1926 году увидело свет первое собрание стихотворений Некрасова. Удалось опубликовать значительную часть стихов поэта-гражданина, на которых ранее лежал запрет либо царской цензуры, либо правообладателей. Подсчитано, что 15 тысяч — примерно четверть известных в настоящее время — стихотворных строк Некрасова были введены в оборот именно Корнеем Чуковским. Он же обнаружил и издал рукописи прозаических сочинений Некрасова («Жизнь и похождения Тихона Тросникова», «Тонкий человек» и других). В общей сложности шестьдесят лет жизни отдал исследователь изучению жизни и творчества поэта. Кроме того, К. И. Чуковский занимался биографией и творчеством ряда других писателей XIX века — Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, В. А. Слепцова.

Однако вернемся к детской литературе. Одним из гостей Некрасовского праздника стал действительный член Международной академии творчества, член Союза писателей Москвы С. А. Филатов, курирующий в рамках своего Фонда социаль-

но-экономических и интеллектуальных программ проект «Молодые писатели России». При его поддержке в Карабихе прошел семинар писателей, пишущих для детей, в котором приняли участие более двадцати молодых авторов, не только российских, но и из стран ближнего зарубежья.

Подобные семинары стали уже традиционными. Будущих отечественных классиков детской литературы уже собирали на аналогичные форумы в мемориальном музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», в бывшей тургеневской усадьбе, а ныне мемориальном музее-заповеднике «Спасское-Лутовиново», а также в Тарханах, неразрывно связанных с именем М. Ю. Лермонтова, в писательском поселке Переделкино, в Старой Руссе. Новое дыхание творчеству молодых теперь призвана была дать гражданская лирика Некрасова. Впрочем, семинар молодых на ярославской земле проводился уже в восьмой раз.

К сожалению, здравствующий классик, родитель Чебурашки, кота Матроскина и прочих обаятельнейших и любимых не одним поколением детей персонажей, Эдуард Успенский, который в последние годы постоянно ведет передачу на одном из телеканалов страны, до Ярославля так и не доехал. Видимо, его был призван заменить председатель оргкомитета фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского С. М. Белорусец, активно публикующийся не только во «взрослых» престижных периодических изданиях, но и в популярных детских журналах «Мурзилка», «Веселые картинки», «Трамвай» и др., автор песен к мультфильмам «Возвращение кота Леопольда», «Капитан Пронин, внук майора Пронина»...

Очередной Некрасовский праздник завершился, гости разъехались. Через неделю-другую распрямится притоптанная трава вокруг Большого дома усадьбы...

Сначала было «Слово...»

Книгоиздание Ярославской области
в начале XXI века

О традициях книжной культуры Ростово-Ярославской земли написано уже немало. Редчайшие рукописные книги хранятся и в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике, и в престижнейших московских собраниях. В какой степени к третьему тысячелетию удалось сохранить и развить эти традиции?

В начале XXI века в Ярославской области функционируют десятки издательств и книгоиздающих организаций. По данным Ярославской областной универсальной научной библиотеки им. Н. А. Некрасова (ЯОУНБ), ежегодно выходит в свет порядка 670—750 изданий. Согласно статистике Российской книжной палаты Ярославская область по объемам книгоиздания находится в середняках: в Центральном федеральном округе (без учета Москвы и Московской обл.) наш регион по числу названий занимает 4-е место, уступая Воронежской, Белгородской, Смоленской и ненамного опережая Владимирскую область. Наша область в два раза отстает от Нижегородской, Саратовской, Омской областей; более чем в два раза — от Самарской, Свердловской, Тюменской, Челябинской; более чем в три раза — от Новосибирской и Волгоградской областей и т. д.

Реальность такова, что тиражи подавляющей части издающихся в регионе новых книг не реализуются через книготорговую сеть,

т. е. не являются коммерческими проектами. При этом большую часть изданий выпускают вузовские издательства. Речь идет о научной, учебной, учебно-методической литературе, которая финансируется непосредственно самими высшими учебными заведениями. Выход в свет сравнительно небольшой доли научно-популярной и художественной литературы финансируется за счет частных спонсоров, общественных или религиозных организаций, бюджетных средств, а также средств самих авторов...

Книгоиздательство, которое в условиях плановой экономики СССР являлось одной из самых прибыльных отраслей, в конце 1980-х — начале 1990-х годов вынуждено было приспособливаться к существованию в рыночных условиях, что коренным образом изменило качественное состояние отрасли и репертуар издательств. За последующие двадцать лет отечественное книгоиздание пережило немало падений и взлетов, обусловленных рядом особенностей российской экономики.

Тем не менее в середине 2000-х годов Россия вошла в элитный международный клуб «стотысячников», то есть стран, выпускающих в год более 100 000 названий книг и брошюр. Общее число книжных издательств в стране составило несколько тысяч (точную цифру назвать довольно сложно в силу отмены лицензирования издательской деятельности). Среди них и монопольные структуры, которые одновременно являются крупнейшими изда-

Заместитель губернатора Ярославской области А. В. Бушуев

тельствами Восточной Европы, и «упавшие на дно» небольшие местные издательства, и ЧП, которые числятся издательствами формально, выпуская максимум 1—2 книги в год.

В 2008 году мы столкнулись с проблемами общемирового порядка: речь идет об экономическом кризисе в сочетании с технологической революцией. Эти обстоятельства заметно усугубляются собственной демографической «ямой», из которой, по мнению аналитиков, России предстоит выбираться еще лет семь.

Впрочем, независимо от кризиса, еще с начала 1990-х годов стало понятно, что ряд проблем книгоиздания невозможно разрешить без участия средств государственного бюджета. Речь идет прежде всего о поддержке изданий региональных писателей, выпуске детской литературы, краеведческих, военно-патриотических и некоторых других изданий. На федеральную поддержку региональному книгоизданию особо рассчитывать не прихо-

дится. Один только пример. В рамках действующих среднесрочных федеральных целевых программ (ФЦП) предусмотрено проведение более локальных конкурсных программ. Например, в соответствии с ФЦП «Культура России (2006—2011 гг.)» Роспечать проводила конкурсный отбор на включение изданий в ФЦП «Культура России» на 2010 год. К приоритетным направлениям при этом была отнесена в том числе литература к знаменательным датам, включая 1000-летие основания Ярославля. Однако, насколько нам известно, ни одна из поданных ярославскими книгоиздателями заявок не была утверждена министерством. Помешали формальные бюрократические препоны. Выдаваемые отдельные гранты, финансируемые частными спонсорами на федеральном уровне, проблем местного книгоиздания не решают.

Итак, вся надежда остается на региональный бюджет. И здесь в качестве самого яркого примера можно привести городские книгоиз-

Экспозиция изданий, вышедших к 1000-летию Ярославля

дательские программы Москвы. Эти программы формировались на основе многочисленных предложений и заявок, поступающих в Правительство Москвы, и отбора, который проводится специально созданной экспертной комиссией. Заключение и предложения комиссии рассматривались на заседаниях Московского городского совета книгоиздания. Существовала также и практика городского заказа на отдельные подарочные и юбилейные книги. Объем выделяемых бюджетных средств на эти цели с конца 1990-х увеличился почти в десять раз к 2008 году. Всего в рамках городских программ книгоиздания за пятнадцать лет было выпущено в свет более 450 изданий, среди которых исторические, художественные и энциклопедические книги, поэтические произведения, словари, путеводители, сборники, художественные и фотоальбомы, мультимедийные диски. Общий тираж изданий составил более 4,5 млн. экземпляров. Реализация этих из-

дательских программ позволила поддержать более ста издательств, многочисленные авторские коллективы не только Москвы, но и ряда других городов России и стран СНГ.

Правительство Санкт-Петербурга ежегодно, пусть и в меньших объемах, предоставляет субсидии издательствам, выпускающим социально значимую литературу. В части поддержки писательского сообщества северной столицы финансируется проведение творческих вечеров, семинаров, конференций и т. д. Ежегодно от 390 до 450 тыс. руб. выделяется, например, на создание электронного литературного архива Санкт-Петербурга (тексты, фото-, видео- и аудиоматериалы). Только на мероприятия по пропаганде литературных произведений научно-фантастического жанра в 2011 году выделяется 210 тыс. руб. Поддерживается издание детской литературы и т. д.

Конечно, доходные части бюджетов Санкт-Петербурга и тем более Москвы не сопостави-

Лауреаты и дипломанты конкурса «Ярославская книга-2010»

мы с поступлениями ни в одном другом регионе страны. Тем не менее в ряде областей руководство региона активно участвует в поддержке местного книгоиздания.

* * *

До 2011 года в Ярославской области не существовало программы поддержки местного книгоиздания. Но это не значит, что бюджет региона не оказывал финансовую поддержку развитию книжного дела.

Например, в 1993—2007 годах были выпущены семь томов Книги памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью, — «Не предать забвению». За счет государственной поддержки выходили книги известных ярославских писателей, социально значимые и представительские издания.

В 2009 году, по данным ЯОУНБ, в регионе было зарегистрировано 734 новых издания; при этом поддержку областного бюджета по-

лучили только 3 книги (или 0,4 % от всего объема). В 2010 году зарегистрировано 750 изданий; через ГАУ «Информационное агентство «Верхняя Волга»» Правительство Ярославской области оказало финансовую поддержку 13 изданиям (или 1,7 %), выделив для этих целей более 2 млн. руб.

С 1996 года ЯОУНБ ежегодно проводит выставку-ярмарку «Книжная культура Ярославского края» — главное книжное событие региона. Ее цель — продвижение лучших образцов издательской продукции, привлечение внимания общественности к состоянию и развитию издательского дела в Ярославском крае. В рамках выставки-ярмарки проходит целая серия событий: книжная выставка, на которой представлены все издания, вышедшие на территории области в предыдущем году и поступившие в фонды библиотеки; конкурс на лучшее издание по нескольким номинациям; презентации новых книг; встречи с писателями и т. д. По итогам выставки-ярмарки неодно-

На презентации книги «История ярославской милиции»

кратно отмечалась работа издательств ЯрГУ им. П. Г. Демидова, МУБиНТа, а также частных ярославских издательств «Академия развития», «Издатель Александр Рутман», «Нюанс», «Рыбинский Дом печати», «РМП» и др.

С 2006 года одним из главных мероприятий этого книжного форума стала ежегодная научная конференция «Книжная культура Ярославского края», осуществляемая в рамках ведомственной целевой программы департамента культуры Ярославской области. На конференции обсуждаются актуальные вопросы истории издательского дела, истории библиотек, книжной культуры, книговедения, источниковедения, археографии и др. В качестве докладчиков выступают крупнейшие деятели науки и искусства РФ, ученые ярославских вузов, представители федеральных структур, музейщики, библиотекари, студенты.

Главная тема Шестой научной конференции, прошедшей в 2011 году, — «Ценности традиционной книжной культуры и развитие

современных информационных технологий». Концепция конференции определила широкий круг участников, благодаря чему форум фактически стал межрегиональным. Кроме ярославских специалистов на конференции выступили научные сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки Москвы, столичных вузов, гости из Нижегородской области. За счет средств гранта Президента РФ был профинансирован проект «Рукописные памятники Ростово-Ярославской книжности», представленный в экспозиции областной библиотеки имени Н. А. Некрасова (экспозиция будет работать по октябрю 2011 года).

«Бестселлеры “из пробирки”, или Силиконовый век русской литературы», — такова была тема встречи ярославских читателей с А. А. Бархатовым, писателем, лауреатом премии им. А. М. Горького, профессором московского Института журналистики и литературного творчества.

О возросшем статусе книжного форума свидетельствует и то, что в презентации ряда изданий приняли участие заместители губернатора Ярославской области А. В. Бушуев и С. В. Березкин, начальник УМВД России по Ярославской области генерал-майор полиции Н. И. Трифонов, председатель отдела религиозного образования и катехизации Ярославской епархии иерей Алексей Кульберг, настоятельница Казанского монастыря монахиня Екатерина.

В заключительный день работы книжного форума прошло награждение авторов лучших изданий. Председатель жюри конкурса «Ярославская книга-2010» доктор культурологии, доцент ЯГПУ Т. И. Ерохина вручила диплом I степени Я. Е. Смирнову за книгу «Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи», вышедшую к 1000-летию Ярославля при поддержке областного бюджета в издательстве «Азбука» (Санкт-Петербург). Диплом II степени был присужден Т. А. Рутман за книгу «Ярославский Казанский женский монастырь», выпущенную издательством Александра Рутмана.

Диплом III степени получили авторы двух книг: О. Н. Скибинская (Родная кровь: семейные хроники XVII — начала XXI века: культурно-исторический очерк. Ярославль: Издательство Александра Рутмана) и авторский коллектив — М. В. Александрова, И. В. Ваганова и М. Е. Бороздинский (Ярославский календарь: праздники, традиции, история, достопримечательности, гастрономия, выдающиеся люди. Ярославль: Академия 76).

Дипломами номинантов отмечены следующие участники конкурса: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области за книгу «Ярославль 1000 в зеркале статистики: статистический сборник»; Н. Ю. Рождественская за книгу «Нищенство и благотворительность в Ярославской губернии в конце XIX — начале XX в.: монография» (РИО ЯГПУ); поэт Ю. М. Кублановский за авторский сборник стихотворений «Посвящается Волге» («Медиарост») и В. Н. Щеников за книгу «Понизовкинская при-

Председатель жюри конкурса «Ярославская книга-2010» доктор культурологии Т. И. Ерохина

стань: историко-экономическое исследование» («Индиго»).

* * *

До выхода в свет нашего журнала книжный форум, проводимый ЯОУНБ, оставался единственной публичной площадкой для профессионального обсуждения состояния книжного дела и уровня книжной культуры в области. Однако в первой половине 2011 года руководством региона был принят ряд важных решений по поддержке писательского сообщества и некоммерческого книгоиздания в целом. В частности, в начале марта, после встречи губернатора С. А. Вахрукова с представителями ярославских отделений Союза писателей России и Союза российских писателей, ряду специалистов было предложено представить правительству Ярославской области проекты концепций региональной книгоиздательской программы.

Председатель отдела религиозного образования и катехизации Ярославской епархии
иерей Алексей Кульберг

8 июня 2011 года губернатор области сформировал Экспертный совет как коллегиальный орган при Правительстве Ярославской области (ПЯО), образованный для выработки и проведения единой политики по поддержке региональных издательских проектов. В числе его основных задач:

- разработка перечня тем, важных для развития и создания образа Ярославской области, направленных на формирование активной гражданской позиции, расширение знаний по истории Ярославского края и популяризацию его выдающихся деятелей;
- выработка критериев оценки издательских проектов;
- экспертиза и отбор проектов для оказания государственной поддержки;
- формирование ежегодного и перспективного планов поддержки издательских проектов и др.

Определено, что деятельность Совета осуществляется на общественных началах. При этом возможно привлечение для консультаций узких специалистов, формирование рабочих групп и экспертных комиссий. Срок рассмотрения каждого поступившего в ПЯО издательского проекта не может превышать трех месяцев.

Распоряжением губернатора утвержден состав Экспертного совета из 13 человек — представителей органов государственной власти Ярославской области и специалистов по соответствующим отраслям культуры, науки, литературы и издательского дела.

Председателем назначен заместитель губернатора области А. В. Бушуев; заместителем председателя — начальник управления коммуникаций и общественных связей ПЯО О. А. Лилеева; секретарем — директор ГАУ «Информационное агентство «Верхняя Волга»»

С. Ю. Сырцова. Члены совета: доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор ЯГПУ, академик Академии русской современной словесности Е. А. Ермолин; возглавляющие ярославские отделения писательских союзов Г. В. Кемоклидзе и В. Ю. Перцев; директор ООО «ИПК «Индиго»» М. Г. Китайнер; доктор исторических наук В. П. Федюк, научный сотрудник ГАЯО Я. Е. Смирнов, а также заместитель директора по научной работе ЯОУНБ Н. В. Абросимова. Кроме того, в совет вошли главный бухгалтер ПЯО Т. Р. Вол-

кова, начальник отдела правовой экспертизы государственно-правового управления ПЯО Л. А. Кукушкина и ведущий специалист отдела культуры и искусства департамента культуры Ярославской области И. В. Сычева.

В ходе формирования книгоиздательской политики региона было принято и решение о выходе в свет литературно-художественного журнала, первый номер которого вы держите в своих руках, уважаемые читатели.

Ольга СКИБИНСКАЯ,
член Союза писателей России

На книжную полку

Васильев К. В. РОССИЯ, БЛОК, «ДВЕНАДЦАТЬ»: литературное эссе. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. 98 с.

Константин Васильев более десяти лет работал над этой книгой, литературным эссе, но завершить ее так и не успел. Он был не первым, кто выступил против официальной точки зрения, будто поэма А. Блока «Двенадцать» одобряет и воспекает октябрьскую революцию 1917 года, что нам долгие годы вбивали в головы на уроках литературы. Но голоса поэта серебряного века Максимилиана Волошина и великого русского философа Сергея Булгакова не были услышаны в свое время.

Так что же в таком случае мы можем найти нового и интересного в книге Константина Васильева? А то, что он, будучи и сам истинным поэтом, попытался увидеть поэму глазами самого Александра Блока. Ярославский поэт, наш современник, пошел дальше своих предшественников и сумел подкрепить свои догадки, свое видение поэмы весомыми аргументами. А как у него это получилось, судить читателю.

В ОДНОМ РЯДУ: сборник поэзии и прозы. Ярославль: Индиго, 2010. 104 с.

В сборник вошли стихи Г. Ананьина, Е. Галкиной, Н. Масленниковой, Е. Конавалова, Н. Кудричевой, Л. Сериковой, В. Шашкина, а также проза Е. Кабиковой, М. Фаермана, А. Коврайского. Всех этих людей — психологов, юристов, филологов, режиссера, математика, историка, биолога — объединяет творческое начало, страсть к Слову, литературная одаренность. Несмотря на молодость авторов, в книгу включены отнюдь не «первые робкие опыты начинающих». «Уже многие здесь говорят отчетливо и в согласии со своей судьбой, переплавляя личный и культурный опыт в новое целое», — пишут в предисловии к сборнику члены Союза писателей России С. А. Хомутов и Е. П. Гусев.

Издание подготовлено на основе материалов творческих мастер-классов, которые проводит Ярославское отделение Союза писателей России.

Галюдкин В. И. ГРАЧИ: стихотворения. Ярославль: Аверс Плюс, 2010. 68 с.

В. И. Галюдкин родился в 1950 году в Мурманске. Публиковался в журналах «Юность», «Север», «Студенческий меридиан», «Аврора», а также в «Литературной России», в альманахах «День поэзии» (2000), «Поэзия-35», в коллективном сборнике «Антология русской поэзии XX века» и др.

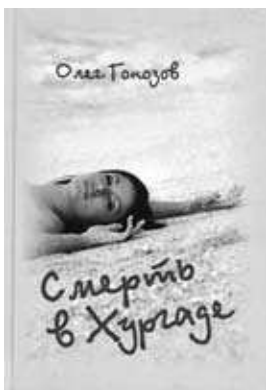
В разные годы выпустил пять книг стихов: «Гуслинка», «Вереск», «Глоток святой воды», «Гранит или бурьян», «Погорюй — Воробьиное». Этот, шестой, авторский сборник выпущен к шестидесятилетию поэта.

ГОЛОСА РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: научно-художественный сборник. Вып. 4. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. 320 с.

Этот сборник подготовлен участниками VII Областных Васильевских чтений. Известные ученые, писатели и литераторы, студенты и аспиранты ярославских и московских вузов представили плоды своих размышлений, посвященные как личности и поэзии Константина Васильева, так и актуальным вопросам творчества. В центре внимания исследователей лирика Максима Богдановича и Марии Петровых, литературная деятельность П. П. Муратова и Б. К. Зайцева, а также историческая проза В. А. Замыслова, поэзия Александра Калинина, Владимира Перцева, Леонида Советникова. Концепция сборника выходит за рамки традиционных материалов научных конференций, а потому в него включены стихи, проза, публицистика ярославских авторов. Представлена литературная хроника: юбилеи, связанные с литературной жизнью региона; Т. М. Рыкова рассказывает о деятельности ярославского городского Клуба любителей словесности «Тысячелетие», созданного весной 2010 года; А. Д. Коврайский и В. В. Шашкин подводят итоги десяти лет издательской работы художественно-публицистического журнала «Гамаюн».

Издание вышло в свет при финансовой поддержке Администрации Ярославской области и Ярославского государственного педагогического университета.

Гонозов О. С. СМЕРТЬ В ХУРГАДЕ: рассказы. Ярославль: Индиго, 2010. 192 с.

В новую книгу Олега Гонозова вошли рассказы, написанные в последние несколько лет. И все они о нашей быстротекущей меняющейся действительности. В рассказе, давшем название книге, автор стремится показать внешне модные атрибуты новой российской жизни, цивилизованной, как ее называют. Но в ней, оказывается, имеется своя метафизическая изнанка, приведшая героя повествования к внезапной смерти. Но наиболее сильно, по мнению писателя Николая Смирнова, написаны короткие рассказы, особенно те, где «плотно, емко, без литературных украшений», рисуется уклад маленького русского города, бывшей фабричной слободы.

Грешневиков А. Н. ХОЧЕШЬ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ — БУДЬ ИМ... Рыбинск: Рыбинское подворье, 2010. 664 с.

В новую книгу члена СП России, депутата Государственной Думы РФ вошли очерки, объединенные темой поиска человеком своего места в жизни. Несмотря на то, что представления каждого героя о счастье разнятся, путь к нему они выбирают один — добиваются реализации творческих задатков. И саму жизнь они рассматривают как возможность творить. Их девиз прост: «Хочешь быть счастливым — будь им!». Автор собрал в своей книге сотни поучительных историй о том, как человек вопреки невысокому социальному положению, безденежью, физической немощи или преклонному возрасту и прочим жизненным невзгодам становится творческой личностью. Увлечения у таких людей могут быть самыми разнообразными. И называют их то чудаками, а то «белыми воронами». Но именно они способны обойти пешком земной шар или построить самолет в собственном огороде, все свободное время посвятить коллекционированию самоваров или возродить забытые секреты игрушек из соломы. В каждом из них писатель видит одаренного народного мастера, творящего самобытное искусство, а главное — воплощающего в жизнь собственную высокую мечту.

Грицук-Галицкая И. А. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. ТРИСТА ЛЕТ РАБСТВА. Исторический роман-исследование. Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2010. 288 с.

Новая книга ярославского прозаика Ирины Алексеевны Грицук-Галицкой «Александр Невский. Триста лет рабства» посвящена исследованию очень непростого исторического периода. Автор делает попытку исследовать жизнь и деятельность Александра Невского, правителя, воителя и православного святого Земли Русской. И делает неожиданный вывод: правление Александра Невского привело Русь к трехсотлетнему рабству.

Жохов А. Л. ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ — МОЛИТВА, ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ — ЛЮБОВЬ: сборник стихов. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. 39 с.

Жохов А. Л. COGITO — ERGO SUM? (ПОЗНАНИЕ): сборник стихов. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. 36 с.

Когда-то французский мыслитель Рене Декарт утверждал: «Мыслю, следовательно, существую». Автор этих поэтических сборников доктор педагогических наук, профессор Аркадий Львович Жохов вопреки известному авторитетному утверждению заставляет читателя задуматься: а так ли это? что означает «мыслю»? Впрочем, трудные — вечные — вопросы поэт задает и самому себе. Задает вопросы и находит на них подчас неординарные ответы. Наверное, таким образом и появляются на свет стихи «Форма и содержание», «Рене Декарт», «Я пастырь неокрепших душ», «Другу-геометру» и др. Это не только дань времени, но и свое-образный опознавательный камертон жизненного и творческого пути автора — «неравнодушья к боли соседа, друга, матери, отца» и вечный поиск смысла жизни и своего предназначения.

Замыслов В. А. ВО ИМЯ СВЯТОЙ РУСИ. Роман в 3 книгах [2 т.]. Ярославль: Индиго, 2010. 400 с., 572 с.

Перу члена Союза писателей России, заслуженного работника культуры РФ В. А. Замыслова принадлежат двадцать четыре исторических романа. Новую эпопею «Во имя Святой Руси», состоящую из трех романов, автор посвятил 1000-летию Ярославля.

Первый романа, «Лучший полководец Европы», рассказывает о сыне Александра Невского, юном переславском князе Дмитрие Александровиче, одержавшем блестящую победу в одной из самых грандиозных и кровавых битв европейского средневековья, — в сражении русских полков с немецкими и датскими рыцарями в 1268 г. вблизи крепости Раковор. Время правления Дмитрия стало периодом наибольшего могущества Переславского княжества.

Второй роман, «Опальный царевич», повествует о трагедии последнего сына Ивана Грозного, Дмитрия Углицкого, рассказывает о самом Угличе и Смутном времени, угрожавшем устоям Русского государства. В центре третьего романа, «Героизм ярославцев», жизнь тех, кто бежал от лютой боярской кабалы. Бывшие ярославские «трудники», вдали от родины ставшие казаками, проявляли небывалый патриотизм и героизм под руководством Ивана Болотникова, который в молодости был крестьянином одной из ярославских деревенок, а в свою бытность военным холопом бежал на вольный Дон. Здесь вместе с ярославскими беглыми людьми он основал Родниковскую станицу, которая мужественно отражала набеги иноземцев, защищая российскую государственность.

Издание осуществлено за счет средств бюджета Ярославской области.

Карпов Е. Е. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ: сборник стихов. Ярославль: Аверс Плюс, 2010. 123 с.

Евгений Евгеньевич Карпов родился в белорусской деревне, но с 1971 г. его жизнь связана с ярославским дизелестроением. Однако, несмотря на суровую профессию, поэзия всегда занимала в его душе особое место. В предисловии к первому авторскому сборнику член Союза писателей России Тамара Пирогова пишет о тонком самобытном лиризме, присущем творчеству Карпова: «В его поэтических строчках живет горячая любовь к своей малой родине — белорусской сторонке, с пронзительной красотой ее полей, лесов и рек, боль за ее прошлое и настоящее. В родных местах он учился главному предназначению на земле — быть Человеком».

Кемоклидзе Г. В. ...ТЫСЯЧА...: Роман. Ярославль: Индиго, 2010. 560 с.

Герберт Кемоклидзе — член СП России, известный автор романов, повестей, рассказов для взрослых и детей, сатирических произведений. Новый его роман не прост по форме и содержанию. Автор поставил задачу совместить реальные и фантастические планы: не только показать события современной жизни, но и соизмерить их с отдаленным прошлым. Вот почему события романа кипят по обе стороны нынешнего тысячелетия. Главный герой, профессор-языковед Иван Руцкой, оказывается в сложной ситуации, когда все им пережитое и переживаемое, сосредоточившись в болезненно обостренном сознании, создает критическую

массу, за которой неизбежно должен был последовать взрыв. И он произошел... Книга издана за счет средств бюджета Ярославской области.

Ключарёва Н. Л. ДЕРЕВНЯ ДУРАКОВ: повесть, очерки. Москва: АСТ: Астрель, 2010. 316 с.

В новую книгу Натальи Ключаревой, выпускницы Ярославского педагогического университета, автора нашумевших романов «Россия: общий вагон» и «SOS», вошли повесть «Деревня дураков» и цикл очерков «Деревянное солнце».

Главный герой повести, молодой историк Митя, решил поработать сельским учителем в деревне Митино. Деревня как деревня, и жители в ней обычные — старожилы, помнящие войну, батюшка, влюбчивые старшеклассницы, блудница местная Любка... А за деревней, подальше, стояла таинственная деревня дураков, о которой местные жители боялись даже думать. И пришлось Мите столкнуться с настоящей — неписаной — историей...

Литературный критик и журналист Николай Александров, говоря о ее прозе, отметил, что «у Ключаревой какое-то целомудренное отсутствие цинизма, притом, что автор безо всякой брезгливости говорит о вещах грязных, неприглядных, страшных. Говорит с юмором, но без ненависти, а с прямой, открытой, лишенной позы и претензий любовью».

Кублановский Ю. М. ПОСВЯЩАЕТСЯ ВОЛГЕ: стихотворения. Рыбинск: Медиарост, 2010. 142 с.

Известный российский поэт и публицист, детство которого прошло в Рыбинске, является одним из самых ярких, самобытных поэтов «послеоттепельного» самиздата. В 1982 году под угрозой ареста за свои зарубежные публикации он был вынужден эмигрировать в Западную Европу. Через восемь лет вернулся на родину. Так складывалось глубинное, ибо «творчество и судьба — синонимы». Сегодня Ю. М. Кублановский возглавляет отдел поэзии в журнале «Новый мир».

В новой книге собраны стихи разных лет, посвященные людям, с которыми автор одной волжской крови, а также затопленной Мологе, детским впечатлениям поэта. По словам самого Юрия Кублановского, он постарался пройти между двумя полюсами современной российской поэзии — между постмодернизмом, который «разъедает ее своими ужимками и конъюнктурным стремлением угодить реальности», и «словесностью старого приема, поблекшей эклектичной поэтикой», — постарался пройти, дабы «освежить лирическое слово в границах канона». Издание осуществлено при поддержке мэра г. Рыбинска Ю. В. Ласточкина.

Кузнецов Е. В. ЖИЗНЬ, ЖИВИ! Роман, повести, рассказы. Ярославль: Индиго, 2010. 608 с.

Член Союза писателей России Евгений Кузнецов — автор четырех книг прозы. Новое издание Евгения Владимировича включает роман, а также написанные в 2009—2010 годах повести и рассказы.

В романе, давшем название книге, Кузнецов предпринял попытку исследовать жизнь современного писателя в дни его вдохновенного труда, проанализировать личные и социальные связи человека в нынешнем не-

простом обновляющемся мире, расшифровать самые жгучие «вечные» и злободневные проблемы. По замыслу писателя новое эпическое произведение является творческим развитием его первого романа — «Быт Бога» (2004). Эту же тему развивают автобиографические «Рассказы, написанные во время кризиса», «Рассказы с порога. Стихотворения в прозе», «Беседы для Вечности» и повести «Чернила в бокале» и «Музыка славы». Книга издана за счет средств бюджета Ярославской области.

Лебедева Г. А. ...МЫ — БЫЛИ!: записки библиотекаря о книгах, читателях и о своем времени. Мышкин, 2010. 162 с.

Автор «записок» Галина Алексеевна Лебедева — не только замечательный библиотекарь, но, как пишет в предисловии к книге член Союза писателей России Владимир Гречухин, еще и «увлеченный просветитель, друг знания и культуры, всю жизнь неразлучна с заботой о книгах и трудами для них. Большая часть этих светлых и трогательных забот была отдана одному из самых уникальных и замечательных российских книжных центров — Опочининской библиотеке города Мышкина».

Впрочем, книга рассказывает не только о возрождении уникального культурного центра в российской глубинке, о людях, причастных восстановлению традиций, — автор с душевной открытостью делится с читателем глубокими и горестными размышлениями о русской Провинции.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕСЛАВЛЬ: литературно-художественный альманах. Переславль-Залесский, 2010. 256 с.

В альманахе, приуроченном к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, представлены проза и поэзия как известных авторов — членов СП России Семена Работникова, Михаила Корнилова, — так и тех, для кого увлечение творчеством еще не стало профессией. Любви, которая сильнее войны, сильнее несчастий лихолетья, посвящены стихи Елены Чекуновой, Любви Малининой-Фоменко, Аркадия Малашенко, Анны Нелюбовой и других поэтов. Кроме того, в книгу включены очерки Юлии Никитиной, Павла Филиппова, Ильи Ирышкова, Вячеслава Петренко, Аркадия Панкова, Игоря Кручинина, Людмилы Воробьевой, Николая Соловьева. Издание вышло в свет при поддержке мэра г. Переславля-Залесского А. Охапкина.

Мутин В. В. НЕ УПАДЕТ МОЯ ЗВЕЗДА. Стихи. Ярославль: Индиго, 2010. 160 с.

Свой семидесятилетний юбилей поэт, член СП России Валерий Мутин встретил шестой книгой — «Не упадет моя звезда». В новый сборник автора вошли стихи разных лет. Как пишет Е. П. Гусев, стихи Мутина «чисты и светлы, в них тепло и уютно. Их пронизывает ощущение острой, неподдельной радости существования. Они — земной поклон всему существу, гимн красоте и радости. Несмотря на оттенок печали, несут в себе мощный заряд оптимизма, жизнелюбия и... самоиронии».

Книга издана при поддержке администрации Ярославской области.

Некрасов Г. И. ПОКА МЫ ЖИВЫ, БУДЕТ ЖИТЬ РОССИЯ: поэтический сборник. Ярославль: Индиго, 2010. 172 с.

Это посмертный сборник избранных произведений ярославского поэта Геннадия Некрасова. Заслуженный артист России, дипломант Всероссийского конкурса исполнителей поэзии Сергея Есенина, режиссер, он был страстно увлечен поэзией. Книга включает зрелые произведения — стихи и три поэмы «За Натали, за честь, за Русь», «Русь в петле. Песнь о Сергее Есенине», «Снится мне Иисус».

Президент клуба «Слово» Г. П. Хирцов в предисловии к данному изданию пишет: «Боль автора за Россию проникает в самое существо, вызывая трепет. Я потянулся к этому таланту, и, благодаря провидению, мы стали друзьями... Случилось так, что выстрел Дантеса ранил и патриота Руси Геннадия Ильича Некрасова».

Обухова Е. М. ЛАСКОВОЕ ВЕСЕННЕЕ ЖЕЛАНИЕ: рассказы, повести, фантазии. Ярославль: Аверс Плюс, 2010. 256 с.

Кто такая шишимора? Дух дома, маленькая женщина-невидимка, которую считают женой домового, а еще — героиня новой повести Елены Обуховой. Во вторую книгу прозаика вошли повести «Варенье из лепестков роз», «Шишимора», рассказы «Бог послал человека», «Я шла по улице и ждала чуда», «Плакальщицы» и другие, написанные автором в 1990-е — 2000-е годы.

Елена Обухова родилась в Кемеровской области. Закончила режиссерское отделение училища искусств г. Кургана, Литературный институт им. А. М. Горького (семинар прозы В. Н. Крупина — С. Н. Есина). С середины 1990-х живет и работает в Ярославле.

Симонов А. Н. МУЗЫКА В ПУСТОМ ДОМЕ. Роман. Ярославль: Индиго, 2010. 168 с.

Член СП России Альфред Симонов в своей новой, пятой, книге обращается к синтетическому жанру научно-фантастического детектива.

Писатель показывает, что в мире людей есть некие Запреты, которые человечество, несмотря на открывшиеся технические возможности, ни в коем случае не должно нарушать. В центре романа «Музыка в пустом доме» девушка-студентка, которая оказывается на острие интересов отечественных и американских спецслужб. О тех и о других автор книги, как бывший офицер-чекист, знает не понаслышке. На фоне развивающейся любовной интриги Альфред Симонов пытается, перефразируя А. С. Грибоедова, «сравнить век нынешний и век минувший».

Скибинская О. Н. КАСАНИЕ МИРОВ ИНЫХ: Интервью. Очерки. Эссе. Путевые заметки. Ярославль: Издатель Александр Рутман. 2010. 328 с.

Первую часть новой книги члена СП России Ольги Скибинской составили интервью с известными писателями Фазилом Искандером, Сергеем Залыгиным, Леонидом Бородиным, Михаилом Михалковым, исследование жизни и творчества писателя и философа Даниила Андреева, ярославские страницы из творческой биографии всемирно известного режиссера Андрея Тарковского и т. д.

Второй раздел книги рассказывает о тех, кто стоял у истоков развития отечественной пилотируемой космонавтики и других направлений современной науки — о Валентине Терешковой, Светлане Савицкой, Иване Неумывакине, об ученых из поселка Борок Ярославской области Рэме Щепетнове и Владимире Цельмовиче.

Завершают издание путевые заметки о поездках по российским северным монастырям, по Алтаю и Северному Кавказу. Любители экстрима вместе с автором совершат «Путешествие в Шамбалу: Гималаи — Тибет», попытаются приоткрыть «Тайну золота инков».

Смирнов А. П. СКВЕРЫ: стихотворения. Ярославль: Ньюанс, 2010. 24 с.

Анатолий Смирнов родился в Рыбинске. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар поэзии Анатолия Жигулина). Сменил не одну рабочую профессию. В ярославской журналистике прошел путь от корреспондента до главного редактора газеты «Юность», работал ответственным секретарем в газете «Северный рабочий». Сейчас живет и работает в Рыбинске.

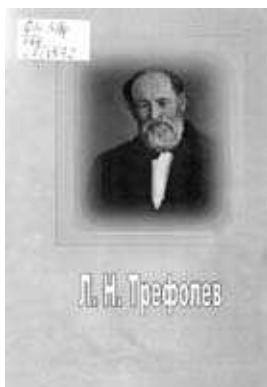
Авторский сборник стихотворений «Скверы» — вторая книга поэта, изданная скромным тиражом. В проникновенных лирических строках Анатолий Смирнов признается, что «где-то время потерял, душой за пазухой согретое». Сложная человеческая и поэтическая судьба заставляет автора снова и снова задавать себе и читателю неразрешимый философский вопрос: «Или несоединимы/ныне, во веки веков/ладаны вечного дыма/с рыщущим ладом стихов?»

Смирнов Я. Е. ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯРОСЛАВЦЕВ В ОБОИХ СТОЛИЦАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. СПб.: Азбука, 2010. 398 с.

Книга историка и краеведа, сотрудника Государственного архива Ярославской области Ярослава Смирнова, дополненная и переработанная, была переиздана к 1000-летию Ярославля. Это увлекательный рассказ о прошлом города-красавца на Волге. Главный ее герой — «расторопный ярославский мужик», смекалистый, речистый, неунывающий. Разносчики, гостинодворцы, трактирщики, букинисты — таков далеко неполный перечень «профессий» крестьян-отходников, которые благодаря своим чертам характера с небывалым размахом утверждались в обеих российских столицах. Из той же среды ярославских мужиков выдвинулись купцы-миллионеры, деятели отечественной науки и культуры.

В книге представлены тексты редчайших лубочных изданий о ярославцах, найденные в исторических архивах и библиотеках Ярославля, Москвы, Санкт-Петербурга. Издание иллюстрировано репродукциями картин русских художников и редкими фотографиями.

ТРЕФОЛЕВ Л. Н.: МАТЕРИАЛЫ ТРЕФОЛЕВСКИХ ЧТЕНИЙ. Ярославль, 2010.

Тематический сборник посвящен очередной конференции, прошедшей 9 сентября 2009 г. и приуроченной к 170-летию со дня рождения Л. Н. Трефолева — известного ярославского историка и краеведа, прозаика и поэта, журналиста. Он сделал все, что было в его силах, чтобы донести до будущих поколений историю и культуру Ярославля. Лишь один факт из его биографии: на собственные довольно скромные средства Трефолев

переиздал журнал 1786—1787 гг. «Уединенный пошехонец», тем самым сохранив его для потомков.

В сборник вошли доклады ведущих исследователей из ЯГПУ, ЯрГУ, ярославских музейщиков, библиотекарей, краеведов о роли земства второй половины XIX в. Впервые в местном краеведении затронут вопрос об участии Леонида Трефолева в земской деятельности.

Хомутов С. А. В БРЕДУ РЕАЛЬНОСТИ. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2010. 64 с.

В новых стихах Сергея Хомутова отражены противоречия нынешнего непростого времени, преломленные в художественном осмыслении до предельной обостренности. «Конец прошлого и начало нового века отличаются такой насыщенностью событий и невероятных перемен, — пишет сам поэт в предисловии к новой книге, — что осмыслить их крайне трудно, а не откликнуться на все происходящее с Россией и русским человеком — невозможно... Эта книга состоит из стихов, которые я не мог не написать».

Автор пытается не только фиксировать то, что видит вокруг себя и чувствует, но проводит линию от прошлого к будущему. Лейтмотивом звучит в стихах суровое предупреждение о возможной духовно-нравственной катастрофе, когда уже «Всевышний спросит» за утрату человеческого в человеке. Но, несмотря на обилие в книге горьких, а порою и страшных строк, поэт не теряет веру в то, что мир изменится к лучшему, не застынет обреченно в нынешнем неприглядном состоянии.

Хомутов С. А. ВСЁ БУДЕТ В СРОК: книга избранных стихотворений. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2010. 286 с.

Юбилейная книга стихов, вышедшая в год шестидесятилетия поэта, включает в себя произведения, написанные им за последнюю четверть века. Этот отрезок является наиболее цельным в творчестве поэта, стремящегося отразить и осмыслить настоящее и прошлое как единое целое. «Сколько раз думал и в сорок, и в пятьдесят, и после, что, может быть, пора перейти на прозу, — пишет сам автор в предисловии к новой книге. — Но жизнь продолжалась, и желание высказаться на языке словесной музыки оставалось... Разве можно сказать всё? Вопрос в другом — как сказать?»

Время нелегких перемен не могло не повлиять на мироощущение и мировоззрение автора, но не изменило одного — его отношения к истинным ценностям.

Книга издана за счет средств бюджета Ярославской области.

Хомутов С. А. ОСЕННЯЯ МУЗЫКА. Рыбинск: Медиарост, 2010. 200 с.

Авторский сборник рыбинского поэта включает в себя стихи, наиболее близкие нынешнему временному и возрастному ощущению автора, вошедшего в литературу более сорока лет назад. Поэтому три раздела книги — «Пора возвращаться к истокам», «Грядет ли душе вознесение?», «Осенняя музыка» — содержат как произведения, проверенные временем, так и родившиеся в новом XXI веке, когда уже можно более четко определить свой взгляд на прошлое и настоящее. Это книга лирики, а

потому в ней на первый план выходят душевные переживания автора, а не быстро изменяющиеся факты повседневности.

Книга издана при поддержке главы г. Рыбинска Ю. В. Ласточкина.

Шабанов Ю. П. НАД ПОШЕХОНЬЕМ РАДУГА ПОЕТ: стихи. Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2010. 278 с.

Юрий Павлович Шабанов родился в селе Мормужино под Пошехоньем. Выпускник РАТИ, впоследствии он закончил аспирантуру по специальности промышленный дизайн. Сегодня у профессора дизайна Шабанова на счету не только научные публикации, но и более 300 живописных полотен, сборники стихов.

Поэзией Шабанов увлекся в смутные девяностые годы XX века: его остро сюжетные политико-патриотические стихи печатались в газетах «Советская Россия», «Сельская новь», «Советская Ярославия», в журналах «Юность», «Нева». По словам автора, именно многочисленные отклики читателей на его поэтические строки и заставили его собрать свои произведения под одной обложкой. Так родился этот сборник, куда также вошли лирические стихотворения разных лет.

Издано при поддержке главы администрации Пошехонского МО В. Г. Кабанова.

ЯРОСЛАВСКИЙ АЛЬМАНАХ — 2009. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2010. 240 с.

В новый альманах Ярославского отделения СП России вошли рассказы, очерки, стихи авторов, известных не только ярославскому, но и общероссийскому читателю: Александра Коногшина, Анатолия Грешневинова, Семена Работникова, Юрия Бородкина, Михаила Корнилова, Сергея Хомутова, Евгения Чеканова, Евгения Гусева, Александра Кочкина, Владимира Лебедева и других писателей.

Однако в сборнике представлено творчество не только профессиональных писателей, но и тех авторов, чье увлечение творчеством привело их в литературные объединения: со страниц альманаха к читателям обращаются подающие надежды молодые поэты и прозаики из Ярославля, Рыбинска, Углича. Отдельный раздел альманаха посвящен 65-летию Великой Победы, которое наша страна отмечала в 2010 году. Завершающий раздел книги — «парад пародий», в который включены юмористические стихи, авторские анекдоты, басни.

Издание увидело свет благодаря поддержке бюджета Ярославской области.

Вперед в прошлое

Человек в черном кимоно, с дымящейся толстой короткой трубкой во рту задумчиво бродит по дому, над которым беспокойно витает дух последнего российского императора Николая II...

Тот же человек, но уже в котелке и длинном сером сюртуке, сшитом по моде позапрошлого века, с тростью в руках не менее задумчиво посасывает ту же трубку, но увенчанную длинным мундштуком. Новый, партикулярный, образ хозяина квартиры заметно умиротворяет дух императора. А вот Казанова и доктор Песте, неизменные герои комедии дель арте, комедии масок — любимого итальянцами площадного театра импровизаций, — взирают на пространственно-временную трансформацию без особого удивления. Они на своем веку повидали еще и не такое, гораздо больше, чем языческая нечисть, что пялится с соседних полок.

Неподготовленный человек, случайно оказавшийся в квартире художника Игоря Сакурова, без особых усилий путешествующего по культурным эпохам и континентам, пережил бы самый настоящий шок. Был бы чрезвычайно поражен и бывший владелец дома, ярославский купец, который, согласно городским легендам, принимал у себя в доме Николая II. Император Российской империи — это еще куда ни шло, но японцы, итальянцы в сочетании с лешими и домовыми — это уже, батенька, явный перебор...

Выпускник Ярославского художественного училища Сакуров решил не останавливаться на достигнутом и поступил на факультет художественно-технологического оформления печатной продукции Московского полиграфического института (ныне Московский университет печати им. Ивана Федорова). Учился в мастерской известного графика, иллюстратора, живописца А. А. Ливанова.

Уже через два года после окончания МПИ Игоря Анатольевича приняли в Союз художников России. Но он тогда еще не подозревал, что Господь не случайно наградил его фамилией, созвучной с национальным символом Японии (в древности перед храмами высаживались аллеи из сакуры, священного дерева, цветы которого считались обиталищем душ предков; цветение сакуры было символом быстротечности жизни).

На протяжении последних пятнадцати лет, то есть с середины 1990-х, Сакуров активно сотрудничает в качестве книжного иллюстратора с престижными столичными издательствами «Детская литература», «ОЛМА», «Дрофа», «Белый город», «Захаров» и другими, а также с ярославскими издательствами «Издатель Александр Рутман», «Нюанс», «Академия развития» и т. д. И книги, на которых стоит имя художника, — отечественные и мировые шедевры: «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя, «Белый клык» Джека Лондона, «Два капитана» Вениамина Каверина.

Художник Игорь Сакуров и писатель Борис Акунин за обсуждением очередного проекта

— Не секрет, что далеко не каждая книжка нуждается в иллюстрировании, — говорит Сакуров. — Мне кажется полным нонсенсом иллюстрировать «Братьев Карамазовых» Достоевского. Или «Улисс» Джойса. Как вы себе это представите? Да никак, по моему. Как невозможно проиллюстрировать и многие другие классические «статичные» произведения, где все происходит не на уровне действия. Рисунки в данном случае только мешали бы восприятию читателя. Разве придумать какой-то очень свежий ход... А иллюстрировать приключения, экшн очень интересно. Здесь есть возможность продемонстрировать какие-то реалии — культурные, бытовые — тех времен, тех народов, тех ситуаций, о которых повествует автор. Это страшно интересно.

Судьбоносным для Игоря Сакурова можно назвать 2005 год, когда произошло его

знакомство с Г.Ш.Чхартишвили. Выпускник историко-филологического отделения Института стран Азии и Африки, историк-японист, переводчик, литературный критик, Григорий Шалвович Чхартишвили в сорок лет вдруг начал писать прозу. Собственно, личностью он был уже состоявшейся: имел «на счету» блестящие переводы современных классиков японской, английской и американской литературы; работал заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература», председателем правления мегапроекта «Пушкинская библиотека» и т. д. Полагаем, не от стыда, а совсем по иным соображениям проза, выходящая из-под пера Чхартишвили, публикуется под псевдонимом Борис Акунин. Критические и документальные работы автор по-прежнему печатает под своим настоящим именем.

Варианты обложки для сборника рассказов и повестей о приключениях Э. Фандорина

К художественным произведениям Бориса Акунина отношение очень разное. Одни считают, что не к лицу интеллектуалу писать подростковые приключенческие романы. Другие недоумевают: зачем тратить время на создание стилизаций максимум «под Достоевского», минимум — под разнокалиберных беллетристов XIX века. Третьи преклоняются перед создателем литературного героя, с конца 1990-х успешно соперничающего в борьбе за внимание российского читателя со знаменитым Шерлоком Холмсом. Да-да, преклоняются и зачитываются акунинскими произведениями до умопомрачения, фанатеют, скупая каждую новую книгу в тот же день, как она ложится на прилавки книжных магазинов, тусуются на сайтах Бориса Акунина и его героя Эраста Фандорина. Иной рафинированный читатель в недоумении пожмет плечами: невежды! Но почему тогда один из ведущих телеканалов страны год назад в День независимости России с утра до вечера «крутил» фильмы, снятые по романам Бориса Акунина? Значит, не породила отечественная литература в последние десятилетия иного героя, столь же яркого носителя идеи государственности, патриотизма? Впрочем, и самые непримиримые критики вынуждены признать, что «интеллектуальный детектив» Акунина принят на российской почве очень хорошо.

Игорь Сакуров познакомился с Борисом Акуниным через Интернет: послал уже из-

Форзац для серии книг о Карташе Александра Бушкова

вестному писателю собственные иллюстрации к роману о Фандорине. Вероятно, тот счел добрым предзнаменованием не только профессиональную графику ярославского художника, точно соответствующую образному строю прозаика, но и судьбоносную фамилию. С тех пор писатель и иллюстратор его книг не расставались.

Потомственный дворянин. В 1899 году в Бостоне прошел экстерном курс инженера-механика. Тема дипломной работы — идея вседорожного мототрипеда. В совершенстве владеет английским, французским, немецким, японским, турецким и... игрой в нарды. Без всякой протекции прошел путь от коллежского регистратора до статского советника. Участник Русско-турецкой войны. Кавалер российских и японского орденов... Таков послужной список Эраста Петровича Фандорина, созданного фантазией Бориса Акунина. Сей brutally-интеллектуальный набор оказался универсальным — не в нем ли секрет необычайной популярности героя, преданно служащего отечеству и еще некоему только ему ведомому идеалу.

Однако только в Ярославле, в небольшом особнячке XVIII века на Которосльской набережной, благодаря Сакурову, произошло визуальное рождение этого чертовски обаятельного и столь же таинственного господина.

— В детстве я, как и многие мальчишки, зачитывался «Библиотекой приключений» —

Иллюстрации И. Сакурова
к детским изданиям

увесистыми томиками, иллюстрированными выразительными картинками, — рассказывает Игорь Сакуров. — Картинками этими я не только подолгу любовался, но даже копировал их, выжигал на дощечке. А когда вырос... просто попытался претворить свою детскую мечту в жизнь. Мечты сбываются!

Впрочем, с акунинскими романами и самим господином Эрастом Петровичем Фандориным оказалось не все так просто. Иллюстратору пришлось с головой погрузиться в изучение культуры XIX века. Они действительно нашли друг друга — Борис Акунин и Игорь Сакуров. Свидетельством тому дотошное внимание к мельчайшим деталям быта ушедшей эпохи. В ход при этом идет все — бабушкино наследство, театральные реквизиты, пропахшее нафталином старье из полузабытых чемоданов друзей и знакомых, собственная мебель, артефакты, привезенные Сакуровым из зарубежных поездок, включая нежнейший веер, итальянские театральные маски, самурайский меч в матово светящихся черных ножнах, макет кольца сорок пятого калибра, точно такого же, из каких палили герои американских вестернов.

Один из многих журналистов, побывавших в квартире Сакурова, был буквально заморожен семейным антиквариатом:

«Отдельного упоминания достоин шкаф середины XIX века. У него необычная история, напоминающая скорее семейную легенду. Бабушка супруги художника была

из семьи обедневших дворян и дружила с семьей Чернышевских. В то время представители своего сословия помогали друг другу в обучении детей. И Ольга Сократовна Чернышевская также принимала участие в этом процессе. Через какое-то время часть вещей из дома Николая Гавриловича, в том числе и этот шкаф, были переданы воспитанникам. Теперь он занимает в доме художника почетное место...»

Источником вдохновения для настоящего художника служит весь окружающий мир, включая улицы и скверы родного Ярославля. Так, лавочка с изящными коваными ножками и поручнями из губернаторского сада увековечена Игорем Анатольевичем в романе «Коронация»: небезызвестный мистер Фрейби изображен на фронтиспise книги сидящим именно на ней. А правый флигель усадьбы Вахрамеева на улице Ушинского по прихоти художника превратился в московское жилище — во флигель усадьбы Эверт-Колокольцева, что на М. Никитской. Но этим дело по активному использованию родных пенат не закончилось.

«В педуниверситете Сакуров изучал особенности русского языка дореволюционного периода, — восторженно пишет корреспондент «Комсомольской правды». — Так, в отчестве героя романа «Азазель» Ксаверия Феофилактовича читатель видит не обычную «Ф», а изгибистую букву «фита». В Волковском театре Сакуров изучал детали старинных туалетов вплоть до пуговиц. Воссоздать интерьер комнат помогли в музеях истории города и «Музыка и время». Грамотно нарисовать «лошадиную экипировку» — на конно-кадетном дворе...»

В поисках платья нужного фасона или муфточки активно участвуют супруга художника Ольга и дочь Ксения. Кстати, дочь помогает при создании образов — с нее Сакуровым нарисованы многие героини акунинских книг. При необходимости живописец и сам идет на жертву: облачается в вышеупомянутое японское кимоно или сюртук, в зависимости от предлагаемых Акуниным обстоятельств... Скажете, семейный

подряд? Берите шире. Художник задействовал и однокурсников своих детей. А все почему?

— Фандорин оказался очень трудным персонажем, его образ лепился понемножку из разных людей, — признается Сакуров. — Не хочу называть их фамилии, так как они могут не очень позитивно отнестись к тому, что отдельные детали их внешности где-то использовались...

Так что каждая иллюстрация в фандоринском романе — результат многомесячной кропотливой работы. Высокий профессионализм художника по достоинству оценивают не только читатели, оставляющие свои отзывы на сайте Сакурова, но и сам Борис Акунин.

«Игорь Сакуров — мой давний соавтор по “Приключениям Эраста Фандорина”, а теперь еще и по серии “Роман-кино”, — пишет он в своем блоге. — Сейчас, когда искусство книжного иллюстратора стало почти реликтовым, Игорь — один из очень немногих настоящих мастеров этого сверхсложного, деликатного жанра. И мне, и моим читателям с ним очень повезло».

В 2007 году начали выходить «фильмы» романа-кино «Смерть на брудершафт» неистощимого на жанры и сюжеты Бориса Акунина. Все события вращаются вокруг противостояния двух разведок в Первую мировую войну. И снова писатель уверен: «Игорь Сакуров, мне кажется, вполне может считаться моим соавтором. Без его рисунков пропадет весь смысл затеи».

В творческих замыслах Акунина — новые приключения, в которых будет участвовать и ярославский художник. Например, сейчас он работает над созданием так называемых «стоп-кадров» к новым «фильмам», которые войдут в завершающую книгу киноромана. На очереди — путешествие Фандорина в предреволюционный Баку.

В работе книжного графика Игорю Сакурову помогает друг и дизайнер Максим Руданов. На счету творческого тандема не только произведения Бориса Акунина, но и книги Мастера Чэня, Александра Бушкова.

И снова получается, что ярославский художник и один из самых читаемых беллетристов России начала XXI века нашли друг друга, хотя никогда не встречались. Дело не только в том, что и тот, и другой жизни в столице предпочитают родную глубинку. Автор популярнейших детективов, боевиков, фэнтези, научной фантастики Александр Бушков, как и Борис Акунин, пишет книги, которых у него не было в детстве и юности.

Не в этом ли секрет таланта всех, кого я назвала выше? В умении обернуться лицом к мечтам детства и взяться воплощать их в жизнь...

Однако не будем забывать, что Игорь Сакуров не только иллюстратор книг, то есть человек, подчиняющий свой талант чужому